

Грэм Грин

Монсеньор Кихот

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

О том, как отец Кихот стал монсеньором

Вот как это было. Отец Кихот велел своей домоправительнице приготовить ему обед на одного и отправился по шоссе, ведущему в Валенсию, за вином в местный кооператив, что находится в восьми километрах от Эль-Тобосо. В этот день над высохшими полями стояло, подрагивая, жаркое марево, а в его маленьком «сеате-600», который он купил по случаю восемь лет тому назад, воздушного кондиционера не было. Двинувшись в путь, отец Кихот с грустью подумал, что настанет день, когда ему придется подыскивать себе новую машину. Годы жизни собаки надо помножить на семь, чтобы понять, в каком она возрасте по сравнению с человеком, – значит, его машина по такому счету только еще вступает в преклонный возраст, однако его прихожане, как он заметил, смотрят на нее почти как на развалину. «Нельзя ей больше доверяться, Дон Кихот», – предупреждали они его, а что он мог сказать в ответ? Только одно: «Она была со мной в тяжелые дни, и я молю бога, чтобы она пережила меня». Столько его молитв осталось без ответа, что он надеялся: уж эта-то застряла, словно сера, в ухе Всевышнего.

Отец Кихот угадывал, где пролегает шоссе, по облачкам пыли, которые поднимали мчавшиеся по нему машины. Он ехал и думал о судьбе, ожидавшей «сеат», который в память о своем предке Дон Кихоте он называл «мой Росинант». Мысль, что его маленькая машина будет ржаветь на свалке, была ему невыносима. Он даже подумывал о том, чтобы купить клочок земли и оставить его в наследство кому-нибудь из прихожан при условии, что там построят сарай, где и упокоится его «сеат», но не было такого прихожанина, которому он мог бы доверить исполнение своей воли, да и вообще его «сеату» не избежать медленной смерти от ржавения, так что, пожалуй, пресс на свалке был бы для него менее жестоким концом. В сотый раз обдумывая все это, отец Кихот чуть не налетел на черный «мерседес», стоявший за выездом на шоссе. Решив, что человек в черном отдыхает за рулем – ведь путь из Валенсии в Мадрид неблизкий, – он напрямик направился в кооператив купить бутылку вина; только уже возвращаясь назад, он заметил у сидящего за рулем белый воротничок католического священника, словно перед его глазами взмахнули белым платком, подавая сигнал бедствия. Любопытно, подумал он, откуда это у его собрата-священника могут быть такие деньги, чтобы раскатывать в «мерседесе»? Но, подойдя поближе, он обнаружил ниже воротничка пурпурный нагрудник, указывавший на то, что перед ним по крайней мере монсеньор, если не сам епископ.

А у отца Кихота были основания опасаться епископов: он прекрасно знал, в какой немилости

он у своего епископа, видевшего в нем, несмотря на его именитую родословную, чуть ли не крестьянина. «Разве можно быть потомком литературного героя, придуманного писателем?» – заметил как-то епископ в одной частной беседе, которая была тут же передана отцу Кихоту.

Человек, с которым беседовал епископ, переспросил в изумлении: «Придуманного писателем?»

«Ну да, это же герой романа некоего переоцененного публикой писателя по имени Сервантес, к тому же романа, перегруженного омерзительнейшими пассажами, которые во времена генералиссимуса цензор ни за что бы не пропустил».

"Но, Ваше преосвященство, в Эль-Тобосо есть дом Дульсинеи. На нем висит табличка с надписью: «Дом Дульсинеи».

«Ловушка для туристов. К тому же Кихот, – язвительно продолжал епископ, – это даже не испанское имя. Сервантес сам говорил, что звали его героя скорее всего Кихада, или Кесада, или даже Кехана, да и сам Дон Кихот на смертном одре называет себя Кихано».

«Я вижу, вы действительно читали эту книгу, Ваше преосвященство».

«Только первую главу – дальше не пошло. Хотя, конечно, я заглянул и в последнюю. Всегда так поступаю с романами».

«Возможно, кого-нибудь из предков отца Кихота и звали Кихада или Кехана».

«У людей такого сословия не бывает предков».

Посему понятно, что отец Кихот не без внутренней дрожи представился сановной особе, сидевшей в роскошном «мерседесе».

– Меня зовут падре Кихот, монсеньор. Могу я быть вам чем-нибудь полезен?

– Безусловно можете, друг мой. Я – епископ Мотопский... – говорил епископ с сильным итальянским акцентом.

– Епископ Мотопский?

– In partibus infidelium [в краю неверующих (лат.)], друг мой. Нет ли тут поблизости гаража? Моя машина не желает ехать дальше, так что если бы здесь был ресторан... а то желудок мой уже начинает требовать пищи.

– В моем селении есть гараж, но он сегодня закрыт из-за похорон – умерла теща хозяина.

– Мир праху ее, – машинально пробормотал епископ, сжимая наперсный крест. И добавил: – Вот ведь незадача!

– Он вернется к себе часа через два-три.

– Через два-три! А есть тут поблизости ресторан?

– Если бы вы оказали мне честь, монсеньор, и разделили со мною мой скромный обед... ресторан в Эль-Тобосо я не могу вам рекомендовать – ни в отношении кухни, ни в отношении вина.

– В моем положении просто необходимо выпить стакан вина.

– Я могу предложить вам доброе местное вино и, если вас это устроит, простой бифштекс... и салат. Моя домохозяйка готовит с запасом – я никогда всего не съедаю.

– Друг мой, да вы просто переодетый ангел-спаситель! Поехали к вам.

Переднее сиденье в машине отца Кихота было занято бутылкой с вином; но епископ настоял на том, чтобы ее не трогать, и, согнувшись в три погибели – а он был очень высокий, – залез на заднее сиденье.

– Нельзя тревожить вино, – сказал он.

– Вино-то неважноецкое, монсеньор, а вам было бы куда удобнее...

– Со времен брака в Кане [имеется в виду брак в Кане, упоминаемый в Библии] ни одно вино нельзя считать неважным, друг мой.

Отец Кихот почувствовал, что его осадили, и между спутниками воцарилось молчание, пока они не доехали до маленького домика возле церкви. У отца Кихота отлегло от сердца, лишь когда епископ, пригнувшись, чтобы войти в дверь, которая вела прямо в гостиную, заметил:

– Это для меня большая честь – быть гостем в доме Дон Кихота.

– Мой епископ не одобряет этой книги.

– Святость и литературный вкус не всегда идут рука об руку.

Епископ подошел к книжной полке, где отец Кихот хранил свой служебник, молитвенник. Новый завет, несколько потрепанных книжечек по теологии, оставшихся от его занятий, и кое-какие труды своих любимых святых.

– Прошу меня извинить, монсеньер...

И отец Кихот отправился разыскивать свою домоправительницу на кухню, которая служила ей одновременно спальней, а кухонная раковина – умывальником. Женщина она была плотная, с выпирающими зубами и намеком на усики; она не доверяла ни одному живому существу, святых же в известной мере уважала, особенно женского пола. Звали ее Тереса, и никому в Эль-Тобосо не пришло в голову прозвать ее Дульсинеей, поскольку никто, кроме мэра, слывшего коммунистом, и владельца ресторана не читал произведения Сервантеса, да и то сомнительно, чтоб последний продвинулся дальше сражения с ветряными мельницами.

– Тереса, – сказал отец Кихот, – у нас гость к обеду: надо побыстрее все приготовить.

– Да ведь у нас один только ваш бифштекс и салат, ну и еще остатки ламанчского сыра.

– Бифштекса моего хватит на двоих, да и епископ такой милый.

– Епископ? Нет уж, ему я не стану прислуживать.

– Да не

наш епископ. Итальянский. Прелюбезнейший человек.

И отец Кихот объяснил, при каких обстоятельствах он встретился с епископом.

– Но ведь бифштекс-то... – сказала Тереса.

– А что такое?

– Ну нельзя же подавать епископу бифштекс из конины.

– Мой бифштекс – из конины?

– Я вам всегда такой готовлю. Откуда же мне взять говядины на те деньги, что вы мне даете?

– И ничего другого у тебя нет?

– Ничего.

– О, господи, господи. Будем молиться, чтобы он не заметил. Я-то ведь не замечал до сих пор.

– А вы никогда ничего лучшего и не ели.

Отец Кихот вернулся к епископу с полбутылкой малаги в весьма смятенном состоянии духа. К радости отца Кихота, епископ согласился выпить рюмочку, а потом и другую. Может, вино притупит его вкус. Епископ уютно устроился в единственном кресле отца Кихота. А отец Кихот с тревогой изучал гостя. Епископ не выглядел опасным человеком. Лицо у него было очень гладкое – точно никогда не знало бритвы. Отец Кихот пожалел, что не побрился утром после ранней мессы, которую отслужил в пустой церкви.

– Вы сейчас на отдыхе, монсеньор?

– Не совсем, хотя, по правде говоря, я рад побыть вне Рима. Я знаю испанский, и Святой Отец поручил мне одну конфиденциальную миссию. У вас в Эль-Тобосо, наверное, очень много бывает иностранных туристов.

– Не так уж много, монсеньор: тут ведь и смотреть-то особенно не на что, если не считать музея.

– А что у вас за музей?

– Это совсем маленький музей, монсеньор, – всего одна комната. Не больше этой моей гостиной. Ничего интересного там нет – одни автографы.

– Какие автографы? Можно мне еще рюмочку малаги? А то от сидения на солнце в этом сломанном автомобиле у меня такая появилась жажда.

– Вы уж извините меня, монсеньор. Видите, какой из меня плохой хозяин.

– Я еще ни разу не встречал музея автографов.

– Видите ли, мэр Эль-Тобосо много лет назад начал писать главам государств с просьбой прислать переводы Сервантеса со своим автографом. И собралась замечательнейшая коллекция. Конечно, у нас есть автограф генерала Франко на главном экземпляре, как я бы его назвал; есть автографы Муссолини и Гитлера – этот писал так мелко, точно мушиный помет, – и Черчилля, и Гинденбурга, и какого-то Рамсея Макдональда – он, кажется, был премьер-министром Шотландии.

– Великобритании, отче.

Тут вошла Тереса с бифштексами, мужчины сели за стол, и епископ произнес молитву.

Отец Кихот разлил вино и не без внутренней дрожи стал наблюдать за тем, как епископ отрезал кусочек бифштекса и быстро запил его вином – наверное, чтобы отбить специфический вкус.

– Это весьма заурядное вино, монсеньор, но есть у нас ламанчское – вот им мы очень гордимся.

– Вино вполне пристойное, – сказал епископ, – а вот бифштекс... бифштекс, – повторил он, уставясь в тарелку, и отец Кихот приготовился к худшему, – бифштекс... – в третий раз сказал епископ, словно ища в глубинах памяти описания древних обрядов и то слово, которое тогда употребляли вместо анафемы (Тереса, подойдя к двери, тоже дожидалась его приговора), – ни за одним столом, никогда и нигде не пробовал я... такого нежного, такого ароматного, позволю себе даже допустить святотатство и сказать – такого божественного бифштекса. Я хотел бы поздравить вашу замечательную домоправительницу.

– Она тут, монсеньор.

– Любезная моя, разрешите пожать вашу руку. – И епископ протянул ей свою руку с перстнем, как протягивают скорее для поцелуя, чем для рукопожатия. Тереса же поспешно попятилась на кухню. – Я что-нибудь не так сказал? – спросил епископ.

– Нет, нет, монсеньор. Просто она не привыкла готовить для епископов.

– Лицо у нее некрасивое, но честное. А в наши дни, даже в Италии, домоправительницы часто вводят в смущение – такие красотки, хоть завтра женись, и – уввы! – очень часто этим дело и кончается.

Тереса влетела с сыром и столь же стремительно вылетела из комнаты.

– Немножко нашего queso manchego [ламанчского сыра (исп.)], монсеньор?

– И, пожалуй, еще рюмочку вина к нему.

Отец Кихот почувствовал, как по телу начало разливаться приятное тепло. Все подталкивало его к тому, чтобы задать вопрос, с которым он не осмелился бы обратиться к собственному епископу. Римский епископ, в конце концов, все-таки ближе к источнику веры, да и то, что епископу понравился бифштекс из конины, придавало смелости. Ведь не случайно же отец Кихот назвал свой «сеат-600» «Росинантом», и если спросить о нем, как о лошади, то, пожалуй, скорее получишь благоприятный ответ.

– Монсеньор, – сказал он, – есть один вопрос, который я часто задаю себе, вопрос, который, наверное, скорее придет на ум деревенскому жителю, чем горожанину. – Он помедлил, словно пловец перед прыжком в холодную воду. – Как, по-вашему, молиться господа за здоровье лошади – это богохульство?

– О здравии лошади здесь, на земле, – не колеблясь, отвечал епископ, – нет, такая молитва вполне допустима. "Святые отцы учат нас, что господь создал животных для человека, и долгая жизнь лошади на службе человеку не менее желательна в глазах господа, как и долгая жизнь моего «мерседеса», который, боюсь, начинает меня подводить. Должен, однако, признаться, что чудес с неодушевленными предметами не зарегистрировано, а вот что касается животных, то у нас есть пример валаамовой ослицы, которая по велению господа оказала необычайную услугу Валааму.

– Я-то думал не о пользе, какую лошадь может принести своему хозяину, а о том, можно ли молиться за ее благополучие... и даже за то, чтоб ей выдалась легкая смерть.

– Я не вижу возражений против того, чтобы молиться за ее благополучие: лошадь после этого вполне может стать послушнее и лучше служить своему хозяину, – но я не вполне уверен, что вы имеете в виду, говоря о легкой для лошади смерти. Легкая смерть для человека означает смерть в единении с богом, обещание вечной жизни. Мы можем молиться за земную жизнь лошади, но не за вечную ее жизнь – это уже граничило бы со святотатством. Правда, есть в нашей Церкви течение, которое считает, что собака наделена эмбрионом души, хотя лично я нахожу эту идею сентиментальной и опасной. Не следует открывать без нужды лишние двери

неосторожными суждениями. Ведь если у собаки есть душа, то почему ее не должно быть у носорога или кенгуру?

– Или у комара?

– Вот именно. Я вижу, отче, что вы стоите на правильных позициях.

– Вот только я никогда не мог понять, монсеньор, как это комар мог быть сотворен для пользы человека. Какая же от него польза?

– Ну что вы, отче, польза очевидная. Комара можно сравнить с плетью в руках господина. Он учит нас терпеть боль во имя любви к Нему. А этот пренеприятный писк, который мы слышим, – это, возможно, пищит сам бог.

У отца Кихота была злосчастная привычка одинокого человека – произносить свои мысли вслух.

– То же, наверно, можно сказать и о блохе.

Епископ внимательно на него посмотрел, но во взгляде отца Кихота не было и грана издевки: он был явно погружен в собственные мысли.

– Это великие тайны, – сказал ему епископ. – Где была бы наша вера, если б не было тайн?

– Я вот думаю, – сказал отец Кихот, – куда я девал бутылку коньяка, которую один человек из Томельосо принес мне года три тому назад. Сейчас, наверно, самый подходящий момент ее откупорить. Извините меня, на минутку, монсеньор... может, Тереса знает, где она. – И отец Кихот бросился на кухню.

– Он и так уже достаточно выпил для епископа, – заявила Тереса.

– Тихо ты. До чего же у тебя громкий голос. Бедняга епископ очень волнуется из-за своей машины. Подвела она его, как он считает.

– По мне, так сам он виноват. Девчонкой я ведь жила в Африке. Так негры и епископы вечно забывали заливать в машину бензин.

– Ты в самом деле думаешь... А ведь и правда – он совсем не от мира сего. Он, к примеру, считает, что писк комара... Давай сюда коньяк. Пока он будет пить, я пойду взгляну, что там можно сделать с его машиной.

Отец Кихот достал из багажника «Росинанта» канистру с бензином. Он не думал, что проблема решится так просто, но отчего не попробовать, – ну и конечно, бак у епископа оказался пустой. Почему же он этого не заметил? Наверно, все-таки заметил, да постеснялся признаться деревенскому священнику в своей глупости. Отцу Кихоту стало жаль епископа. Этот итальянец был человек добрый – не то что его собственный епископ. Он выпил молодое вино, даже не поморщившись; с удовольствием съел бифштекс из конины. Отцу Кихоту не хотелось унижать такого человека. Но как же сделать, чтобы не уронить его достоинства? Отец Кихот долго раздумывал, прислонившись к капоту «мерседеса» Если епископ не заметил отметки на приборе, тогда нетрудно прикинуться искусным механиком, каким он вовсе не был. В любом случае не мешает вымазать в масле руки...

А епископу очень пришелся по душе коньяк из Томельосо. Он обнаружил на полках среди учебных текстов экземпляр книги Сервантеса, которую отец Кихот купил еще мальчишкой, и сейчас, улыбаясь, читал ее – у местного епископа она наверняка не вызвала бы улыбки.

– Я как раз нашел тут, отче, один вполне уместный пассаж. Что бы там ни говорил ваш

епископ, Сервантес был высоконравственным писателем. «Верным вассалам надлежит говорить сеньорам своим всю, как есть, правду, не приукрашивая ее ласкательством и не смягчая ее из ложной почтительности. И тебе надобно знать, Санчо, что когда бы до слуха государей доходила голая правда, не облаченная в одежды лести, то настали бы другие времена» [Сервантес, «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», ч.2, гл.2, пер. Н.Любимова]. В каком же состоянии вы нашли «мерседес» – не заворожила ли его какая-нибудь колдунья в этой опасной Ламанче?

– «Мерседес» готов, можете ехать дальше, монсеньор.

– Произошло чудо? Или хозяин гаража вернулся с похорон?

– Хозяин гаража еще не вернулся, так что я сам заглянул в мотор. – И отец Кихот протянул епископу свои руки. – Весь перепачкался. У вас бензин был на исходе – эту беду было легко поправить; у меня всегда в запасе есть канистра, – а вот выяснить, в чем загвоздка...

– А-а, дело, значит, не только в бензине, – с довольным видом заметил епископ.

– Надо было кое-что подправить в моторе, – я никогда не знаю, как эти штуки называются, – пришлось изрядно повозиться, но сейчас он работает вполне сносно. Когда доберетесь до Мадрида, монсеньор, дайте все-таки машину профессионалам – пусть проверят.

– Значит, я могу ехать?

– Если не хотите после обеда немного отдохнуть. Тереса постелет вам на моей кровати.

– Нет, нет, отче. Ваше превосходное вино и бифштекс – ах, какой бифштекс! – вполне восстановили мои силы. Кроме того, я сегодня вечером приглашен в Мадриде на ужин, а я не люблю приезжать в темноте.

Пока они шли к шоссе, епископ принялся расспрашивать отца Кихота.

– Сколько лет вы живете в Эль-Тобосо, отче?

– С детства, монсеньор. Только когда учился на священника, уезжал отсюда.

– А где вы учились?

– В Мадриде. Я бы предпочел Саламанку, да слишком там высокие требования.

– Человеку ваших способностей нечего делать в Эль-Тобосо. Ваш епископ, несомненно...

– Мой епископ – увы! – слишком хорошо знает, сколь скромны мои способности.

– А ваш епископ мог бы починить мою машину?

– Я имею в виду – мои духовные способности.

– В церкви нам нужны и практики. В современном мире *astucia* [изворотливость, находчивость (исп.)] – в смысле мирской мудрости – должна сочетаться с молитвой. Священник, способный поставить перед неожиданным гостем хорошее вино, хороший сыр и отличный бифштекс, – такой священник не уронит себя в самых высоких кругах. Мы существуем на этом свете, чтобы приводить грешников к покаянию, а среди буржуазии их куда больше, чем среди крестьянства. Мне хотелось бы, чтобы вы, подобно вашему предку Дон Кихоту, шли высоким путем...

– Моего предка ведь называли сумасшедшим, монсеньор.

– Многие говорили так про святого Игнатия [Игнатий Лойола (1491?-1556) – основатель ордена иезуитов]. А вот и шоссе, по которому мне предстоит следовать, вот и мой «мерседес»...

– Мой епископ говорит, что Дон Кихот – это вымысел, плод фантазии писателя...

– Возможно, отче, все мы – вымысел, плод фантазии господина.

– Вы что же, хотите, чтобы я сразился с ветряными мельницами?

– Только сразившись с ветряными мельницами, Дон Кихот познал истину на смертном одре. – И, устравившись за рулем своего «мерседеса», епископ на манер грегорианцев произнес нараспев: – «Новым птицам на старые гнезда не садиться» [Сервантес, «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», ч.2, гл.24, пер. Н.Любимова].

– Красиво звучит, – заметил отец Кихот, – но что же он хотел этим сказать?

– Я сам так и не разгадал, – ответил епископ, – но достаточно того, что это красиво. – И «мерседес», мягко заурчав, покотился по дороге на Мадрид, а отец Кихот на мгновение уловил в воздухе приятный запах – смесь молодого вина, коньяка и ламанчского сыра, – который человек сторонний вполне мог бы принять за некий экзотический фимиам.

Немало недель протекло, как и все предшествующие годы, в успокоительном, ничем не нарушаемом ритме. Теперь, когда отец Кихот знал, что бифштекс, который ему время от времени подавали, был из конины, он встречал его со спокойной совестью и улыбкой – он уже мог не корить себя за роскошь и всякий раз вспоминал итальянского епископа, который выказал такую доброту, такую любезность, такую любовь к вину. Отцу Кихоту казалось, будто один из языческих богов, о которых он читал в латинских учебниках, провел час-другой под его кровлей. Читал отец Кихот теперь совсем мало – вот только молитвенник да газету, которая не потрудились довести до его сведения, что молитвенник больше не обязательно читать; особенно его интересовали рассказы космонавтов, поскольку он до конца еще не расстался с мыслью, что где-то в необозримом пространстве существует царство божие... ну и время от времени он раскрывал один из своих старых учебников по богословию, дабы убедиться, что краткая проповедь, которую он намеревался произнести в своей церкви в воскресенье, вполне соответствует учению Матери-Церкви.

Кроме того, он получал раз в месяц из Мадрида богословский журнал. Порой там содержалась критика опасных идей, высказанных даже каким-то кардиналом – то ли голландским, то ли бельгийским, он забыл каким именно, – или написанных священником с тевтонским именем, приведшим отцу Кихоту на память Лютера, но он не обращал особого внимания на эту критику, ибо едва ли ему придется защищать правоверные идеи Церкви от мясника, булочника, хозяина гаража или даже владельца ресторана, который был в Эль-Тобосо самым образованным человеком после мэра, а поскольку мэр, по мнению епископа, был атеистом и коммунистом, его вполне можно было – в том, что касается учения Матери-Церкви, – не принимать в расчет. Правда, встретив мэра на улице, отец Кихот получал от бесед с ним куда больше удовольствия, чем с любым из своих прихожан. С мэром он не чувствовал себя неким начальством: обоих равно интересовали успехи космонавтов в овладении космосом, и вообще они проявляли такт по отношению друг к другу. Отец Кихот не рассуждал о возможности столкновения спутника с ангельской ратью; мэр с позиции научной беспристрастности судил о достижениях русских и американцев, отец же Кихот, стоя на позициях христианина, не видел особой разницы между экипажами: в обоих экипажах, на его взгляд, были люди хорошие, по всей вероятности, хорошие родители и хорошие мужья, но он как-то не мог представить себе ни одного из них – в шлеме и костюме, словно поставленных одной и той же фирмой, – рядом с архангелом Гавриилом или архангелом Михаилом, а уж тем более рядом с Люцифером (если бы их корабль, вместо того чтобы вознестись в царство

божие, рухнул прямиком в преисподнюю).

– Вам тут письмо, – подозрительно глядя на своего хозяина, объявила Тереса. – Я прямо вас обыскалась.

– А я беседовал на улице с мэром.

– С этим еретиком!

– Если бы не было еретиков, Тереса, священникам почти нечего было бы делать.

– Письмо-то от епископа, – огрызнулась она.

– О господи, господи! – Отец Кихот долго сидел, вертя конверт в руках, боясь распечатать. Он не мог припомнить ни одного письма от епископа, в котором не было бы претензий к нему. Был, к примеру, такой случай, когда отец Кихот переложил традиционное подношение к пасхе из своего кармана в карман представителя благотворительной организации с достойным латинским названием «In Vinculis» ["В оковах" (лат.)], вроде бы занимавшейся удовлетворением духовных потребностей несчастных заключенных. Отец Кихот совершил это пожертвование добровольно, в частном порядке, но о нем каким-то образом стало известно епископу после того, как сборщика пожертвований арестовали за организацию побега неких врагов генералиссимуса, томившихся в тюрьме. Епископ обозвал отца Кихота идиотом – словом, которое Христос порицал. Мэр же хлопнул его по спине и назвал достойным потомком своего великого предка, освободившего галерных рабов. А потом был другой случай... и еще другой... отец Кихот с удовольствием выпил бы сейчас рюмочку малаги для храбрости, если бы осталась хоть капля после того, как он принимал епископа Мотопского.

Глубоко вздохнув, он сломал красную печать и вскрыл конверт. Как он и опасался, письмо, судя по всему, было написано в холодной ярости.

«Я получил совершенно непонятное письмо из Рима, – писал епископ, – которое сначала принял за шутку наихудшего вкуса, написанную в псевдоэпистолическом стиле, и, по всей вероятности, под влиянием кого-нибудь из той коммунистической организации, которую Вы сочли своим долгом поддержать по мотивам, недоступным моему пониманию. Но, попросив подтвердить письмо, я получил сегодня весьма резкий ответ, в котором подтверждалось первое послание, и меня просили немедленно довести до Вашего сведения, что Святой Отец счел нужным – по какому странному наущению Святого Духа, не мне выяснять, – возвести Вас в сан монсеньера (судя по всему, на основании рекомендации некоего епископа Мотопского, о котором я никогда в жизни не слышал), даже не обратившись ко мне, хотя именно от меня должна была бы, естественно, исходить подобная рекомендация, что – излишне добавлять – едва ли было бы сделано. Повинуясь Святому Отцу, сообщаю Вам эту новость и лишь молю Бога, чтобы Вы не обеславили тот сан, который он счел нужным Вам даровать. Некоторые скандальные поступки, которые были прощены лишь потому, что их совершил по неведению приходский священник из Эль-Тобосо, имели бы куда больший резонанс, явись они следствием безрассудства монсеньера Кихота. Так что будьте осмотрительны, дорогой отче, будьте осмотрительны, молю Вас. Я написал, однако, в Рим и указал на нелепость того, что столь маленький приход, как Эль-Тобосо, будет возглавлять монсеньор, – присвоение Вам этого сана, кстати, обидит многих, более достойных его, священников в Ламанче, – и попросил приискать для Вас более широкое поле деятельности, быть может, в другой епархии или даже в миссионерской сфере».

Отец Кихот сложил письмо, и оно выпало из его рук на пол.

– Что он там говорит? – спросила Тереса.

– Он хочет выставить меня из Эль-Тобосо, – сказал отец Кихот тоном такого отчаяния, что Тереса поспешно выскочила на кухню, прячась от его погрустневших глаз.

ГЛАВА II

О том, как монсеньор Кихот отправился в странствие

Случилось это через неделю после того, как отцу Кихоту было вручено письмо от епископа: в провинции Ламанча состоялись местные выборы, и мэр Эль-Тобосо неожиданно потерпел на них поражение.

– Правые силы, – заявил он отцу Кихоту, – перегруппировались, им нужен новый генералиссимус, – и он рассказал о неких хорошо известных ему интригах, которые плетут хозяин гаража, мясник и владелец второсортного ресторанчика, который, судя по всему, вознамерился расширить свое заведение. Какой-то таинственный незнакомец, сказал мэр, одолжил ресторатору денег, и тот купил на них новый морозильник. И каким-то образом – совершенно непостижимым для отца Кихота – это серьезно повлияло на результаты выборов.

– Я умываю руки и уезжаю из Эль-Тобосо, – заявил бывший мэр.

– А меня вынуждает уехать епископ, – признался ему отец Кихот и рассказал свою грустную историю.

– Надо было мне предупредить вас. Вот что получается, когда слишком доверяешь Церкви.

– Да дело тут не в Церкви, а в епископе. Мне никогда не нравился этот епископ, да простит меня господь. Вот вы – другое дело. Очень мне жаль вас, дорогой мой друг. Ваша партия подвела вас, Санчо.

На самом-то деле мэра звали Санкас – как звали и Санчо Пансу в правдивой истории Сервантеса, – и хотя при рождении мэра нарекли Энрике, он разрешал своему другу отцу Кихоту в шутку называть его Санчо.

– Дело вовсе не в моей партии. Три человека подложили мне эту свинью. – И он снова повторил: мясник, хозяин гаража и владелец ресторанчика, который приобрел морозильник. – В каждой партии есть предатели. В вашей партии тоже, отец Кихот. Был же у вас Иуда...

– А у вас был Сталин.

– Нечего вспоминать сейчас эту старую надоевшую историю.

– История про Иуду еще старше.

– Александр Шестой... [Александр VI Борджиа (1431-1503) – римский папа, известный своей жестокостью]

– А у вас Троцкий. Правда, насколько я понимаю, теперь можно придерживаться разного мнения о Троцком.

В их препирательстве было мало логики, но это был первый случай, когда дело у них чуть не дошло до размолвки.

– А какого вы мнения об Иуде? В эфиопской церкви он считается святым.

– Санчо, Санчо, слишком мы по-разному на все смотрим, чтобы устраивать диспуты. Пойдемте ко мне, выпьем по рюмочке малаги... О господи, я же совсем забыл: епископ прикончил бутылку...

– Епископ... Вы позволили этому мерзавцу...

– Да то был другой епископ. Тот был очень хороший человек, но как раз от него-то и пошла моя беда.

– Пойдемте в таком случае ко мне и выпьем по рюмочке доброй водки.

– Водки?

– Польской водки, отец. Из католической страны.

Отец Кихот впервые пробовал водку. Первая рюмка показалась ему безвкусной, от второй он почувствовал приятное возбуждение.

– Вы будете скучать по своим обязанностям мэра, Санчо, – сказал он.

– Я решил отдохнуть. Я ведь ни разу не выезжал из Эль-Тобосо после смерти этого мерзавца Франко. Вот будь у меня машина...

Отец Кихот подумал о «Росинанте», и мысли его тотчас потекли по другому руслу.

– Москва слишком далеко, – донесся до него голос мэра. – К тому же там слишком холодно. Восточная Германия... Неохота мне туда ехать: слишком много немцев мы видели в Испании.

«А что если, – думал тем временем отец Кихот, – меня сошлют в Рим. „Росинанту“ ни за что не проделать такого пути. Епископ ведь упоминал даже про миссионерскую деятельность. А дни „Росинанта“ уже сочтены. Не брошу же я его умирать где-нибудь на обочине в Африке, чтобы над ним надругались из-за какой-нибудь коробки передач или дверной ручки».

– Ближайшее государство, где у власти стоит наша партия, – Сан-Марино. Еще рюмочку, отец?

Отец Кихот не раздумывая протянул руку.

– А что вы будете делать, отец, без Эль-Тобосо?

– Поступлю как укажут. Поеду куда пошлют.

– Будете, как здесь, нести веру верующим?

– Легче всего глумиться, Санчо. Я сомневаюсь, есть ли на свете человек, безоговорочно верующий.

– Даже папа римский?

– Возможно, в том числе и бедняга папа. Кто знает, о чем он думает ночью, в постели, после того, как прочтет свои молитвы?

– А вы?

– О, я такой же невежда, как и любой из моих прихожан. Просто я читал много книг, когда

учился, – больше, чем они, но и только: все ведь забывается...

– И однако же вы верите во всю эту чепуху. В господа бога, в святую троицу, в непорочное зачатие...

– Хочу верить. И хочу, чтобы другие верили.

– Почему?

– Я хочу, чтобы они были счастливы.

– Пусть пьют водочку. Это лучше, чем фантазировать.

– Действие водки проходит. Оно уже сейчас испаряется.

– Как и верования.

Отец Кихот в изумлении поднял на Санчо глаза. До того он не без грусти смотрел на дно своей рюмки, в которой оставалось всего несколько капель водки.

– Ваши верования?

– И ваши тоже.

– Почему вы так думаете?

– Да потому, отец, что жизнь делает свое грязное дело. Верования угасают, как и желание обладать женщиной. Не думаю, чтобы вы были исключением из общего правила.

– Вы считаете, мне не следует больше пить?

– Водка еще никому не причиняла вреда.

– Я на днях очень удивился, увидев, как много пил епископ из Мотопо.

– А где это – Мотопо?

– In partibus infidelium.

– Я немного знал когда-то латынь, но теперь уже позабыл.

– А я и не подозревал, что вы вообще ее знали.

– Мои родители хотели сделать из меня священника. Я ведь даже учился в Саламанке. Просто раньше я никогда вам этого не говорил, отче. In vodka veritas [в водке – истина (лат.)].

– Так вот откуда вам известно про эфиопскую церковь? Я был немного удивлен.

– Какие-то обрывки бесполезных знаний всегда прилипают к мозгу, как рачки – к кораблю. Кстати, вы читали, что советские космонавты побили рекорд пребывания в открытом космосе?

– Я что-то такое слышал вчера по радио.

– И, однако, за все это время они не встретили там ни одного ангела.

– А вы читали, Санчо, про черные дыры в космосе?

– Я знаю, что вы сейчас скажете, отче. Но ведь слово «дыры» употребляется лишь как

метафора. Еще рюмочку. И не бойтесь вы каких-то там епископов.

– Ваша водка преисполняет меня надежды.

– На что?

– Весьма слабой надежды, надо сказать.

– Продолжайте же. Скажите. Какой надежды?

– Я не могу вам этого сказать. Вы будете надо мной смеяться. Может быть, когда-нибудь я вам расскажу о моей надежде. Если господь даст мне на это время. Ну и вы, конечно, – тоже.

– Надо нам почаще видеться, отче. Может, мне удастся обратить вас в веру Маркса.

– А есть у вас тут на полках Маркс?

– Конечно.

– «Das Kapital»? ["Капитал" (нем.)]

– Да. И он тоже. Вот. Я давно ничего из этого не читал. Сказать по правде, некоторые места мне всегда казались... Ну, словом, устаревшими... Вся эта статистика времен промышленной революции в Англии... Я думаю, вы тоже находите в Библии скучные места.

– Слава богу, мы не обязаны изучать Числа или Второзаконие, но Евангелие – это совсем не скучно. Господи, взгляните на часы! Неужели это водка так все убыстряет?

– Знаете, отец, вы напоминаете мне вашего предка. Он верил всему, что написано в рыцарских романах, которые и в его-то время уже были устаревшими...

– Я в жизни не читал ни одного рыцарского романа.

– Но вы же по-прежнему читаете все эти старые богословские книги. Они для вас – все равно что рыцарские романы для вашего предка. Вы верите им так же, как он верил своим книгам.

– Но ведь глас Церкви не устаревает, Санчо.

– Ну что вы, отче, устаревает. На вашем Втором Ватиканском соборе даже апостола Иоанна признали устаревшим.

– Что за глупости вы говорите!

– Вы же больше не читаете в конце мессы слова апостола Иоанна; «В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал» [Евангелие от Иоанна, I, 10].

– Удивительно, что вы об этом знаете.

– Я ведь иной раз захожу в церковь в конце мессы... чтобы удостовериться, что там нет моих людей.

– Я по-прежнему произношу эти слова.

– Но только не вслух. Ваш епископ не разрешил бы такого. Вы вроде вашего предка, который читал свои рыцарские романы тайком, так что только его племянница и доктор знали об этом, пока...

– Что за глупости вы болтаете, Санчо!

- ...пока он на своем Росинанте не отправился совершать рыцарские подвиги в мире, который больше не верил старым сказкам.
 - В сопровождении невежды по имени Санчо, – добавил отец Кихот с оттенком раздражения, о чем он тут же пожалел.
 - Да, в сопровождении Санчо, – повторил мэр. – А почему бы и нет?
 - Епископ едва ли откажет мне в небольшом отпуске.
 - Надо же вам поехать в Мадрид купить себе форму.
 - Форму? Какую форму?
 - Пурпурные носки, монсеньер, и пурпурный... как же называется эта штука, которую они носят на груди под воротничком?
 - Pechera [нагрудник (лат.)]. Глупости все это. Никто не заставит меня носить пурпурные носки и пурпурный...
 - Вы же солдат церковной армии, отче. И вы не имеете права пренебрегать знаками различия.
 - Я ведь не просил, чтоб меня делали монсеньером.
 - Вы, конечно, можете подать в отставку и уйти из вашей армии.
 - А вы можете подать в отставку и выйти из вашей партии?
- Оба выпили еще по рюмке водки, и между ними воцарилось молчание, какое бывает между товарищами, – молчание, когда каждый размышляет о своем.
- Как вы думаете, ваша машина могла бы довезти нас до Москвы?
 - «Росинант» для этого слишком стар. Он не выдержит такой дороги. Да и епископ едва ли сочтет Москву подходящим местом для моего отдыха.
 - Вы же больше не подчиняетесь епископу, монсеньор.
 - Но и Святой Отец... А знаете, «Росинант», пожалуй, мог бы довезти нас до Рима.
 - Вот уж куда меня совсем не тянет, так это в Рим. На улицах сплошь одни пурпурные носки.
 - В Риме мэр – коммунист, Санчо.
 - К еврокоммунистам меня тоже не тянет – как и вас к протестантам. В чем дело, отче? Вас что-то огорчило?
 - Водка родила во мне мечту, а после второй рюмки она исчезла.
 - Не волнуйтесь. Вы не привыкли к водке, и она ударила вам в голову.
 - Но почему сначала – сладкая мечта... а потом – огорчение?
 - Я знаю, о чем вы говорите. Водка иной раз оказывает и на меня такое же действие, если я немного переберу. Я провожу вас домой, отче.
- У дверей отца Кихота они стали прощаться.

– Идите к себе и полежите немного.

– Тересе это покажется несколько странным в такое время дня. И потом я еще не раскрывал молитвенника.

– Но ведь теперь это уже наверняка необязательно!

– Мне трудно отказаться от привычки. В привычках есть что-то успокаивающее, даже когда они утомительны.

– Да, мне кажется, я это понимаю. Бывает, и я заглядываю в «Коммунистический манифест».

– И это вас успокаивает?

– Случается – да, немного. Совсем немного.

– Вы должны мне его дать. Как-нибудь.

– Может быть, во время наших странствий.

– Вы все еще верите, что мы отправимся в наши странствия? А я серьезно сомневаюсь, подходящие ли мы для этого компаньоны – вы и я. Нас ведь разделяет глубокая пропасть, Санчо.

– Глубокая пропасть разделяла вашего предка и того, кого вы называете моим предком, отче, и все же...

– Да. И все же... – И отец Кихот поспешно повернулся к нему спиной. Он прошел в свой кабинет и взял с полки молитвенник, но не успел прочесть и нескольких фраз, как заснул, а когда проснулся, то помнил лишь, что полез на высокое дерево и случайно сбросил оттуда гнездо, пустое, высохшее и колючее, память о минувшем годе.

Немало мужества потребовалось отцу Кихоту, чтобы написать епископу, и еще больше мужества потребовалось, чтобы вскрыть письмо, которое он в должное время получил в ответ. Письмо начиналось лаконично: «Монсеньор», и от самого звучания этого титула у отца Кихота, как от кислоты, защипало язык.

«Эль-Тобосо, – писал епископ, – один из самых маленьких приходов в моей епархии, и я поверить не могу, чтобы бремя Ваших обязанностей было таким уж тяжким. Тем не менее я готов дать согласие на Вашу просьбу об отдыхе и посылаю молодого священника отца Эрреру позаботиться об Эль-Тобосо в Ваше отсутствие. Надеюсь, что Вы по крайней мере отложите Ваш отпуск до тех пор, пока отец Эррера не войдет в курс всех проблем, какие могут возникнуть в Вашем приходе, чтобы Вы вполне спокойно могли оставить на него Ваших прихожан. Поражение, которое потерпел мэр Эль-Тобосо на последних выборах, видимо, указывает на то, что настроения, наконец, поворачиваются в нужном направлении, и, возможно, молодой священник, столь пронизательный и скромный, как отец Эррера (а он блестяще защитил докторскую диссертацию по теологии морали в университете Саламанки), лучше сумеет воспользоваться этими переменами, чем человек более пожилой. Как Вы догадываетесь, я написал архиепископу касательно Вашего будущего и почти не сомневаюсь, что к тому времени, когда Вы вернетесь из отпуска, мы найдем для Вас сферу деятельности, более подходящую, чем Эль-Тобосо, и менее обременительную для священнослужителя Вашего возраста и ранга».

Письмо оказалось еще хуже, чем предполагал отец Кихот, и он с возрастающей тревогой стал ждать приезда отца Эрреры. Отец Кихот сказал Тересе, что отцу Эррере надо будет сразу же

отдать его спальню, а ему самому, если можно, поставить в гостиной раскладную кровать.

– Если не сумеешь такую найти, – сказал он, – меня вполне устроит и кресло. Я ведь частенько в нем сплю днем.

– Ежели он молодой, так пусть он и спит в кресле.

– Пока что он мой гость, Тереса.

– Как это – пока что?

– Я думаю, что епископ скорее всего назначит его моим преемником в Эль-Тобосо. Старею я, Тереса.

– Ежели вы такой уж старый, так нечего мчаться одному богу известно куда. Словом, не думайте, что я стану работать на другого священника.

– Дай ему возможность проявить себя, Тереса, дай ему такую возможность. Но только ни в коем случае не раскрывай секрета твоих замечательных бифштексов.

Прошло три дня, и отец Эррера прибыл. Отец Кихот пошел поболтать с бывшим мэром, а вернувшись домой, обнаружил на своем крыльце молодого священника с изящным черным чемоданом. В дверях, загораживая вход, стояла Тереса с тряпкой в руке. Отец Эррера, возможно, был от природы бледен, но сейчас вид у него был явно взволнованный, и белый, стоячий, как у всех священников, воротничок его так и сверкал на солнце.

– Монсеньор Кихот? – спросил он. – Я – отец Эррера. Эта женщина не впускает меня.

– Тереса, Тереса, как это невежливо с твоей стороны. Что за манеры? Ведь это же наш гость. Ступай, приготовь отцу Эррере чашечку кофе.

– Нет. Пожалуйста, не надо. Я никогда не пью кофе. Иначе не засну ночью.

Войдя в гостиную, отец Эррера тотчас занял единственное стоявшее там кресло.

– Какая необузданная женщина, – заметил он. – Я сказал ей, что меня прислал епископ, а она в ответ мне нагрубила.

– У нее, как и у всех нас, есть свои причуды.

– Епископу такое бы

не понравилось.

– Ну, он же не слышал, что она сказала, и мы ему об этом не скажем, верно?

– Я был шокирован, монсеньор.

– Пожалуйста, не называйте меня «монсеньор». Называйте «отче», если уж вам так хочется. Я ведь гожусь вам в отцы. Есть у вас опыт работы в приходе?

– Не вполне. Я три года был секретарем у его преосвященства. После окончания Саламанки.

– В таком случае сначала вам это может показаться нелегким делом. В Эль-Тобосо ведь не одна такая Тереса. Но я уверен, вы очень быстро освоитесь. Ваша докторская диссертация была... дайте вспомнить.

– По теологии морали.

– А-а, я всегда считал это очень трудным предметом. Еле-еле сдал по нему экзамен – даже в Мадриде.

– Я вижу, у вас тут на полке труды отца Герберта Йоне. Он немец. Но все равно человек очень знающий.

– Боюсь, я уже много лет не перечитывал его. Теология морали, как вы, наверное, догадываетесь, не очень нужна, когда работаешь в приходе.

– А по-моему, она незаменима. При исповеди.

– Когда ко мне приходит булочник... или хозяин гаража, что случается не так часто, их обычно волнуют весьма простые проблемы. Ну, и я доверяюсь своему инстинкту. У меня нет времени выискивать, что говорится по этому поводу у Йоне.

– Инстинкт должен питаться верой, основанной на разумном убеждении, монсеньор... извините: отче.

– Да, конечно, на разумном. Да. Но, подобно моему предку, я, пожалуй, больше доверяю старым книгам, которые были написаны еще до того, как Йоне появился на свет.

– Но ведь ваш предок читал, безусловно, только рыцарские романы!

– Что ж, мои книги, пожалуй, тоже по-своему можно назвать рыцарскими... Святой Хуан де ла Крус, святая Тереза, святой Франциск Сальский. Ну и Евангелие, отче. «Пойдем в Иерусалим, и мы умрем с Ним» [Евангелие от Иоанна, II, 16]. Сам Дон Кихот не мог бы сказать лучше апостола Фомы.

– Ну, естественно, Евангелия никто не отрицает, – сказал отец Эррера тоном человека, делающего мелкую и несущественную уступку собеседнику. – И все-таки суждения Йоне по теологии морали очень разумны, очень. Вы что-то сказали, отче?

– Да нет, ничего. Трюизм, который я не имею права произносить. Я просто хотел добавить, что другой разумной основой инстинкта является любовь господня.

– Конечно, конечно. Но нельзя забывать и о его праведном суде. Вы со мной согласны, монсеньор?

– Да, м-м, да, пожалуй.

– Йоне проводит очень четкое разграничение между любовью и праведным судом.

– Вы учились на секретаря, отче? Я имею в виду – после Саламанки.

– Безусловно. Я умею печатать и, не хвляясь, могу утверждать, что очень хорошо стенографирую.

Тут Тереса просунула голову в дверь.

– Что вам приготовить на обед, отче, бифштекс?

– Два бифштекса, пожалуйста, Тереса.

Отец Эррера повернулся, и солнце снова сверкнуло на его воротничке – будто светило подавало сигнал, – но о чем? Отец Кихот подумал, что он никогда еще не видел такого чистого воротничка, да и вообще такого чистюли. Казалось, до того гладкая и белая была у отца Эрреры кожа, что ему никогда не требовалась бритва. «Вот что получается, когда долго живешь в Эль-Тобосо, – сказал себе отец Кихот, – я превратился в неотесанного селянина.

Далеко, очень далеко живу я от Саламанки».

Наконец настал день отъезда. Хозяин гаража – правда, не без ворчания – обследовал «Росинанта» и признал его годным для поездки.

– Гарантировать я ничего не могу, – сказал он. – Вам бы надо было продать его уже лет пять назад. Но до Мадрида он вас довезет.

– Надеюсь, и обратно тоже, – сказал отец Кихот.

– Это уже другой вопрос.

Мэр торопил отца Кихота, ему не терпелось уехать. Он вовсе не желал видеть, как обоснуется в его кресле другой человек.

– Это же фашист-чернорубашечник, отче. Скоро мы вернемся к временам Франко.

– Да упокоит господь его душу, – почти машинально добавил отец Кихот.

– Никакой души у него не было. Если она вообще существует.

Чемоданы они уложили в багажник «Росинанта», а на заднее сиденье поставили четыре ящика доброго ламанчского вина.

– На мадридское вино не стоит полагаться, – сказал мэр. – Благодаря мне у нас по крайней мере есть кооператив, где работают честные люди.

– А зачем нам ехать в Мадрид? – спросил отец Кихот. – Помнится, будучи студентом, я терпеть не мог этот город и никогда больше туда не возвращался. Почему бы нам не отправиться в Куэнку? Я слышал, Куэнка – красивый город и намного ближе к Эль-Тобосо. Я не хочу слишком утомлять «Росинанта».

– Сомневаюсь, чтобы вы могли купить в Куэнке пурпурные носки.

– Опять эти пурпурные носки! Не желаю я покупать пурпурные носки. Я просто не могу, Санчо, тратить деньги на пурпурные носки.

– А вот ваш предок уважал униформу странствующего рыцаря, хоть ему и пришлось удовольствоваться вместо шлема тазиком для бритья. Вы же – странствующий монсеньор и, значит, должны быть в пурпурных носках.

– Но ведь мой предок, говорят, был сумасшедший. То же самое скажут и обо мне. И с позором вернут домой. Я и в самом деле, наверное, немного сумасшедший, раз меня издевки ради наградили титулом монсеньера и раз я оставляю Эль-Тобосо на попечение этого молодого священника.

– Булочник невысокого мнения о нем, и я сам видел, как он шептался с этим реакционером – владельцем ресторана.

Отец Кихот настоял на том, что он поведет машину.

– «Росинант» иногда выбрасывает фокусы, которые только я знаю.

– Вы же сворачиваете не на ту дорогу.

– Мне надо вернуться домой – я там кое-что забыл.

Отец Кихот оставил мэра в машине. Он знал, что молодой священник находится сейчас в церкви. А ему хотелось в последний раз побыть одному в доме, где он прожил более тридцати лет. Кроме того, он забыл книгу отца Герберта Йоне по теологии морали. Хуан де ла Крус уже лежал в багажнике вместе со святой Терезой и святым Франциском Сальским. А отец Кихот обещал отцу Эррере – хоть и не слишком охотно – уравновесить свое знание этих старых книг изучением более современной работы по теологии, которой он не раскрывал со студенческих времен. «Инстинкт должен питаться верой, основанной на разумном убеждении», – совершенно справедливо сказал отец Эррера. Если, к примеру, мэр начнет цитировать ему Маркса, отец Герберт Йоне может, пожалуй, пригодиться для ответа. Так или иначе, книжка была маленькая и легко помещалась в кармане. Отец Кихот на несколько минут опустил в свое любимое кресло. За долгие годы сиденье приняло форму его тела, и он так же привык к этой вмятине, как, наверное, его предок к форме своего седла. Отец Кихот слышал, как Тереса гремит на кухне сковородками, раздраженно ворча, а ведь это ее ворчание было для него музыкой в часы утреннего одиночества. «Мне будет не хватать ее дурного нрава», – подумал он. Снаружи мэр нетерпеливо нажал на клаксон.

– Извините, что заставил вас ждать, – сказал отец Кихот, включая скорость, и «Росинант» издал в ответ хриплый вздох.

В дороге они почти не разговаривали. Казалось, необычность авантюры давила на них. В какой-то момент мэр высказал вслух засевшую в голове мысль.

– Наверное, нас что-то объединяет, отче, иначе зачем бы вам ехать со мной?

– По-видимому, дружеские чувства?

– А этого достаточно?

– Время покажет.

Больше часа прошло в молчании. Потом мэр снова заговорил.

– Что вас тревожит, друг?

– Мы выехали из Ламанчи, и теперь уже ни в чем нельзя быть уверенным.

– Даже в вашей вере?

На этот вопрос отец Кихот не потрудился ответить.

ГЛАВА III

О том, под каким своеобразным углом был пролит свет на Святую троицу

Расстояние от Эль-Тобосо до Мадрида не так уж и велико, но при неровной поступи «Росинанта» и длиннющей чередой грузовиков, растянувшейся по шоссе, вечер застал отца Кихота и мэра все еще в пути.

– Я проголодался и умираю от жажды, – пожаловался мэр.

– А «Росинант» ужасно устал, – добавил отец Кихот.

– Вот если бы нам попалась гостиница – правда, вино на большой дороге оставляет желать лучшего.

– Но у нас же сколько угодно отличного ламанчского.

– А еда? Я должен поесть.

– Упрямая Тереса положила нам на заднее сиденье пакет с едой. Сказала – на крайний случай. Боюсь, она не больше доверяла бедняге «Росинанту», чем хозяин гаража.

– Вот это и есть крайний случай, – сказал мэр.

Отец Кихот развернул пакет.

– Хвала всевышнему, – сказал он, – у нас тут большущая голова ламанчского сыра, несколько копченых колбас, даже два стакана и два ножа.

– Не знаю, надо ли хвалить господу, но уж Тересу похвалить надо.

– А ведь это, Санчо, наверное, одно и то же. Все наши добрые дела – деяния господу, так же как все наши злые – деяния дьявола.

– В таком случае придется вам простить нашего бедного Сталина, – сказал мэр, – потому что в его деяниях повинен только дьявол.

Они ехали медленно, выискивая дерево, под тенью которого они могли бы найти приют, ибо позднее солнце отбрасывало низкие косые лучи на поля, делая тени такими узкими, что двум людям в них не уместиться. Наконец они обнаружили то, что искали, у полуразрушенной стены надворного строения на заброшенной ферме. Кто-то грубо намалевал на крошащемся камне красный серп и молот.

– Я бы предпочел совершать трапезу под знаком креста, – сказал отец Кихот.

– А не все ли равно? Ни крест, ни молот не повлияют на вкус сыра. Да к тому же разве между ними такая уж большая разница? Оба символизируют протест против несправедливости.

– Только с несколько разными результатами. Один породил тиранию, другой – милосердие.

– Тиранию? Милосердие? А как насчет инквизиции и нашего великого патриота Торквемады?

– Торквемада погубил куда меньше людей, чем Сталин.

– Вы в этом уверены – если учесть, чему равнялось население России во времена Сталина и население Испании во времена Торквемады?

– Я не статистик, Санчо. Откройте-ка лучше бутылку... если у вас есть штопор.

– Я никогда не расстанусь со штопором. А у вас там есть нож. Снимите-ка для меня шкурку с колбасы, отче.

– Торквемада по крайней мере считал, что его жертвы ждет вечное блаженство.

– Может быть, Сталин тоже так думал. Давайте лучше не доискиваться побудительных причин, отче. Побуждения – это тайна, сокрытая в человеческом мозгу. А вино было бы куда вкуснее, будь оно холодным. Вот если б тут поблизости найти ручей. Надо будет завтра не только купить вам пурпурные носки, но еще и термос.

– Нельзя судить только по действиям, Санчо, надо учитывать результаты.

– Несколько миллионов погибло, зато коммунизм утвердился почти на половине земного шара. Не такая уж и большая это цена. На войне теряют куда больше.

– Несколько сотен погибло, зато Испания осталась католической страной. За еще меньшую цену.

– И на смену Торквемаде пришел Франко.

– А на смену Сталину – Брежнев.

– Что ж, отче, мы, пожалуй, можем сойтись вот на чем: великих людей всегда сменяют люди мелкие, а с мелкими людьми, пожалуй, легче жить.

– Я рад, что вы признаете Торквемаду великим.

Так они поддразнивали друг друга, и пили, и были счастливы, сидя у полуразрушенной стены, а тем временем солнце опускалось за горизонт, и тени удлинялись, и потом вдруг наступила темнота и тепло уже было только в них самих.

– Неужели вы всерьез надеетесь, отче, что католицизм в один прекрасный день приведет людей к счастливому будущему?

– О да, конечно,

надеюсь .

– Но только после смерти.

– А вы надеетесь, что коммунизм – я имею в виду настоящий коммунизм, о котором говорил ваш пророк Маркс, – когда-нибудь наступит, даже в России?

– Да, отче, надеюсь, в самом деле надеюсь. Но правда и то – говорю вам это лишь потому, что, как у священника, язык у вас на замке, а мой распустило вино, – я иной раз отчаиваюсь.

– О, когда человек отчаивается, – это я понимаю. Я тоже иной раз отчаиваюсь, Санчо. Разумеется, не окончательно.

– Я тоже не окончательно, отче. Иначе я не сидел бы тут рядом с вами.

– А где же вы были бы?

– Лежал бы в неосвященной земле. Как положено самоубийцам.

– Выпьем в таком случае за надежду, – сказал отец Кихот и поднял свой стакан.

Они выпили.

Просто удивительно, как быстро опустошается бутылка за беззлобным спором. Мэр вылил последние несколько капель на землю.

– Это богам, – сказал он. – Заметьте, я сказал – богам, а не богу. Боги – они крепко пьют, а ваш господь бог, который пребывает в одиночестве, наверняка трезвенник.

– Вы же знаете, что это не так, Санчо. Ведь вы учились в Саламанке. И вы прекрасно знаете, что господь бог – во всяком случае, я в это верю, и вы, возможно, тоже когда-то верили – каждое утро и каждый вечер во время мессы превращается в вино.

– Значит, давайте пить, больше пить вина, раз его одобряет ваш господь бог. Уж во всяком

случае это ламанчское лучше того, что дают в церкви. Куда это я засунул штопор?

– Вы сидите на нем. И не отзываетесь с таким презрением о церковном вине. Не знаю, что будет покупать отец Эррера, а я давал своим прихожанам доброе ламанчское вино. Конечно, если папа разрешит причастие двумя видами, мне придется покупать что-то подешевле, но я уповаю на то, что он учтет бедность священников. Булочник, к примеру, всегда страдает от жажды. Он способен вылакать всю чашу.

– Давайте выпьем еще по стаканчику, отче. Снова за надежду.

– За надежду, Санчо. – И они чокнулись.

Ночная прохлада уступила место холоду, но вино продолжало их согревать; к тому же у отца Кихота не было ни малейшего желания спешить в ненавистный ему город или дышать отработанными газами грузовиков, которые вереницей огней продолжали мчаться по шоссе.

– У вас пустой стакан, отче.

– Спасибо. Еще капельку. Вы славный малый, Санчо. Насколько я припоминаю, наши с вами предки не раз проводили ночь под деревьями. Здесь нет деревьев. Но есть стена замка. Утром мы попросим, чтобы нас пустили, а сейчас... Дайте-ка мне еще немножко сыра.

– Я счастлив лежать под великим символом – серпом и молотом.

– Вам не кажется, что в России несколько позабыли про бедный серп, иначе не пришлось бы им покупать столько пшеницы у американцев?

– Это временная нехватка, отче. Мы еще не умеем управлять климатом.

– А вот господь умеет.

– Вы в самом деле этому верите?

– Да.

– Ах, слишком вы перебираете опасного наркотика, отче, – не менее опасного, чем рыцарские романы старого Дон Кихота.

– Какого же это наркотика?

– Опиума.

– А-а, ясно... Вы имеете в виду известное изречение вашего пророка Маркса: «Религия есть опиум народа». Но вы вынимаете его из контекста, Санчо. Вот так же наши еретики переиначивали слова господа нашего.

– Я что-то не понимаю вас, монсеньор.

– Когда я учился в Мадриде, мне порекомендовали заглянуть в

ваше священное писание. Надо же знать своего противника. Вы не помните, как Маркс защищает монашеские ордена в Англии и осуждает Генриха Восьмого?

– Конечно, нет.

– Так загляните еще раз в «Капитал». Там и речи нет ни о каком опиуме.

– Но все равно он это написал – только сейчас не помню, где.

– Да, но он это писал в девятнадцатом веке, Санчо. А в ту пору опиум не считался чем-то зловредным – лауданум применяли как успокаивающее, и только. Успокаивающее для людей богатых – для бедных он был недоступен. Значит, Маркс хотел сказать, что религия – это валиум для бедняка, и ничего больше. Словом, пусть лучше народ ходит в церковь, чем в питейное заведение. Для бедняка это несомненно лучше, чем пить такое вино. Человек ведь не может жить без чего-то успокаивающего.

– В таком случае, может, раздавим еще бутылочку?

– Скажем, полбутылочки, если хотим благополучно прибыть в Мадрид. Перебрать опиума – это тоже опасно.

– Мы еще сделаем из вас марксиста, монсеньор.

– Я там положил в ящики несколько поллитровых бутылок, чтобы заполнить углы.

Мэр пошел к машине и вернулся с полбутылкой.

– Я никогда не отрицал, что Маркс был хороший человек, – сказал отец Кихот. – Он стремился помочь беднякам, и в его смертный час это, конечно, ему зачлось.

– Ваш стакан, монсеньор.

– Я же просил вас не называть меня монсеньером.

– Тогда почему бы вам не называть меня товарищем – все лучше, чем Санчо.

– В новейшей истории, Санчо, слишком много товарищей было убито товарищами. Но я не возражаю называть вас другом. Друзья как-то меньше склонны убивать друг друга.

– А «друг» – это не будет чересчур в отношениях между католическим священником и марксистом?

– Вы же сказали несколько часов тому назад, что нас, несомненно, что-то объединяет.

– Возможно, нас объединяет пристрастие к этому ламанчскому вину, друг.

Оба чувствовали себя все раскованнее, по мере того как сгущалась темнота, и продолжали подтрунивать один над другим. Когда по шоссе проносились грузовики, их фары на секунду выхватывали из темноты две пустые бутылки и полбутылку с остатками вина.

– Вот что удивляет меня, друг мой: как это вы можете верить в совершенно несуразные вещи. К примеру, в троицу. Это же посложнее высшей математики. Можете вы объяснить мне троицу? В Саламанке не смогли.

– Могу попытаться.

– Тогда попытайтесь.

– Вы видите эти бутылки?

– Конечно.

– Две бутылки одинаковы по размеру. Вино, которое в них хранилось, было одинаковой субстанции и одного урожая. Вот вам Бог-Отец и Бог-Сын, а та полбутылка – Дух Святой. Одинаковая субстанция. Одного и того же урожая. Провести между ними грань невозможно. Кто вкусит от одной – вкусит от всех троих.

– Я никогда, даже в Саламанке, не мог понять, зачем нужен Святой Дух. Он всегда казался мне несколько лишним.

– Но мы же с вами не удовольствовались двумя бутылками, верно? Эта полбутылка дала нам необходимый дополнительный заряд жизненных сил. Без этого нам не было бы так хорошо. Быть может, у нас не хватило бы мужества продолжить наше путешествие. Даже наша дружба могла бы оборваться, не будь Святого Духа.

– Вы очень изобретательны, мой друг. Теперь я хоть начинаю понимать, как вы представляете себе троицу. Меня, учтите, вы не убедили. Я никогда в это не поверю.

Отец Кихот сидел молча, уставясь на бутылку. Мэр чиркнул спичкой, закуривая сигарету, и увидел склоненную голову своего спутника. Точно от него отлетел тот самый Святой Дух, которого он так высоко ставил.

– В чем дело, отче? – спросил мэр.

– Да простит меня господь, – сказал отец Кихот, – ибо я согрешил.

– Но это же была только шутка, отче. Наверняка ваш бог понимает шутки.

– Я повинен в ереси, – возразил отец Кихот. – Я думаю... наверное... недостойн я быть священником.

– Что же вы такое натворили?

– Я дал неверное толкование. Святой Дух во всех отношениях равен Отцу и Сыну, а я изобразил его в виде полбутылки.

– И это серьезная промашка, отче?

– Это подлежит анафеме. Это было специально осуждено, забыл, на каком соборе. Каком-то очень раннем. Возможно, на Никейском.

– Не волнуйтесь, отче. Это дело легко поправимое. Выкинем сейчас эту полбутылку и забудем о ней, а я принесу из машины полную.

– Я выпил больше, чем следовало. Если бы я столько не пил, я бы никогда, никогда не совершил такой промашки. А нет хуже греха, чем погрешить против Святого Духа.

– Забудьте об этом. Мы все сейчас исправим.

Вот как получилось, что они выпили еще бутылку. Отец Кихот успокоился, а кроме того, его глубоко тронуло сочувствие мэра. Ламанчское вино – легкое, и тем не менее обоим показалось разумным растянуться на траве и провести тут ночь, а когда взошло солнце, отец Кихот уже с улыбкой вспоминал о пережитом огорчении. Ну какой же это грех – просто легкая забывчивость и непреднамеренная оговорка. Всему виной ламанчское вино: оно в конечном счете оказалось совсем не таким легким, как они полагали.

Когда они тронулись в путь, отец Кихот сказал: – Я вчера вечером вел себя немного глупо, Санчо.

– По-моему, вы говорили очень хорошо.

– Значит, я хоть немного разъяснил вам, что такое троица?

– Разъяснили – да. Но чтоб я поверил – нет.

– В таком случае сделайте одолжение: забудьте, пожалуйста, про полбутылку! Это была ошибка, которую мне ни в коем случае не следовало допускать.

– Я буду помнить только о трех полных бутылках, мой друг.

ГЛАВА IV

О том, как Санчо, в свою очередь, пролил новый свет на старое верование

Хотя вино и было легкое, однако, пожалуй, именно эти три с половиной бутылки и привели к тому, что на другой день они какое-то время ехали молча. Наконец Санчо заметил:

– Мы определенно лучше себя почувствуем после хорошего обеда.

– Ах, бедная Тереса, – сказал отец Кихот. – Надеюсь, отец Эррера оценит ее бифштексы.

– А что такого замечательного в ее бифштексах?

Отец Кихот не ответил. Он сохранил эту тайну от Мотопского епископа и, уж конечно, сохранит ее от мэра.

Дорога заворачивала. «Росинант» по необъяснимой причине вместо того, чтобы сбавить скорость, вдруг ринулся вперед и за поворотом чуть не налетел на овцу. Вся дорога впереди была забита ее соплеменниками. Словно разлилось беспокойное, пенящееся море.

– Можете еще немного соснуть, – сказал мэр. – Мы сквозь это никогда в жизни не пробьемся. – Тут примчалась собака и стала загонять отбившегося от стада нарушителя. – До чего же овцы – тупые животные! – в ярости воскликнул мэр. – Я никогда не мог понять, почему основатель вашей веры решил сравнить их с нами. «Паси овец Моих» [Евангелие от Иоанна, XXI, 16]. О да, наверное, потому, что, как и все хорошие люди, он был циником. Пасите, мол, их хорошо, чтоб они разжирели, и тогда их можно будет съесть. «Господь – Пастырь мой» [Псалтырь, псалом 22]. Но если мы овцы, почему же, ради всего святого, мы должны доверять нашему пастырю? Он будет охранять нас от волков – так, прекрасно, но ведь только затем, чтобы потом продать нас мяснику.

Отец Кихот достал из кармана молитвенник и сделал вид, что погрузился в чтение, но отрывок ему попался на редкость скучный и ничего не значащий, так что он не мог не слышать слов мэра, – слов, которые больно ранили его.

– И он явно предпочитал овец козам, – продолжал мэр. – До чего же глупо и сентиментально. Ведь от козы можно получить все то же, что и от овцы, но в придачу она обладает еще и многими достоинствами коровы. Овца дает шерсть – правильно, но коза дает человеку свою шкуру. Овца дает баранину, хотя лично я поел бы козлятины. А кроме того, коза, как и корова, дает молоко и сыр. Правда, овечий сыр по душе только французам.

Отец Кихот поднял взгляд и увидел, что дорога наконец свободна.

Он отложил молитвенник и вновь пустил «Росинанта» в путь.

– Человек, который не верит, не может и богохульствовать, – сказал он, обращаясь не столько к мэру, сколько к себе. И тем не менее подумал: «А все-таки почему именно овцы?»

Почему Он в своей великой премудрости избрал в качестве символа овец?» На этот вопрос не давал ответа ни один из старых богословов, чьи труды он держал на полках в Эль-Тобосо, – даже святой Франциск Сальский, столь осведомленный насчет слона и ястреба, паука, и пчелы, и куропатки. Вопрос этот, безусловно, не затрагивался и в «Catecismo de la Doctrina Cristiana» [“Катехизис христианской доктрины” (лат.)], труде этого святого человека Антонио Кларета, бывшего архиепископа Сантьяго-де-Кубы, которого отец Кихот читал еще ребенком, – правда, насколько ему помнится, среди картинок была одна, изображавшая пастуха среди овец.

– Дети очень любят овец, – безо всякой связи произнес он.

– И коз тоже, – сказал мэр. – Неужели вы не помните, как мы в детстве катались в колясочках, запряженных козами? А теперь где все эти козы? Осуждены веки вечные гореть в аду? – Он взглянул на часы. – Я предлагаю, прежде чем мы отправимся покупать вам пурпурные носки, хорошенько пообедайте «У Ботина».

– Надеюсь, это не очень дорогой ресторан, Санчо.

– Не волнуйтесь. На этот раз угощаю я. Они там славятся молочными поросятами, так что нам не придется есть овечек доброго пастыря, которых так обожают в нашей стране. Тайная полиция очень любила хаживать в этот ресторан во времена Франко.

– Упокой господи его душу, – поспешно вставил отец Кихот.

– Хотел бы я верить в кару господню, – заметил мэр, – тогда я наверняка поместил бы его – а я уверен, Данте так бы и сделал, – в самый последний круг ада.

– Не очень-то я доверяю суду человеческому, даже суду Данте, – сказал отец Кихот. – Его никак нельзя равнять с судом божьим.

– Вы, видно, поместили бы его в рай?

– Этого я не говорил, Санчо. Я не отрицаю, он наделал много зла.

– Ах да, ведь вы на такой случай придумали очень удобную уловку – чистилище.

– Я ничего не придумывал – ни ада, ни чистилища.

– Извините, отче. Я имею в виду, конечно, вашу Церковь.

– Церковь в своих действиях опирается на Священное писание – точно так же, как ваша партия опирается на учения Маркса и Ленина.

– Но вы же верите, что ваши книги – это слово божие.

– Не будьте таким пристрастным, Санчо. А вы разве не думаете – за исключением, может быть, ночью, когда вам не спится, – что Маркс и Ленин столь же непогрешимы, как... ну, скажем, апостолы Матфей или Марк?

– А вы – когда

вам не спится, монсеньор?

– Мысль об аде, случалось, смущала меня во время бессонницы. Возможно, в ту же ночь вы в своей комнате думали о Сталине и лагерях. Был ли Сталин – или Ленин – безусловно прав? Возможно, вы задаете себе этот вопрос в тот момент, когда я спрашиваю себя, неужели такое возможно... как может милосердный и любящий бог?.. О да, я крепко держусь моих

старых книг, но есть у меня и сомнения. Тут как-то вечером – Тереса как раз сказала мне на кухне что-то такое про плиту... что она-де докрасна раскалилась, – я перечитал все Евангелие. Знаете ли вы, что на пятидесяти двух страницах моей Библии апостол Матфей пятнадцать раз упоминает про ад, а апостол Иоанн – ни разу? Апостол Марк – дважды на тридцати одной странице, а Лука – трижды на пятидесяти двух. Ну, Матфей, бедняга, был ведь сборщиком податей и, должно быть, верил в действенность наказания, и все-таки я не могу не удивляться...

– И правильно делаете.

– Надеюсь... друг мой... что и вы иной раз сомневаетесь. Человеку свойственно сомневаться.

– Я стараюсь не сомневаться, – сказал мэр.

– О, я тоже. Я тоже. В этом мы, несомненно, схожи.

Мэр на секунду положил руку на плечо отца Кихота, и отец Кихот почувствовал, как от этого прикосновения его обдало дружеским теплом. «Как странно, – подумал он, сбавляя скорость и с излишней осторожностью заворачивая „Росинанта“, – что сомнение может объединить людей, пожалуй, даже в большей мере, чем вера. Верящий будет сражаться с другим верящим из-за какого-то оттенка в понимании, – сомневающийся же сражается лишь сам с собой».

– Молочные поросята в ресторане «У Ботина», – сказал мэр, – напомнили мне прекрасную притчу про Блудного сына. Я, конечно, не забыл, что там отец закалывает, по-моему, теленка... да, откормленного теленка. Надеюсь, наш поросенок будет не хуже откормлен.

– Прелестная притча, – не без вызова заметил отец Кихот. Он не был уверен в том, что за этим последует.

– Да, начинается эта притча прелестно, – сказал мэр. – Вполне мещанское семейство – отец и два сына. Отец – нечто вроде богатого русского кулака, который видит в крестьянах лишь столько-то принадлежащих ему душ.

– В этой притче нет ни слова про кулаков или про души.

– История, которую вы читали, была, по всей вероятности, слегка подправлена и чуть искажена церковными цензорами.

– То есть как это?

– Она могла быть рассказана совсем иначе, да, наверное, так оно и было. Молодой человек – в силу чудом унаследованных от какого-то предка качеств – вырос, питая, вопреки всему, ненависть к полученному по наследству богатству. Возможно, Иисус имел тут в виду Нова. Ведь Иисуса отделяло от автора истории про Нова куда меньше времени, чем вас – от вашего великого предка Дон Кихота. Как вы помните, Иов был до неприличия богат. У него было семь тысяч овец и три тысячи верблюдов. Сына душит мещанская атмосфера – возможно, на него так действует даже сама обстановка, стены, увешанные картинами, жирные кулаки, усаживающиеся по субботам за обильную трапезу; все это печально контрастирует с нищетой, которую он видит вокруг. Он должен бежать – куда угодно. И вот он требует свою долю наследства, которое они с братом должны получить после смерти отца, и уходит из дома.

– И пускает свое наследство по ветру, – вставляет отец Кихот.

– Ах, это же версия официальная. А у меня есть своя: ему так опостылел мещанский мир, в

котором он вырос, что он постарался как можно быстрее избавиться от своего богатства – может, он даже просто роздал все и, как Толстой, стал крестьянствовать.

– Но он же вернулся домой.

– Да, мужества не хватило. Он почувствовал себя очень одиноко, когда пас свиней на той ферме. Там ведь не было партийной ячейки, куда он мог бы обратиться за помощью. «Капитал» еще не был написан, поэтому он не мог найти свое место в классовой борьбе. Чего ж тут удивительного, что он, бедняга, на какое-то время заколебался?

– Только на какое-то время? Из чего вы это заключили?

– По вашей версии, история ведь неожиданно обрывается, верно? И оборвали ее, несомненно, церковные цензоры, может быть, даже сам сборщик податей Матфей. О, да. Блудного сына встречают дома с распростертыми объятиями – это правда: подают ему откормленного теленка, и несколько дней он, наверное, счастлив, а потом на него снова начинает давить гнетущая атмосфера мещанского материализма, которая побудила его уйти из дома. Отец всячески выказывает ему свою любовь, но обстановка все такая же уродливая – подделка под Людовика Пятнадцатого или нечто схожее, что у них тогда было; на стенах – все те же картины, изображающие красивую жизнь; угодливость слуг и роскошная еда возмущают его еще больше, чем прежде, и он начинает тосковать по друзьям, которых обрел на той нищей ферме, где пас свиней.

– А мне казалось, вы говорили, что там не было партийной ячейки и он чувствовал себя крайне одиноко.

– Да, но я несколько сгустил краски. У него все-таки был один друг, и он запомнил слова того бородатого старика крестьянина, который предложил ему носить пойло свиньям; он начал думать о них – о словах, не о свиньях, – лежа в роскошной постели и всем телом тоскуя по жесткому земляному полу своей хижины на ферме. В конце концов, три тысячи верблюдов вполне могут вызвать у человека чувствительного желание взбунтоваться.

– У вас поразительное воображение, Санчо, даже когда вы трезвы. И что же тот старик крестьянин сказал?

– Он сказал Блудному сыну, что государство, в котором существует частная собственность на землю и на средства производства и где господствует капитал, каким бы это государство демократическим себя ни считало, – является государством капиталистическим, механизмом, изобретенным и используемым капиталистами, чтобы держать в подчинении рабочий класс.

– Ваша история стала не менее скучной, чем мой молитвенник.

– Скучной? Вы называете это скучным? Да я же привел вам слова самого Ленина. Неужели вы не видите, что тот старик крестьянин (а мне он представляется с бакенбардами и бородой, вроде Карла Маркса) впервые заронил в уме Блудного сына мысль о классовой борьбе?

– И как же ведет себя дальше Блудный сын?

– Пробыв неделю дома и окончательно разочаровавшись, он на рассвете (красном рассвете) снова уходит на свиную ферму к бородатому старику крестьянину, решив отныне принять участие в борьбе пролетариата. Бородатый старик крестьянин издали видит, как он приближается, выбегает ему навстречу, обнимает его и целует, а Блудный сын говорит: «Отец, я согрешил, я недостойн называться твоим сыном».

– Конец истории кажется мне знакомым, – сказал отец Кихот. – И я рад, что вы сохранили свиней.

– Кстати, о свиньях, не могли бы вы ехать побыстрее? По-моему, мы делаем не более тридцати километров в час.

– Это любимая скорость «Росинанта». Он ведь старенький – нельзя перетруждать его в такие годы.

– Но нас же обгоняют все машины.

– Какое это имеет значение? Его предок никогда и тридцати километров в час не делал.

– А ваш предок никогда дальше Барселоны не ездил.

– Ну и что? Он действительно не удалялся от Ламанчи, но в мыслях своих совершал далекие странствия. Как и Санчо.

– Насчет мыслей моих ничего не могу сказать, а вот в желудке у меня происходит такое, точно мы уже неделю едем. Колбаски и сыр отошли ныне в область воспоминаний.

В самом начале третьего они поднялись по ступенькам ресторана «У Ботина». Санчо заказал две порции молочного поросенка и бутылку красного вина «Маркес де Мурьета» ["Маркиз де Мурьета" (исп.)].

– Удивительно, что вы предпочитаете аристократию, – заметил отец Кихот.

– Ради блага партии можно временно примириться с существованием аристократов – как и священников.

– Даже священников?

– Да. Некий бесспорный авторитет, которого мы не будем называть, – и он окинул быстрым взглядом столики по одну и по другую сторону от них, – писал, что пропаганда атеизма в определенных обстоятельствах может быть не только не нужна, но и вредна.

– Неужели Ленин действительно написал такое?

– Да, да, конечно, но лучше не произносите это имя здесь, отче. Кто его знает. Я ведь говорил вам, какие люди бывали здесь во времена нашего горячо оплакиваемого лидера. А леопард не меняет своих пятен.

– В таком случае зачем же вы меня сюда привели?

– Потому что нигде так не готовят молочных поросят. К тому же ваш воротничок может служить вам в известной мере защитой. А еще большую защиту вы получите, когда наденете пурпурные носки и пурпурный...

Появление молочного поросенка прервало его речь, и они какое-то время обменивались лишь знаками, которые едва ли могли быть неверно истолкованы тайным полицейским агентом, кто бы он ни был, – к примеру, когда в воздух взлетала рука с вилкой во славу «Маркеса де Мурьеты».

Мэр издал удовлетворенный вздох.

– Вы когда-нибудь ели более вкусного молочного поросенка?

– Я вообще никогда еще не ел молочных поросят, – не без стыда ответил отец Кихот.

– А что вы едите дома?

- Обычно бифштекс – я ведь говорил вам, что Тереса великолепно готовит бифштексы.
- Мясник у нас реакционер и бесчестный человек.
- Но бифштексы из конины у него отличные. – Отец Кихот не успел сдержаться, и запретное слово сорвалось у него с языка.

Быть может, именно вино дало отцу Кихоту силы противостоять мэру, а мэр вздумал за свой счет снять номера в отеле «Палас». Однако отцу Кихоту достаточно было увидеть сверкающий, заполненный шумной толпой холл.

– Да как вы можете – вы, коммунист?..

– Партия никогда не запрещала нам пользоваться буржуазным комфортом, пока он существует. Ну и потом здесь, безусловно, легче изучать наших противников. Кроме того, как я понимаю, этот отель – сущая ерунда по сравнению с новым отелем, который построили в Москве на Красной площади. Коммунизм ведь не против комфорта, даже не против так называемой «роскоши», если пользуются ею трудящиеся. Но, конечно, если вы предпочитаете ночевать без комфорта и умерщвлять свою плоть...

– Как раз наоборот. Я готов пользоваться комфортом, но здесь я не смогу им насладиться. Ведь чувство комфорта зависит от умонастроения.

Они отправились наугад на розыски более скромного квартала. Внезапно «Росинант» встал, и ничто уже не могло сдвинуть его с места. На улице, ярдах в двадцати от них, виднелась надпись «Albergue» [гостиница (исп.)] и выцветшая дверь под ней.

– «Росинант» все правильно чувствует, – сказал отец Кихот. – Здесь мы и остановимся.

– Но здесь такая грязь, – сказал мэр.

– Тут явно живут люди очень бедные. Так что, я уверен, они охотно нас приютят. Они же в нас нуждаются. А в отеле «Палас» никто в нас не нуждался.

В узком коридоре их встретила старуха и с изумлением уставилась на них.

Хотя никаких признаков других постояльцев заметно не было, она сказала им, что у нее свободна всего одна комната – правда, там две кровати.

– А ванна там есть?

Нет, ванны нет, сказала она, но этажом выше есть душ, а в комнате, которую они будут делить, есть умывальник с холодной водой.

– Что ж, мы согласны, – сказал отец Кихот.

– Вы с ума сошли, – сказал ему мэр, когда они очутились одни в комнате, которая, как не мог не признать отец Кихот, выглядела весьма мрачно. – Мы приехали в Мадрид, где десятки хороших недорогих гостиниц, и вы селите нас в этом немыслимом месте.

– «Росинант» устал.

– Нам еще повезет, если нас тут не прирежут.

– Нет, нет, старуха – женщина честная, я это знаю.

– Откуда вы это можете знать?

– По глазам видно.

Мэр в отчаянии воздел руки к небу.

– После того, как мы выпили столько доброго вина, – сказал отец Кихот, – сон у нас где угодно будет крепкий.

– Я, к примеру, ни на секунду глаз не сомкну.

– Но она же из ваших.

– Ни черта не понимаю!

– Из бедняков. – И поспешно добавил: – Конечно, и из моих тоже.

Отцу Кихоту сразу стало легче, когда он увидел, что мэр лег на кровать в одежде (а мэр боялся, что, если раздеется, его легче будет прирезать), ибо отец Кихот не привык раздеваться при других, а до наступления темноты, подумал он, мало ли что, ну мало ли что может случиться и вывести его из затруднительного положения. Он лежал на спине, прислушиваясь к мяуканию кошки, прогуливавшейся по черепичной крыше. Может, подумал он, мэр забудет про мои пурпурные носки, и предался мечтаниям о том, как они будут ехать дальше и дальше, как будет крепнуть их дружба и углубляться взаимопонимание, и даже наступит такой момент, когда их столь разные веры придут к примирению. Может, мелькнуло у него в голове перед тем, как он погрузился в сон, мэр и не совсем не прав по поводу Блудного сына – насчет счастливого конца, радостной встречи, которую устроил ему дома отец, заколов откормленного тельца. Правда, конец притчи представлялся ему несколько неправдоподобным...

– Я недостойн называться твоим монсеньором, – пробормотал отец Кихот, погружаясь в сон.

Разбудил его мэр. Отец Кихот не узнал его при слабом свете угасающего дня и с любопытством, но без страха, спросил:

– Кто вы?

– Я – Санчо, – сказал мэр. – И нам пора идти за покупками.

– За покупками?

– Вы же произведены в рыцари. Так что мы должны купить вам меч, шпоры, шлем – пусть даже это будет тазик цирюльника.

– Тазик цирюльника?

– Пока вы почивали, я целых три часа глаз не сомкнул, чтобы они нас не прирезали. А ночью вы будете нести вахту. В этом грязном приюте, куда вы нас поместили. Будете нас охранять с помощью вашего меча, монсеньор.

– Монсеньор?

– Да-а, крепенько же вы поспали.

– Я видел сон – страшный сон.

– Что вам перерезали горло?

– Нет, нет. Много хуже.

– Ну, хватит. Вставайте. Пошли искать ваши пурпурные носки.

Отец Кихот не стал возражать. Он все еще находился под мучительным впечатлением своего сна. Они спустились по темной лестнице и вышли на темную улицу. Старуха с явным ужасом посмотрела на них, когда они проходили мимо. Ей, что – тоже приснился страшный сон?

– Не нравится мне ее вид, – сказал Санчо.

– А ей, по-моему, не нравится наш вид.

– Надо взять такси, – сказал мэр.

– Сначала давайте попробуем завести «Росинанта».

Он всего лишь трижды нажал на стартер, и мотор заработал.

– Вот видите, – сказал отец Кихот, – ничего с ним серьезного не случилось. Просто он устал – и только. Я ведь знаю моего «Росинанта». Так куда же мы поедем?

– Не знаю. Я думал, вы знаете.

– Что именно?

– Портного, который шьет священникам.

– Откуда же мне знать?

– Вы как-никак священник. И носите сутану, как положено священникам. Не в Эль-Тобосо же вы ее купили.

– Да ведь ей уже почти сорок лет, Санчо.

– Ну, если вы и ваши носки еще столько протянете, то вам обоим, прежде чем вы их сносите, перевалит за сто.

– Зачем мне надо покупать эти носки?

– Дороги в Испании, отче, все еще находятся под наблюдением. Вот вы сидите в Эль-Тобосо и не знаете, что призрак Франко все еще бродит по испанским дорогам. Так что ваши носки будут нам охранной грамотой. Жандармы уважают пурпурные носки.

– Но где же мы их купим? – отец Кихот остановил «Росинанта». – Не хочу я его зря утомлять.

– Побудьте-ка тут минутку. Я сейчас отыщу такси и попрошу шофера показать нам дорогу.

– Больно мы шикуем, Санчо. Вы ведь даже хотели заночевать в отеле «Палас»!

– Деньги для нас сейчас – не главная проблема.

– Эль-Тобосо – небольшое селение, и я что-то не слышал, чтобы мэрам там хорошо платили.

– Эль-Тобосо действительно небольшое селение, но партия у нас большая. Кроме того, она теперь узаконена. И как активист я имею право на некоторые привилегии – для блага партии.

– Тогда зачем же вам нужна защита в виде моих носков?

Но он задал свой вопрос слишком поздно. Мэр уже был далеко, и отец Кихот остался наедине с одолевавшим его кошмаром. Есть такие сны, которые преследуют нас и при свете дня – да и был ли это сон, или все каким-то образом происходило на самом деле? Привиделось мне это или по странному стечению обстоятельств действительно произошло?

В этот момент дверца подле него открылась и мэр сказал:

– Поезжайте следом за такси. Шофер заверил меня, что привезет нас в самый лучший – после римских – магазин для священников. Туда даже нунций ездит и архиепископ.

Когда они приехали, отец Кихот понял, что так оно и есть. У него сердце упало при виде элегантного магазина и продавца в темном, хорошо отутюженном костюме, приветствовавшего их с холодной обходительностью высокопоставленного церковника. Отец Кихот подумал, что этот человек наверняка член «Опус деи» [полуконспиративная политико-религиозная организация, основанная в 1928 году; в нее принимаются избранные люди, имеющие реальную политическую и экономическую власть для осуществления крестового похода против коммунизма; штаб-квартира организации находится в Риме], этого клуба интеллектуалов-католиков, которых он ни в чем не мог упрекнуть, но и доверять им тоже не мог. Он ведь человек сельский, а они – из больших городов.

– Монсеньор, – сказал мэр, – желает приобрести пурпурные носки.

– Извольте, монсеньор. Будьте любезны пройти за мной.

– Интересно, – прошептал мэр, пока они шли следом за продавцом, – попросят ли у вас документы.

А тем временем продавец, словно дьякон, готовящий алтарь к мессе, разложил на прилавке великое множество пурпурных носков.

– Это – нейлоновые, – сказал он. – Вот эти – из чистого шелка. А эти – хлопчатобумажные. Естественно, из лучшего хлопка с островов.

– Я обычно ношу шерстяные, – сказал отец Кихот.

– О, ну, конечно, у нас есть и шерстяные, но наша клиентура обычно предпочитает нейлоновые или шелковые. Весь вопрос в оттенке: у шелка и нейлона более густой тон. А у шерсти пурпурный цвет – более тусклый.

– Для меня главное – чтоб было тепло, – сказал отец Кихот.

– А я склонен послушаться этого господина, монсеньор, – поспешно вмешался мэр. – Нам нужен такой пурпурный цвет, чтоб издали видно было.

Продавец озадаченно посмотрел на него.

– Издали? – переспросил он. – Я что-то не вполне...

– Нам нужно, чтоб пурпур был пурпуром. И уж, конечно, настоящим церковным пурпуром.

– Наш пурпур еще ни у кого не вызывал нареканий. Даже шерстяной вариант, – нехотя добавил продавец.

– Для наших целей, – сказал мэр, повернувшись к отцу Кихоту и упреждающе насупив бровь, – лучше всего будет нейлон. У него есть блеск... – И добавил: – Ну и потом нам, конечно, нужен... как называется этот нагрудник, который носят монсеньеры?

– Вы, видимо, имеете в виду речера. Насколько я понимаю, он вам тоже нужен из нейлона, чтоб соответствовал носкам.

– Я дал согласие насчет носков, – вмешался отец Кихот, – а носить пурпурный речера решительно отказываюсь.

– Но ведь это только при чрезвычайных обстоятельствах, монсеньор, – возразил мэр.

Продавец смотрел на них с возрастающим подозрением.

– Я что-то не представляю себе, какие чрезвычайные обстоятельства...

– Я ведь объяснял вам: состояние дорог в наши дни...

Пока продавец трудился, тщательно скрепляя пакет клейкой лентой того же церковно-пурпурного цвета, что и носки с нагрудником, мэр, явно невзлюбивший этого человека, решил его поддеть.

– Я вижу, – сказал он, – вы неплохо обеспечиваете церковь всем, что ей требуется в смысле украшения.

– Если вы имеете в виду одеяния, то – да.

– Ну, и головные уборы – шапочки и тому подобное – тоже?

– Конечно.

– И кардинальские шляпы? Монсеньор, правда, еще не достиг этого сана. Я спрашиваю просто так, для интереса. Надо ведь быть ко всему готовым...

– Кардиналы всегда получают шляпу от его святейшества.

На «Росинанта» напало капризное настроение, и мотор его завелся не сразу.

– Боюсь, я перестарался, – сказал мэр, – и вызвал у продавца подозрения.

– С чего вы это взяли?

– А он подошел сейчас к двери. И, по-моему, записал номер нашей машины.

– Я ни о ком не хочу дурно говорить, – сказал отец Кихот, – но, по-моему, он из «Опус деи».

– Скорее всего это их магазин.

– Я, конечно, уверен, они по-своему делают немало добра. Как и генералиссимус тоже.

– А я готов поверить в существование ада хотя бы для того, чтоб поместить туда членов «Опус деи» вместе с генералиссимусом.

– Я молюсь за него, – сказал отец Кихот и крепче сжал руль «Росинанта».

– Ваши молитвы не спасут его от ада, если он существует.

– Ад-то существует, но достаточно молитв одного праведника, чтобы спасти любого из нас. Как было с Содомом и Гоморрой, – добавил отец Кихот не очень уверенно, поскольку не знал, верны ли его данные.

Вечер был очень жаркий. Мэр предложил поужинать «У Понтия Пилата», но отец Кихот решительно отказался. Он сказал:

– Понтий Пилат был плохой человек. Его чуть не канонизировали, потому что он держался нейтрально, но, когда речь идет о выборе между добром и злом, нейтральным человек быть не может.

– Он не был нейтрален, – возразил мэ́р. – Он был неприсоединившимся, как Фидель Кастро, – только с уклоном в правильном направлении.

– Что значит – в «правильном»?

– В направлении Римской империи.

– Вы, коммунист, – за Римскую империю?

– Маркс учит нас, что революционный пролетариат может развиваться лишь после того, как страна пройдет стадию капитализма. А Римская империя развивалась, превращаясь в капиталистическое общество. Евреев же их религия удерживала от занятия промышленностью, так что...

После чего мэ́р предложил поехать в «Приюте святой Терезы».

– Не знаю, как у этой святой обстояло дело с кухней, но ее очень высоко ставил ваш друг генералиссимус.

Отец Кихот не понимал, как можно связывать еду и религию, так что когда мэ́р предложил поехать к «Сан-Антонио-де-ла-Флорида», – а о такой святой отец Кихот никогда не слышал, – это вызвало у него лишь раздражение. Он подозревал, что мэ́р слегка издевается над ним. Под конец они довольно скверно поели в ресторане «У ворот», где, правда, свежий воздух несколько восполнил им недостатки меню.

Они прикончили бутылку вина в ожидании, пока им подадут еду, и вторую – за едой, но, когда мэ́р предложил выпить еще одну – чтоб получилась святая троица, – отец Кихот отказался. Он сказал, что устал, что сиеста не освежила его, но это были лишь предлоги – на самом деле он никак не мог избавиться от тягостного впечатления после своего сна. Ему не терпелось рассказать его, хотя Санчо никогда не понял отчаяния, в которое погрузил отца Кихота этот сон. Вот если бы он был сейчас дома... но что бы это изменило? Тереса сказала бы: «Ведь это же был только сон, отче», а отец Эррера... Как ни странно, но отец Кихот понимал, что никогда не сможет обсуждать с отцом Эррерой вопросы религии, хотя вроде бы они исповедуют одну веру. Отец Эррера был за то, чтобы служить по-новому, и как-то вечером в конце ужина, прошедшего почти в полном молчании, отец Кихот имел глупость сказать ему, что, привыкнув заканчивать мессу словами Евангелия от Иоанна, теперь, когда они изъяты из литургии, произносит их про себя.

«А-а, увлекаетесь поэзией», – заметил отец Эррера с ноткой неодобрения в голосе.

«Вам не нравится Евангелие от Иоанна?»

«Его Евангелие не принадлежит к числу моих любимых. Я предпочитаю Евангелие от Матфея».

Отец Кихот в тот вечер находился в весьма озорном настроении и был уверен, что отчет об их беседе на другой же день попадет на стол к епископу. Увы! Слишком поздно! Монсьёра может понизить в сане только сам папа. И отец Кихот сказал: «Я всегда считал, что Евангелие от Матфея отличается от всех остальных тем, что это Евангелие утрашения».

«Почему? Что за странная идея, монсьёр!»

"У Матфея пятнадцать раз упоминается слово «ад».

«Ну и что?»

«Править с помощью страха... господь бог вполне мог бы предоставить это гитлерам или франко. Я верю, что смелость – это добродетель. Я не верю, что трусость – тоже добродетель».

«Дитя воспитывают дисциплиной. А мы все – дети, монсеньор».

«Не думаю, чтобы любящий родитель воспитывал своего ребенка с помощью страха».

«Надеюсь, вы не учите этому своих прихожан».

«О, я вообще их ничему не учу. Это они учат меня».

«Не один апостол Матфей говорил об аде, монсеньор. У вас и другие Евангелия вызывают такие же чувства?»

«Между ними есть существенная разница». – Отец Кихот умолк, понимая, что ступает на действительно опасную почву.

«Какая же?» – Возможно, что Эррера рассчитывал получить подлинно еретический ответ, который потом можно было бы сообщить – конечно, по соответствующим каналам – в Рим.

А отец Кихот сказал отцу Эррере то же, что в свое время сказал мэру:

«У святого Марка ад упоминается всего два раза. (Конечно, у него была другая специальность – он был апостолом сострадания.) У святого Луки – три раза: он ведь был великий рассказчик. Это у него мы находим большинство великих притч. А у апостола Иоанна... – теперь говорят, что это самое древнее из Евангелий – более древнее, чем Евангелие от Марка... Очень это странно». – И он умолк.

«Ну и что же мы находим у апостола Иоанна?»

«В его Евангелии нет ни одного упоминания об аде».

«Но, монсеньор, не ставите же вы под сомнение существование ада?»

«Я верю в его существование из послушания Церкви, а не по велению сердца».

На этом была поставлена точка, и разговор окончился.

Отец Кихот затормозил на темной унылой улице, где находилось их пристанище.

– Чем скорее мы отсюда уедем, тем лучше, – сказал мэр. – Подумать только, что мы могли со всеми удобствами спать в «Паласе».

Когда они поднимались по лестнице, открылась дверь и при свете свечи показалось подозрительное испуганное лицо старухи.

– С чего бы у нее, черт подери, такой испуганный вид? – спросил мэр.

– Возможно, это мы заразили ее своим страхом, – сказал отец Кихот.

Он постарался побыстрее, так до конца и не раздевшись, нырнуть под простыни, а мэр не спешил. Он тщательно – не то, что отец Кихот – сложил свои брюки и повесил пиджак, но рубашки и трусов снимать не стал, словно, как и отец Кихот, хотел быть готовым к любой неожиданности.

- Что это у вас в кармане? – спросил он, перевешивая одежду отца Кихота.
- О, это книга Герберта Йоне по теологии морали. Я в последний момент сунул ее в карман.
- Нечего сказать, подходящая книга для поездки на отдых!
- Ну, я же видел, как вы положили в машину сборник статей Ленина и что-то там Маркса.
- Я решил дать их вам почитать для самообразования.
- Ну, а я, если хотите, дам вам почитать Йоне – для вашего.
- По крайней мере, я, может, хоть засну, – произнес мэр и вытащил из кармана отца Кихота зеленую книжицу.

Отец Кихот лежал на спине и прислушивался к тому, как его спутник переворачивает страницы. В какой-то момент мэр хохотнул. Отец Кихот не мог припомнить ничего смешного у Йоне – правда, он читал «Теологию морали» сорок лет тому назад. Он никак не мог заснуть, и ужасный сон, привидевшийся ему во время сиесты, не оставлял его в покое, словно мотив пошленькой песенки.

А отцу Кихоту приснилось, что Христос был снят с креста легионом ангелов: дьявол заранее предупредил его, что он может к ним воззвать. Поэтому не было агонии, никто не откатывал тяжелого надгробья, никто не обнаруживал пустой могилы. Отец Кихот стоял на Голгофе и смотрел, как Христос победоносно сошел с креста под крики толпы. Римские солдаты во главе с центурионом опустили перед ним на колени, а жители Иерусалима устремились вверх по горе, чтобы поклониться ему. Ученики радостно окружили его. Мать божия улыбалась сквозь слезы счастья. Все ясно – никакой двусмысленности, никакого повода для сомнений и никакого повода для веры. Весь мир со всею очевидностью понимал, что Христос – сын божий.

Это был всего лишь сон, конечно, всего лишь сон, и тем не менее, проснувшись, отец Кихот почувствовал, как ледяная рука отчаяния сжала ему сердце, – такое чувство овладевает человеком, внезапно осознающим, что он выбрал профессию, которая никому не нужна, и что он вынужден жить в своего рода пустыне Сахаре, где нет места ни сомнению, ни вере, где все убеждены в истинности лишь одного верования. И он неожиданно для себя вдруг прошептал:

– Господи, избавь меня от такого верования. – Затем, услышав, как ворочается в соседней постели мэр, машинально добавил: – И его тоже. – И только после этого заснул.

Старуха поджидала их внизу лестницы. Последняя ступенька была с выбоиной, и отец Кихот, оступившись, чуть не упал. Старуха перекрестилась и что-то забормотала, размахивая какой-то бумажкой.

- Чего ей надо? – спросил мэр.
- Наши фамилии и адреса, а также откуда мы прибыли и куда направляемся.
- Это не гостиничная ficha [карточка (исп.)]. Это же просто листок из блокнота.

Старуха продолжала бормотать, повышая голос, – казалось, она вот-вот перейдет на крик.

– Я ни слова не понимаю, – сказал мэр.

– У вас нет такой привычки слушать, как у меня, – в исповедальне. Старуха говорит, что у нее уже были неприятности с полицией из-за того, что она не записала каких-то своих постояльцев. А они были коммунисты, говорит она, и их искали.

– Почему же она не попросила нас зарегистрироваться, когда мы приехали?

– Она думала, что мы у нее не остановимся, а потом забыла. Дайте-ка мне ручку. Нечего из-за этого устраивать шум.

– Хватит с нее и одного из нас. Особенно, если это священник. И не забудьте указать – «монсеньор».

– А что написать – куда мы направляемся?

– Напишите – в Барселону.

– Вы ни разу не говорили, мне про Барселону.

– А кто его знает? Может, мы туда и поедem. Ваш предок ведь ездил туда. Во всяком случае, я никогда не считал нужным сообщать что-либо полиции.

Отец Кихот нехотя повиновался. Интересно, отец Йоне счел бы это ложью? Он вспомнил, что отец Йоне довольно странно делил ложь на злонамеренную, ложь во благо и ложь шутки ради. Эта ложь – не злонамеренная, и уж, конечно, не шутки ради. Ложь во благо – это когда она может быть выгодна кому-то или тебе самому. Здесь же никакой выгоды никому нет. Значит, наверное, это вовсе и не ложь. К тому же возможно ведь, что их странствия в один прекрасный день действительно приведут их в Барселону.

ГЛАВА V

Как монсеньор Кихот и Санчо посетили одно святое место

– Вы хотите ехать на север? – спросил отец Кихот. – Я подумал, может быть, нам все-таки стоило бы сделать небольшой крюк в направлении Барселоны.

– Я хочу свозить вас в одно святое место, – сказал мэр, – где, я уверен, вам захочется помолиться. Поезжайте по дороге на Саламанку, пока я не скажу, где свернуть.

Что-то в тоне мэра не понравилось отцу Кихоту. Он умолк, и тут снова на память ему пришел тот сон. Он сказал:

– Санчо, вы действительно верите, что будет такое время, когда весь мир станет коммунистическим?

– Да, верю. Только я, конечно, не увижу этого дня.

– И победа пролетариата будет полной и окончательной?

– Да.

– И весь мир будет, как Россия?

– Этого я не говорил. Россия еще не достигла коммунизма. Она лишь продвинулась по пути к коммунизму дальше других стран. – Он по-дружески прикрыл ладонью рот отцу Кихоту. – Только, мой дорогой католик, не начинайте говорить мне о правах человека, и тогда я обещаю, что не стану говорить про инквизицию. Если бы вся Испания целиком была католической, то, конечно, никакой инквизиции не возникло бы, а так – Церковь вынуждена была защищаться от врагов. Войне всегда сопутствует несправедливость. Людям всегда приходится выбирать меньшее зло, и меньшим злом может оказаться государство, тюрьма, лагерь, да если угодно – и психиатрическая больница. Сейчас государство или Церковь обороняются, когда же наступит коммунизм, государство отомрет. Так же, как отмерла бы власть пап, если бы вашей Церкви удалось заставить весь мир принять католичество.

– Представим себе, что коммунизм наступит еще при вашей жизни.

– Это невозможно.

– Ну, тогда представим себе, что ваш прапраправнук унаследует ваш характер и что он доживет до тех пор, когда государства не станет. Не будет несправедливости, не будет неравенства – чему он посвятит себя, Санчо?

– Будет трудиться ради общего блага.

– У вас, безусловно, есть вера, Санчо, великая вера в будущее. Но у

него-то такой веры не будет. Будущее уже будет тут, перед его глазами. А может человек жить без веры?

– Не понимаю, при чем тут вера? Человеку всегда найдется чем заняться. Искать новые источники энергии. А болезни – всегда ведь будут болезни, с которыми надо сражаться.

– Вы в этом уверены? Медицина идет вперед огромными шагами. Мне жаль вашего прапраправнука, Санчо. Такое у меня впечатление, что ему не на что будет надеяться – разве что на смерть.

Мэр усмехнулся.

– А мы, может, и со смертью разделаемся с помощью трансплантаций.

– Избави нас бог, – сказал отец Кихот. – Тогда ваш прапраправнук будет жить в бескрайней пустыне. Ни сомнений. Ни веры. Я бы пожелал ему в таком случае счастливой смерти.

– Что значит «счастливой смерти»?

– Смерти в надежде, что после нее что-то есть.

– Вечное блаженство и прочая ерунда? Жить в убеждении, что существует какая-то там вечная жизнь?

– Нет. Не обязательно в убеждении. Мы не можем всегда быть убеждены. Достаточно верить. Как верите, например, вы, Санчо. Ах, Санчо, Санчо, как же это ужасно – не иметь сомнений. Вообразите себе, что все, написанное Марксом – да и Лениным, –

доказано, как абсолютная правда.

– Я, конечно, был бы этому рад.

– Сомневаюсь.

Некоторое время они ехали молча. Внезапно Санчо хохотнул – этот лающий звук отец Кихот

слышал уже и ночью.

– В чем дело, Санчо?

– Вчера вечером перед тем, как заснуть, я читал вашего Йоне и его «Теологию морали». Я совсем забыл, что онанизм представляет собой такое богатейшее разнообразие грехов. Я-то считал, что это всего лишь синоним мастурбации.

– Это часто встречающаяся ошибка. Но уж вам-то, Санчо, надо бы это знать. Вы же говорили, что учились в Саламанке.

– Да. И вчера вечером я вспомнил, как мы все хохотали, когда дошли до онанизма.

– Я забыл, что Йоне может так развеселить.

– Разрешите напомнить вам, что он говорит о *coitus interruptus* [прерванное совокупление (лат.)]. Йоне считает это одной из форм онанизма, но, по его мнению, если совокупление прервано из-за непредвиденных обстоятельств, например (этот пример приводит сам Йоне), при появлении третьего лица, – это уже не грех. Так вот, один из моих соучеников – Диего – знал одного очень богатого и верующего маклера. Я сейчас вдруг вспомнил, как его звали, – Маркес. У него было большое поместье через реку от Саламанки, недалеко от монастыря винсентианцев [винсентианцы принадлежат к сообществу римско-католических священников, основанному святым Винсентом-де-Полем в 1625 году]. Не знаю, жив ли он еще. Ну, если жив, то проблема контроля над деторождением не должна больше его волновать: ему сейчас должно быть уже за восемьдесят. А в те дни это было для него, безусловно, ужасной проблемой, ибо он железно следовал правилам Церкви. Ему еще повезло, что Церковь изменила свой взгляд на ростовщичество, – в маклерском деле есть ведь немало ростовщичества. Забавно, верно, что Церковь куда легче меняет мнение относительно денег, чем относительно секса?

– У вас ведь тоже есть неизменные догмы.

– Да. Но у нас невозможно изменить как раз те догмы, которые касаются денег. Нас не волнует *coitus interruptus*, нас волнуют лишь средства воспроизводства – я не имею в виду сексуальные. У следующей развилки сверните, пожалуйста, влево. А теперь видите впереди высокую каменистую гору и на ней большой крест? Мы едем туда.

– Так это _в самом деле_ святое место. А я думал, вы надо мной подтруниваете.

– Нет, нет, монсеньор. Я слишком вас для этого люблю. О чем это я говорил? А, вспомнил. О сеньоре Маркесе и его ужасной проблеме. Так вот – у него было пятеро детей. Он считал, что выполнил свой долг перед Церковью, но жена у него была ужасно плодовитая, да и он сам любил поразвлекаться в постели. Он мог бы завести себе любовницу, но не думаю, чтобы Йоне считал, что во внебрачных отношениях можно контролировать рождаемость. Словом, не везло ему с тем, что вы называете «естественным», а я называю «противоестественным» контролем над рождаемостью. Возможно, под влиянием Церкви все термометры в Испании показывают не ту температуру. Так или иначе, мой друг Диего заметил как-то сеньору Маркесу – боюсь, в весьма фривольную минуту, – что по правилам Йоне можно пользоваться *coitus interruptus*. Кстати, к каким священнослужителям принадлежал Йоне?

– Он был из немцев. Не думаю, чтобы он принадлежал к белому духовенству – они, по большей части, слишком заняты, чтобы изучать теологию морали.

– Так вот, Маркес послушался Диего, и в следующий раз, когда Диего пришел к нему, он обнаружил в доме дворецкого. Это удивило его, ибо Маркес был человек скарредный, редко принимавший гостей, разве что от случая к случаю кого-нибудь из отцов монастыря святого

Винсента, так что две служанки, няня и повариха вполне обеспечивали нужды семейства. После ужина Маркес пригласил Диего к себе в кабинет на рюмку коньяку, и это тоже удивило Диего. "Я должен поблагодарить тебя, – сказал ему Маркес, – ты намного облегчил мою жизнь. Я очень внимательно проштудировал отца Йоне. Признаюсь, я не вполне поверил тому, что ты мне сказал, и поэтому добыл у винсентианцев экземпляр труда отца Йоне на испанском языке, и там черным по белому написано – с официального разрешения архиепископа Мадридского и *Nihil obstat* [безо всяких возражений (лат.)] со стороны цензуры, – что появление третьего лица делает возможным *coitus interruptus*.

«Ну и как же вы этим воспользовались?» – спросил Диего.

«Как видишь, я нанял дворецкого и тщательнейшим образом его обучил. Когда в кладовке раздается два звонка из моей спальни, дворецкий подходит к двери в спальню и ждет. Я стараюсь, чтобы он не ждал слишком долго, но годы у меня уже не те и, боюсь, ему иной раз приходится ждать по четверть часа – а то и больше – следующего сигнала: долгого звонка уже в самом коридоре. Это значит – больше сдерживаться я не могу. Тогда дворецкий открывает дверь в спальню – появляется третье лицо, и я откатываюсь от жены. Так что ты и представить себе не можешь, насколько Йоне упростил мне жизнь. Теперь я исповедуюсь не чаще, чем раз в три месяца – и каюсь во всяких мелких, простительных промашках».

– Вы надо мной издеваетесь, – сказал отец Кихот.

– Нисколько. Просто я нахожу теперь Йоне куда более интересным и забавным писателем, чем в студенческую пору. К сожалению, в том случае, о котором я вам рассказал, была допущена одна промашка – Диего оказался человеком недобрым и указал на нее. «Вы недостаточно внимательно читали Йоне, – сказал он Маркесу. – Йоне относит появление третьего лица к разряду непредвиденных обстоятельств. А в вашем случае появление дворецкого, боюсь, слишком хорошо предвидено». Бедняга Маркес был просто сражен. О, этих теологов-моралистов трудно обскакать. Они всегда возьмут над вами верх с помощью своих софизмов. Так что лучше их вообще не слушать. Поэтому ради вашего же блага очистите-ка ваши полки от всех этих старых книг. вспомните, что сказал каноник вашему благородному предку: «...а вам, ваша милость, человеку столь почтенному, таких превосходных качеств и столь светлого ума, не должно принимать за правду все те сумасбродные нелепости, о которых пишут в этих вздорных романах» [Сервантес, «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», ч.1, гл.49, пер. Н.Любимова].

Мэр помолчал и искоса взглянул на отца Кихота.

– У вас в лице, безусловно, есть что-то общее с вашим предком, – сказал он. – Если я – Санчо, то вы, несомненно, монсеньор Печального Образа.

– Надо мной, Санчо, можете издеваться сколько угодно. Огорчает меня то, что вы издеваетесь над моими книгами, ибо они значат для меня больше, чем я сам. В них – вся моя вера и вся надежда.

– В обмен на труды отца Йоне я одолжу вам труды отца Ленина. Быть может, он тоже вселит в вас надежду.

– Надежду на этом свете – возможно, но я испытываю великий голод – и хочу удовлетворить его не только ради себя. И ради вас, Санчо, и ради всего нашего мира. Я знаю, я бедный странствующий священник, едущий бог знает куда. Я знаю, что в некоторых из моих книг есть нелепицы, – были они и в рыцарских романах, которые собирал мой предок. Но это вовсе не значит, что рыцарство вообще – нелепица. Какие бы нелепости вы ни выудили из моих книг, я все равно продолжаю верить...

– Во что?

– В исторический факт. В то, что Христос умер на кресте и воскрес.

– Это – величайшая из всех нелепостей.

– Мы живем в нелепом мире, иначе не были бы мы сейчас вместе.

Они взобрались на Гвадаррамские горы, что было нелегко для «Росинанта», и теперь стали спускаться в долину, лежавшую у подножия высокой сумрачной горы, на которой высился огромный тяжелый крест, должно быть, метров ста пятидесяти в высоту; они увидели впереди стоянку, забитую машинами – роскошными «кадиллаками» и маленькими «сеатами». Владельцы «сеатов» расставили возле своих машин складные столики для пикника.

– Неужели вы хотели бы жить в абсолютно рациональном мире? – спросил отец Кихот. – Какой это был бы скучный мир!

– В вас говорит ваш предок.

– Взгляните на эту гильотину на горе... или, если угодно, виселицу.

– Я вижу крест.

– А это ведь более или менее одно и то же, верно? Куда мы приехали, Санчо?

– Это Долина павших, отче. Ваш друг Франко задумал, чтобы его похоронили здесь как фараона. И больше тысячи заключенных согнали сюда, чтобы рыть пещеру для его захоронения.

– О да, помню – потом им за это дали свободу.

– Для сотен из них это была свобода смерти. Как, отче, вы вознесете здесь молитву?

– Конечно. А почему, собственно, нет? Будь даже тут похоронен Иуда – или Сталин, – я бы все равно помолился.

Они поставили машину, заплатив за стоянку шестьдесят песет, и подошли ко входу в пещеру. Какой огромный понадобился бы камень, подумал отец Кихот, чтобы завалить вход в это гигантское захоронение. Вход в пещеру преграждала металлическая решетка, украшенная статуями сорока испанских святых, за ней открывался зал величиной с соборный неф, по стенам которого висели гобелены, с виду – шестнадцатого века.

– Генералиссимус настоял на том, чтобы его охраняла целая бригада святых, – заметил мэр.

Зал был такой огромный, что посетители казались пигмеями и их голоса были еле слышны; надо было долго идти под высокими сводами к алтарю, находившемуся в другом конце.

– Замечательное достижение инженерного искусства, – заметил мэр, – сродни пирамидам. И создать такое могли только рабы.

– Как в ваших сибирских лагерях.

– Русские заключенные по крайней мере трудились во имя будущего своей родины. А это создано ради славы одного человека.

Они медленно шли к алтарю мимо вытянувшихся в ряд часовен. Никто в этой богато украшенной пещере не считал нужным понижать голос, и, однако же, голоса звучали как шепот в этой беспредельности. Трудно было поверить, что вы идете в недрах горы.

– Насколько я понимаю, – сказал отец Кихот, – эта пещера была создана как символ

примирения, часовня для поминовения всех павших с обеих сторон.

По одну руку от алтаря находилась могила Франко, по другую – Хосе-Антонио де Риверы, основателя фаланги.

– Вы не найдете здесь даже таблички с именем павшего республиканца, – сказал мэр.

Молча проделали они долгий путь назад и, прежде чем выйти, в последний раз обернулись.

– Почти как холл в отеле «Палас», – заметил мэр, – но, конечно, грандиознее, да и посетителей меньше. И отелю «Палас» не по карману такие гобелены. А там в конце – бар с коктейлями; того и гляди появится бармен и приготовит напиток – фирменный коктейль из красного вина, который подают с вафлями. Вы молчите, монсеньор. А ведь это не могло не произвести на вас впечатления. Или что-то не так?

– Я молился – только и всего, – сказал отец Кихот.

– За генералиссимуса, похороненного среди этого великолепия?

– Да. А также за вас и за меня. – И добавил: – И за мою Церковь.

Когда они сели в машину, отец Кихот перекрестился. Он и сам не был уверен, почему: чтобы защититься от опасностей, подстерегающих на дороге, или от поспешных выводов, или это было просто нервной реакцией.

Мэр сказал:

– У меня такое впечатление, что за нами следят. – И, перегнувшись к отцу Кихоту, заглянул в зеркальце заднего вида. – Все обгоняют нас, кроме одной машины.

– А с какой стати кто-то будет за нами следить?

– Кто его знает? Я ведь просил вас надеть пурпурный слюнявчик.

– Но я же надел носки.

– Этого недостаточно.

– Куда мы теперь направляемся?

– При такой скорости нам ни за что не добраться к вечеру до Саламанки. Так что придется остановиться в Авиле. – И, продолжая наблюдать в зеркальце заднего вида, мэр добавил: – Наконец-то он нас обгоняет.

Мимо на большой скорости промчалась машина.

– Вот видите, Санчо, мы вовсе их не интересовали.

– Это был джип. Джип жандармерии.

– Так или иначе, не мы были у них на уме.

– И все равно, я б хотел, чтобы вы сидели в своем слюнявчике, – сказал мэр. – Носков-то ваших они ведь не видят.

Они устроили обед на обочине и, усевшись на пожухлой траве, доели остатки колбасы. Она немного подсохла, а ламанчское вино почему-то в значительной мере утратило свой аромат.

– Кстати, – сказал мэр, – колбаса напомнила мне, что в Авиле, если захотите, вы сможете увидеть безымянный палец святой Терезы, а в Альба-де-Тормесе, близ Саламанки, я покажу вам всю ее руку. Во всяком случае, по-моему, ее уже вернули в тамошний монастырь, а то она какое-то время находилась у генералиссимуса. Говорят, он держал ее – со всем, конечно, благоговением – у себя на столе. А в Авиле сохранилась исповедальня, где она беседовала с Хуаном де ла Крус. Большой был поэт, так что не будем спорить по поводу его святости. Когда я был в Саламанке, я часто ездил в Авилу. Знаете, я даже с некоторым благоговением относился к этому пальцу святой Терезы, хотя привлекала меня главным образом одна красotka – дочка авильского аптекаря.

– А почему вы бросили там учиться, Санчо? Вы никогда мне об этом не рассказывали.

– Я думаю, длинные золотые волосы той красотки были, наверное, главной тому причиной. Очень это было счастливое для меня время. Понимаете, она ведь была дочкой аптекаря, – а он был тайным членом компартии, – и потому могла втихую снабжать нас противозачаточными средствами. Мне не надо было прибегать к *coitus interruptus*. Но знаете, странная все-таки штука человеческая натура: я потом отправлялся к безымянному пальцу святой Терезы и каялся. – Он мрачно уставился в свой стакан с вином. – О, я смеюсь над вашими предрассудками, отче, но в те дни я разделял некоторые из них. Может, поэтому я так и ищу сейчас вашей компании – я как бы снова переживаю свою юность, юность, когда я почти исповедовал вашу религию, когда все было так сложно и противоречиво... и интересно.

– А мне сложным ничто никогда не казалось. Я всегда находил ответ в тех книгах, которые вы так презираете.

– Даже у отца Йоне.

– О, я никогда не был силен в теологии морали.

– Одной из сложностей, возникших передо мной, было то, что отец девушки, аптекарь, умер и мы не могли больше доставать противозачаточные средства. Сегодня это было бы совсем просто, но в те дни... Выпейте еще стаканчик, отче.

– В вашей компании, если я не буду осторожен, боюсь, я могу превратиться в попа-пропойцу – я слышал, так говорят.

– Вслед за моим предком Санчо могу сказать, что я никогда в жизни не был запойным пьяницей. Я пью, когда мне на душу придет или когда хочу выпить за здоровье друга. За вас, монсеньор! Кстати, а что говорит отец Йоне по поводу выпивки?

– Интоксикация, приводящая к полной потере разума, является смертным грехом, если к тому нет достаточных оснований, а спаивать других – такой же грех, если тому нет достаточных оправданий.

– Любопытно он это квалифицирует, верно?

– Как ни странно, согласно отцу Йоне, если кто-то – как в данном случае вы – спаивает другого на пиршестве, это более простительный грех.

– Я полагаю, мы можем считать это пиршеством?

– Я вовсе не уверен, что, когда двое сидят за столом, это можно назвать пиршеством, и сомневаюсь, подходит ли для такого определения наша изрядно засохшая колбаса. – Отец Кихот несколько нервозно рассмеялся (пожалуй, юмор был тут не вполне уместен) и перебрал лежавшие у него в кармане четки. – Вы можете смеяться над отцом Йоне, –

продолжал он, – и я, да простит меня господь, смеялся над ним вместе с вами. Но теология морали, Санчо, – это ведь не Церковь. И труда отца Йоне вы не найдете среди моих старых рыцарских книг. Его книга – всего лишь военный устав. А святой Франциск Сальский написал книгу в восемьсот страниц под названием «Любовь к Господу». В правилах отца Йоне вы не встретите слова «любовь», а в книге святого Франциска Сальского, по-моему, – возможно, я не прав, – вы не найдете выражения «смертный грех». Он был епископом и правителем Женевским. Интересно, поладили бы они с Кальвином? Мне кажется, Кальвину легче было бы с Лениным... или даже со Сталиным... Или с жандармами, – добавил он, глядя на возвращающийся джип – если это был тот же самый. Его предок наверняка вышел бы на дорогу и бросил джипу вызов. Отец Кихот почувствовал свою несостоятельность, у него даже возникло чувство вины. А джип, поравнявшись с их машиной, притормозил. И отец Кихот и Санчо с облегчением вздохнули, когда, проехав мимо, он исчез из виду; какое-то время они молча лежали среди остатков своей трапезы. Потом отец Кихот сказал:

– Мы же ничего плохого не сделали, Санчо.

– Они судят по внешнему виду.

– Но мы же выглядим невинными, как агнцы, – заметил отец Кихот и процитировал своего любимого святого: – «Ничто так не способно утихомирить разъярившегося слона, как вид агнца; ничто так не способно ослабить силу полета пушечного ядра, как шерсть».

– Тот, кто это написал, – сказал мэр, – показал свое невежество в естествознании и в законах динамики.

– Наверное, это от вина, но мне что-то ужасно жарко.

– А я что-то не замечаю жары. По-моему, температура очень приятная. Но на мне нет, конечно, такого дурацкого воротничка.

– Это всего лишь полоска целлулоида. И право же, в нем не так уж жарко, особенно если сравнить с тем, что надето на этих жандармах. Попробуйте надеть воротничок – сами увидите.

– Так уж и быть – попробую. Давайте его сюда. Помнится, Санчо ведь стал правителем острова, ну а я, с вашей помощью, стану правителем душ. Как отец Йоне. – Мэр надел воротничок. – Нет, вы правы. В нем вовсе не жарко. Тесновато немного – только и всего. Он мне натрет шею. Забавно, отче, но без воротничка я никогда не принял бы вас за священника и уж во всяком случае за монсеньора.

– После того как домоправительница отобрала у Дон Кихота копье и заставила его снять доспехи, вы никогда не приняли бы его за странствующего рыцаря. А всего лишь за сумасшедшего старика. Давайте сюда мой воротничок, Санчо.

– Позвольте мне еще немного побыть правителем. Может, в таком воротничке я даже услышу одну-две исповеди.

Отец Кихот протянул было руку, чтобы забрать воротничок, как вдруг услышал властный голос:

– Ваши документы.

Перед ними был жандарм. Он, очевидно, оставил джип за поворотом дороги и пешком подошел к ним. Это был крупный мужчина, весь потный – то ли от усталости, то ли от страха, так как пальцы его выбивали дробь на кобуре. Возможно, он боялся, что перед ним – баскский террорист.

– Мой бумажник в машине, – сказал отец Кихот.

– Сходим за ним вместе. А ваши документы, отче? – обратился он к Санчо.

Санчо полез в нагрудный карман за удостоверением личности.

– Что это у вас за тяжесть в кармане?

Рука жандарма не покидала рукоятки револьвера, пока Санчо вытаскивал из кармана маленькую зеленую книжечку, на которой значилось: «Теология морали».

– Это книга не запрещенная.

– Я так не говорил, отче.

– Какой я вам отче?

– Тогда почему же на вас этот воротничок?

– Я взял его на минутку у моего друга. Видите. Он же не пристегнут. Просто надет. А вот мой друг – он монсеньор...

– Монсеньор?

– Да, взгляните на его носки.

Жандарм бросил взгляд на пурпурные носки. И сказал:

– Значит, эта книжка ваша? И воротничок тоже?

– Да, – сказал отец Кихот.

– Вы дали их этому человеку?

– Да. Видите ли, мне было ужасно жарко и...

Жандарм жестом указал ему на машину.

Отец Кихот открыл отделение для перчаток. И не увидел сразу своего удостоверения личности. Жандарм тяжело дышал ему в затылок. Наконец отец Кихот обнаружил удостоверение – возможно, от тяжких вздохов уставшего «Росинанта» оно съехало и попало под обложку красной книжечки, которую положил туда мэр. Отец Кихот вытащил книжку. Имя автора значилось крупными буквами – ЛЕНИН.

– Ленин! – воскликнул жандарм. – Это ваша книга?

– Нет, нет. Моя книга – «Теология морали».

– А это ваша машина?

– Да.

– Но это не ваша книга?

– Это книга вот этого моего друга.

– Которому вы дали к тому же свой воротничок?

– Совершенно верно.

Мэр следом за ними подошел к машине. От звука его голоса жандарм так и подскочил. Нервы у него были явно не в порядке.

– Даже Ленина теперь не запрещено читать. А это его ранние работы – статьи о Марксе и Энгельсе. Написанные главным образом в почтенном городе Цюрихе. Можно сказать, небольшая бомба замедленного действия, созданная в городе банкиров.

– Бомба замедленного действия! – воскликнул жандарм.

– Это я так образно выразился.

Жандарм осторожно положил книжку на сиденье и отошел на несколько шагов от машины.

– В вашем удостоверении личности, – сказал он, обращаясь к отцу Кихоту, – ничего не сказано, что вы – монсеньор.

– А он путешествует инкогнито, – сказал мэр.

– Инкогнито! Почему инкогнито?

– Такой уж он скромный – это качество нередко встречается у святых людей.

– Откуда вы приехали?

– Он молился на могиле генералиссимуса...

– Это правда?

– В общем, да, я действительно немного там помолился.

Жандарм снова обследовал его удостоверение личности. И явно несколько успокоился.

– Он прочел с десятков молитв, – поправил мэр. – Двух-трех было бы недостаточно.

– Что значит – недостаточно?

– Бог ведь может быть глуховат. Сам-то я неверующий, но, как я понимаю, этим, должно быть, объясняется то, что по генералиссимусу было отслужено столько месс. Когда молишься за такого человека, надо орать, чтоб тебя услышали.

– Странная у вас компания, – сказал жандарм отцу Кихоту.

– О, не надо обращать внимания на то, что он говорит. В душе он – хороший человек.

– А куда вы теперь направляетесь?

Мэр поспешно произнес:

– Монсеньор хочет вознести еще одну молитву за генералиссимуса перед безымянным пальцем святой Терезы. Как вы знаете, этот палец хранится в монастыре у стен Авилы. Монсеньор не щадит сил для генералиссимуса.

– Слишком что-то вы разговорились. В вашем удостоверении сказано, что вы мэр Эль-Тобосо.

– Был мэром, но меня сместили. А вот монсеньора повесили.

– Где вы останавливались прошлой ночью?

– В Мадриде.

– Где именно? В какой гостинице?

Отец Кихот беспомощно посмотрел на мэра. И сказал:

– В совсем маленьком заведении... я не помню...

– На какой улице?

– В отеле «Палас», – решительно заявил мэр.

– Но это вовсе не маленькое заведение.

– Размеры всегда относительноны, – сказал мэр. – Отель «Палас» – совсем маленький по сравнению с усыпальницей генералиссимуса.

Наступило неловкое молчание – возможно, в эту минуту над ними пролетал ангел. Наконец жандарм произнес:

– Побудьте здесь, пока я не вернусь. Если попытаетесь завести машину, – вам не поздоровится.

– Что значит – не поздоровится?

– По-моему, он пригрозил пристрелить нас, если мы тронемся с места.

– В таком случае будем стоять тут.

– Мы и стоим.

– Почему вы солгали ему насчет гостиницы?

– Колебаться было бы еще хуже.

– Но они же могут проверить по нашей ficha.

– Едва ли они станут этим заниматься, да и вообще на это нужно время.

– Для меня это совершенно необъяснимая ситуация, – сказал отец Кихот. – За все годы моей жизни в Эль-Тобосо...

– Так ведь и ваш предок столкнулся с ветряными мельницами, только когда выехал из своего селения. Послушайте! Наша задача куда легче. Мы столкнулись не с тридцатью или сорока ветряными мельницами, а всего лишь с двумя.

Толстый жандарм, шедший к ним вместе со своим спутником, безусловно, напоминал ветряную мельницу – так он размахивал руками, рассказывая своему спутнику о странных несоответствиях, с которыми он столкнулся. Легкий послеполуденный ветерок доносил до отца Кихота и Санчо слова «монсеньор», «Ленин» и «пурпурные носки».

Второй жандарм был очень тощий и решительный.

– Откройте багажник, – приказал он. И стал, уперев руки в бока, пока отец Кихот возился с ключом. – Откройте вашу сумку.

Он сунул руку в сумку отца Кихота и вытащил оттуда пурпурный pechera.

– Почему он не на вас? – спросил жандарм.

– Слишком в глаза бросается, – ответил отец Кихот.

– А вы что же, боитесь быть приметным?

– Да нет, не боюсь...

Но тощий жандарм уже заглядывал в машину сквозь заднее стекло.

– Что тут в коробках?

– Ламанчское вино.

– Похоже, отличный у вас запасец.

– Да, действительно. Если не возражаете, то пару бутылок...

– Запиши, – сказал жандарм своему спутнику: – Так называемый «монсеньор» предлагал нам две бутылки ламанчского вина. Дай-ка мне взглянуть на его удостоверение личности. Ты записал номер?

– Сейчас запишу.

– Разрешите посмотреть эту книжицу. – Он полистал книгу статей Ленина. – Я вижу, вы основательно ее изучили, – сказал он. – Тут немало пометок. Напечатано в Москве на испанском языке. – Он прочел: – «Вооруженная борьба преследует две цели: во-первых, она нацелена на уничтожение отдельных лиц в армии и полиции – как начальников, так и их подчиненных...» [такого высказывания в Полном собрании сочинений В.И.Ленина не обнаружено]. Вы ставите себе такие цели, монсеньор... если вы действительно монсеньор?

– Это ведь не моя книга. Она принадлежит моему другу.

– Странная у вас компания, монсеньор. Опасная компания. – Он погрузился в задумчивость – словно судья, подумал отец Кихот, который взвешивает, приговорить обвиняемого к смерти или к пожизненному заключению.

– Если бы вы потрудились позвонить моему епископу... – начал отец Кихот и умолк, не докончив фразы, так как епископ, несомненно, вспомнит, что он неосмотрительно собирал в церкви пожертвования на общество «In Vinculis».

– Ты записал номер машины? – спросил тощий жандарм толстого.

– Да, да, конечно. Я записал его еще на дороге.

– Вы едете в Авилу? Где вы остановитесь в Авиле?

– На ragador [туристская база, постоялый двор (исп.)]. Если там будут свободные комнаты.

– Вы заранее не договаривались?

– Мы же на отдыхе. Едем наугад.

– Ну, номер вашей машины у меня записан, – сказал жандарм.

Тощий повернулся, и толстый последовал за ним. Точно две утки, подумал отец Кихот: одну уже можно закалывать, а другую еще надо откормить. За поворотом дороги они скрылись из виду – возможно, там у них пруд.

– Подождем, пока они уедут, – сказал мэр.

- Чем мы провинились, Санчо? Почему они с таким подозрением к нам относятся?
- Согласитесь, – сказал мэр, – не так часто можно встретить монсеньера, который одалживал бы кому-то свой воротничок...
- Я нагоню их и все им объясню.
- Нет, нет, лучше здесь подождать. Они ведь тоже выжидают. Хотят посмотреть, в самом ли деле мы поедem в Авилу.
- В таком случае, поехали в Авилу: надо им показать, что именно туда мы и едем.
- По-моему, лучше нам там не появляться.
- Почему?
- А они уже предупредили тамошних жандармов.
- О чем? Мы же ни в чем не виноваты. Мы никому не причинили никакого вреда.
- Мы причинили вред тем, что нарушили их душевный покой. Пусть ждут нас до усталости. А мы, по-моему, должны открыть еще бутылочку вина.

Они снова уселись среди остатков своей трапезы, и мэр принялся откупоривать бутылку. Он сказал:

- Забудь я на время, что я совсем не верю в бога, все равно мне трудно было бы поверить, что эти два жандарма – не говоря уже о Гитлере и генералиссимусе... да, если угодно, и о Сталине – могли родиться, потому что он действительно того хотел. Ведь если бы их бедным родителям разрешено было пользоваться противозачаточными средствами...
- Это был бы великий грех, Санчо. Убить человеческую душу...
- Разве у спермы есть душа? Во время любовного акта мужчина же убивает миллион миллионов сперматозоидов – кроме одного. Это счастье, что столько их идет в отходы, а не то рай был бы изрядно перенаселен.

– Но ведь это же против закона природы, Санчо.

Громко хлопнув, пробка выскочила из бутылки – вино оказалось совсем молодое.

– Меня всегда озадачивал этот закон природы, – сказал Санчо. – Какой закон? Какой природы?

– Это закон, вложенный в нас с рождения. Наша совесть подсказывает нам, когда мы его нарушаем.

– Моя – не подсказывает. Или я этого никогда не замечал. А кто придумал этот закон?

– Бог.

– Ну, да, конечно, так вы и должны были сказать, но разрешите я задам вам вопрос иначе. Кто из людей первый внушил нам, что такой закон существует?

– С самых ранних дней христианства...

– Ладно, ладно, монсеньор. Есть что-нибудь насчет закона природы у апостола Павла?

– Увы, Санчо, не помню – слишком я становлюсь стар, но я уверен...

– Закон природы, отче, как я его понимаю, состоит в том, что кошке от природы присуще желание убить птицу или мышь. Для кошки-то это хорошо, а вот для птицы или мыши – не очень.

– Насмешка – не довод, Санчо.

– О, я не отрицаю, совесть существует, монсеньор. Мне, к примеру, было бы, наверно, какое-то время не по себе, если бы я убил человека без достаточно серьезной причины, но если бы я зачал нежеланного ребенка, то, думаю, мне было бы всю жизнь не по себе.

– Надо полагаться на милосердие божие.

– А бог – он не всегда милосердный, верно ведь, во всяком случае – в Африке или в Индии? И даже в нашей собственной стране, раз есть дети, которые живут в нищете, болеют, чаще всего не имея ни шанса на будущее...

– Зато они могут рассчитывать на вечное блаженство, – сказал отец Кихот.

– О да, а также, следуя учению вашей Церкви, – на вечные муки. Если в силу жизненных обстоятельств человек станет, как вы это называете, на путь зла.

Напоминание об аде замкнуло уста отца Кихота. «Я верю, верю, – прошептал он про себя, – я должен верить», при этом он подумал о том, что апостол Иоанн хранит на этот счет полнейшее молчание, схожее с тишиной, царящей в центре циклона. И не дьявол ли напомнил ему, что у римлян согласно святому Августину был бог по имени Ватикан – «бог детского плача»? Отец Кихот сказал:

– Вы налили себе вина, а мне – нет.

– Давайте же сюда ваш стакан. А у нас не осталось сыра?

Отец Кихот поискал среди объедков.

– Человек все-таки может обуздать свой аппетит, – сказал он.

– По части сыра?

– Нет, нет. Я имел в виду секс.

– Значит, контроль над рождаемостью – это забота природы? Возможно, для вас и для папы римского это так, но для двух людей, которые любят друг друга и живут вместе и которым самим-то почти нечего есть, не говоря уже о том, чтобы кормить малыша с присутствием детей аппетитом...

Это был древний, как мир, спор, и отец Кихот не знал убедительного довода.

– Есть все-таки какие-то естественные способы, – сказал он, как говорил сто раз до того, сознавая лишь свое безграничное невежество.

– Кто же, кроме теологов-моралистов, может назвать их естественными? В каждом месяце есть немало дней, когда можно заниматься любовью, но, оказывается, сначала надо поставить себе термометр и смерить температуру... Это едва ли способствует возникновению желаний.

Отец Кихот тут вспомнил цитату из «Града господня» святого Августина, старой книги, которую он ставил выше всех: «Движение порою не подчиняется воле, а порой, хоть и

жаждешь, – не движется, и мысль распаляется, а тело застыло. Таким чудесным образом похоть подводит человека». Надеяться на это все-таки нельзя.

– Ваш отец Йоне, наверное, сказал бы, что заниматься любовью с женой в период после менструации, когда ничем не рискуешь, – все равно, что мастурбировать.

– Возможно, он так и сказал бы, бедняга.

Бедняга? По крайней мере, святой Августин, подумал отец Кихот, писал о сексе на основе опыта, а не теории: он был и грешником и одновременно святым; он не был теологом-моралистом, – он был поэтом и даже юмористом. Как они смеялись в студенческие годы над одним пассажем из «Града господня»: «Есть такие великие умельцы выпускать газы, что кажется – он не пернул, а пропел». Интересно, что бы подумал об этом отец Йоне? Трудно представить себе теолога-моралиста, сидящего утром на стульчаке.

– Дайте-ка мне еще кусочек сыру, – сказал отец Кихот. – Стойте. Вон снова едет джип.

Джип медленно проехал мимо. Толстый жандарм сидел за рулем, а тощий внимательно смотрел на них, точно был натуралистом, который наблюдает двух редких насекомых и должен хорошенько запомнить, как они выглядят, чтобы потом в точности их описать. Отец Кихот порадовался, что он уже снова в своем воротничке. Он даже немного вытянул ногу, чтобы показать ненавистные пурпурные носки.

– Ветряные мельницы мы одолели, – сказал мэр.

– Какие ветряные мельницы?

– Жандармы-то ведь поворачиваются в зависимости от ветра. Они существовали при генералиссимусе. Существуют они и сейчас. Будут существовать, и если моя партия придет к власти – только вместе с ветром, который подует с востока, повернутся в нужную сторону.

– Что ж, поехали дальше, раз они отбыли?

– Нет еще. Я хочу проверить, не вернутся ли они.

– Какой же нам выбрать маршрут, если вы не хотите, чтобы они ехали за нами в Авилу?

– Мне очень жаль лишать вас удовольствия, какое вы получили бы, лицезрея безымянный палец святой Терезы, но я думаю, лучше нам ехать в Сеговию. Завтра мы посетим в Саламанке еще более святое место, чем то, где вы молились сегодня.

В воздухе появились первые признаки вечернего холодка. Неугомонный мэр прошелся по шоссе и обратно – жандармов и след простыл.

– Вы никогда не любили, отче? – спросил он.

– Никогда. Во всяком случае, в том смысле, как вы это понимаете.

– И вас никогда не тянуло?..

– Никогда.

– Странно и не по-человечески это.

– Ничего тут нет странного и нечеловеческого, – возразил отец Кихот. – Я, как и многие другие, был защищен от соблазна. Это все равно как табу кровосмешения. Мало кого тянет нарушить его.

– Это верно, но ведь существует столько альтернатив кровосмешению. К примеру, сестра друга.

– У меня была своя альтернатива.

– Кто же это?

– Девушка, которую звали Мартен.

– Это была ваша Дульсинея?

– Да, если угодно, но жила она очень далеко от Эль-Тобосо. Однако письма ее все равно до меня доходили. Они служили мне великим утешением, когда у меня возникали трудности с епископом. Она написала однажды – я думаю об этом почти ежедневно: «Не дождавшись смерти от меча, умрем от булавочных уколов».

– Ваш предок предпочел бы смерть от меча.

– А умер он, пожалуй, от булавочных уколов.

– Судя по имени, эта девушка. Мартен, была не испанка?

– Нет, нормандка. Не поймите меня превратно. Она умерла за много лет до того, как я о ней узнал и полюбил ее. Возможно, вы о ней слышали – только под другим именем. Она жила в Лизье [сестра Тереза Мартен (1873-1897) – монахиня-кармелитка, канонизированная в святые в 1925 г.]. У кармелиток там было особое призвание – молиться за священников. Я надеюсь... я думаю... она молится и за меня.

– О, так это вы говорили о святой Терезе: меня сбило с толку имя «Мартен».

– Я рад, что есть коммунист, который слышал о ней.

– Вы же знаете, я не всегда был коммунистом.

– Ну, так или иначе, настоящий коммунист – это, пожалуй, что-то вроде священника, и в таком случае святая Тереза, несомненно, молится и за вас.

– Что-то стало холодно тут. Давайте трогаться.

Некоторое время они ехали молча назад, по шоссе, которое привело их сюда. Джипа нигде не было видно. Они проехали поворот на Авилу и, следуя указателю, направились дальше в Сеговию. Наконец мэр сказал:

– Так вот, значит, какая у вас была любовь, отче. А у меня все было немного по-другому, только женщина, которую я любил, тоже умерла, как и ваша.

– Упокой, господи, ее душу, – сказал отец Кихот. Он произнес это машинально, а про себя в наступившем между ними молчании воззвал к душам в чистилище: «Вы ближе меня находитесь к господу. Помолитесь за нас обоих».

Впереди возник большой акведук, построенный римлянами в Сеговии, – в косых лучах вечернего солнца от него по земле тянулась длинная тень.

Они нашли пристанище в маленькой *albergue*, недалеко от церкви святого Мартина – почти то же имя, под каким святая Тереза всегда существовала в мыслях отца Кихота. Так она казалась ему ближе, чем в одеждах святой или под сентиментальным прозвищем – Цветочек. В своих молитвах он даже называл ее порой «сеньорита Мартен», словно фамилия могла скорее достичь ее слуха, прорвавшись сквозь тысячи заклинаний на всех языках,

обращенных к ее гипсовой статуе при свете свечей.

Друзья изрядно выпили, пока сидели на обочине, и ни тому, ни другому уже неохота было искать ресторан. Им казалось, будто обе покойницы ехали с ними последние несколько километров. Отец Кихот обрадовался, узнав, что у него будет отдельная комната, пусть совсем крошечная. Ему казалось, что он пересек уже всю Испанию, хотя он знал, что на самом деле отъехал не более, чем на двести километров от Ламанчи. «Росинант» передвигался так медленно, что о расстоянии вообще судить было нельзя. Что ж, ведь и его предок в своих странствиях не отъезжал от Ламанчи дальше Барселоны, и однако же всякому, кто читал подлинную его историю, казалось, что Дон Кихот проехал по всему обширному пространству Испании. В неспешности были свои достоинства, которые мы теперь утратили. Для настоящего путешественника «Росинант» куда ценнее реактивного самолета. Реактивные самолеты – они для дельцов.

Прежде чем отойти ко сну, отец Кихот решил немного почитать, потому что все никак не мог отделаться от воспоминаний о своем сне. Он по обыкновению раскрыл наугад святого Франциска Сальского. Еще до рождения Иисуса Христа люди прибегали к sortes Virgilianae [определение судьбы по Вергилию (лат.)] как к своеобразному гороскопу, отец же Кихот больше доверял святому Франциску, чем Вергилию, этому несколько вторичному поэту. То, что он обнаружил в «Любви к Господу», несколько удивило его, но в то же время и приободрило. «Размышления и решения полезно прерывать беседами, обращаясь то к господу нашему, то к ангелам, то к святым, то к себе самому, к своей душе, а то к грешникам и даже к неодушевленным созданиям...» Отец Кихот, подумав о «Росинанте», сказал:

– Прости меня. Слишком я тебя загнал, – и погрузился в глубокий, без сновидений, сон.

ГЛАВА VI

О том, как монсеньор Кихот и Санчо посетили еще одно святое место

– Я рад, – сказал мэр, когда они выехали на дорогу, ведущую к Саламанке, – что вы наконец согласились надеть свой спюнявчик – как вы его называете?

– Pechera.

– Я боялся, как бы нам не оказаться в тюрьме, проведи эти жандармы проверку в Авиле.

– Почему? За что?

– Причина не имеет значения, важен сам факт. Во время гражданской войны мне пришлось познакомиться с тюрьмами. Так вот в тюрьме, знаете ли, всегда живешь в напряжении. Друзья отправлялись туда – и больше уже не возвращались.

– Но теперь-то... теперь же нет войны. Стало куда лучше.

– Да. Пожалуй. Правда, в Испании почему-то лучшие люди всегда хоть немного сидели в тюрьме. Возможно, мы никогда бы и не услышали о вашем великом предке, если бы Сервантес не оказался там, причем не однажды. Тюрьма дает человеку больше возможности думать, чем даже монастырь, где беднягам приходится вставать в самые непотребные часы на молитву. А в тюрьме меня никогда не будили раньше шести и вечером свет выключали обычно в девять. Конечно, допросы – штука довольно мучительная, но их вели в разумное

время. Случая не было, чтобы в часы сиесты. Важно помнить, монсеньор, что, в противоположность настоятелю, следователь хочет спать в привычные часы.

В Аревало на стенах еще висели клочья афиш бродячего цирка. На них мужчина в трико демонстрировал непомерно могучие бицепсы и ляжки. Звали его Тигр или Великий борец Пиренеев.

– Как мало меняется Испания, – произнес мэр. – Во Франции вам никогда не покажется, что вы вдруг очутились в мире Расина или Мольера, а в Лондоне – что вы недалеко ушли от времен Шекспира. Только в Испании и в России время словно остановилось. Вот увидите, отче, у нас по дороге тоже будут приключения – в духе вашего предка. Мы уже сразились с ветряными мельницами и опоздали всего на неделю-другую встретиться с Тигром. Брось вы ему вызов, он наверняка оказался бы таким же ручным, как лев, с которым хотел схватиться ваш предок.

– Но я же не Дон Кихот, Санчо. Я бы побоялся бросать вызов человеку таких размеров.

– Вы недооцениваете себя, отче. Ваша вера – это ваше копьё. Если бы Тигр посмел сказать что-то непочтительное о вашей возлюбленной Дульсинеи...

– Но вы же знаете, у меня нет Дульсинеи, Санчо.

– Я имел в виду, конечно, сеньориту Мартен.

Они проехали мимо другой афиши, на которой была изображена татуированная женщина, почти такая же огромная, как Тигр.

– В Испании всегда обожали уродов, – сказал Санчо и хохотнул, издав свой странный лающий смешок. – Вот что бы вы стали делать, отче, если бы при вас родился урод о двух головах?

– Я бы окрестил его, конечно. Что за нелепый вопрос!

– А ведь вы были бы не правы, монсеньор. вспомните, я же читал отца Герберта Йоне. А он учит, что если ты сомневаешься, сколько перед тобой уродов – один или два, то надо принять золотую середину и одну голову безоговорочно окрестить, а другую – с оговоркой.

– Право же, Санчо, я не могу отвечать за отца Йоне. Вы, похоже, читали его куда внимательнее, чем я.

– А в случае трудных родов, отче, если сначала появляется не головка, а другая часть младенца, вы должны окрестить эту часть, так что если появляется сначала та часть, на которую натягивают брюки...

– Обещаю вам, Санчо, сегодня же вечером возьмусь за изучение Маркса и Ленина, если вы оставите отца Йоне в покое.

– Тогда начните с Маркса и «Коммунистического манифеста». «Манифест» – он совсем коротенький, да и Маркс лучше пишет, чем Ленин.

Они переехали через реку Тормес и вскоре после полудня вступили в древний серый город Саламанку. Отец Кихот все еще понятия не имел о цели их паломничества, но он был счастлив в своем неведении. Саламанка – университетский город, где он юношей мечтал учиться. Здесь он сможет посетить ту самую аудиторию, где великий Хуан де ла Крус слушал лекции монаха-теолога Луиса де Леон, а Луис вполне мог знать предка отца Кихота, если тот в своих странствиях добирался до Саламанки. Оглядев высокие чугунные ворота, ведущие в университет, на которых изображен папа в окружении своих кардиналов, а в медальонах –

головы всех католических королей, среди которых даже Венере и Геркулесу нашлось место, не говоря уже о крошечной лягушке, – отец Кихот пробормотал молитву. Лягушку ему показали двое детишек, которые тут же потребовали за это вознаграждение.

– Что вы сказали, отче?

– Это святой город, Санчо.

– Здесь вы чувствуете себя как дома, да? В здешней библиотеке находятся все ваши рыцарские романы в первом издании – стоят и потихоньку рассыпаются в своих переплетах из телячьей кожи. Сомневаюсь, чтобы нашелся такой студент, который снял бы хоть один с полки, чтобы сдуть с него пыль.

– Какой вы счастливый, Санчо, что вы здесь учились.

– Счастливый? Я в этом не уверен. Я чувствую себя здесь сейчас изгоем. Возможно, лучше было бы нам отправиться на восток, в направлении того отчего дома, которого я никогда не знал. В будущее, а не в прошлое. Не в тот дом, из которого я ушел.

– Через эти самые ворота вы входили, когда шли на лекции. Я пытаюсь представить себе юного Санчо...

– Но это не были лекции отца Йоне.

– А был хоть один профессор, которого вы готовы были слушать?

– О, да. В ту пору я еще наполовину верил. Человека, слепо верящего, я бы не мог долго слушать, но был там один профессор, который тоже верил лишь наполовину, и вот его лекции я слушал два года. Возможно, я бы дольше продержался в Саламанке при нем, но он отправился в изгнание – снова, как за несколько лет до того. Он не был коммунистом; сомневаюсь, чтобы от был социалистом, но он просто на дух не выносил генералиссимуса. Так что посмотрим теперь, что от него осталось.

На крошечной площади, над складками темно-зеленого, почти черного камня, возвышалась голова с острой бородкой, вызывающе задранная вверх, к ставням маленького домика.

– Тут он умер, – пояснил Санчо, – вон в той комнате наверху – сидел с другом у жаровни и грелся. Друг неожиданно заметил, что одна из ночных туфель Унамуно [Мигель де Унамуно (1864-1936) – испанский писатель и философ-богоискатель] тлеет, а он даже не шевельнется. На деревянном полу до сих пор осталась опалина от сгоревшей туфли.

– Унамуно... – повторил отец Кихот и с уважением посмотрел на вырезанное из камня лицо, глаза под тяжелыми веками, говорящие о напряженности и дерзости мысли.

– Вы знаете, как он любил вашего предка и изучал его жизнь. Живи Унамуно в те дни, он бы, пожалуй, поехал за Дон Кихотом на муле и звали бы его Пегач, а не Санчо [подлинная фамилия Санчо Пансы – Санкас, что значит по-испански «тонкие ноги»]. Многие священники вздохнули с облегчением, когда услышали о его смерти. Наверно, даже папе римскому стало без него легче. И Франко, конечно, тоже, если у него хватало ума признавать, что существуют сильные враги. В известной мере Унамуно был и мне врагом – ведь своей полуверой, которую я какое-то время разделял, он несколько лет продержал меня в лоне Церкви.

– Ну а теперь вы верите без оговорок, да? В пророка Маркса. Вам уже не нужно самому думать, Исайя сказал – и все. Вы – в руках истории, которая творит будущее. Какой же вы, должно быть, счастливый человек, что верите без оговорок. Вам будет только одного не хватать – достоинства отчаяния. – Отец Кихот произнес это с необычной для него злостью – а может быть, подумал он, с завистью?

– Верю ли я без оговорок? – повторил Санчо. – Иногда я в этом не уверен. Призрак моего профессора не оставляет меня в покое. Мне иногда видится, как я сижу на его лекции и он читает нам из какой-нибудь своей книги. Я слышу, как он говорит: «Тихий голос, голос сомнения, звучит в ушах верующего. Кто знает? Без такого сомнения могли бы мы жить?»

– Он так написал?

– Да.

Они вернулись к «Росинанту».

– Куда мы теперь поедем, Санчо?

– Поедем на кладбище. Вы увидите, что могила Унамуну изрядно отличается от могилы генералиссимуса.

Дорога к кладбищу, находящемуся на самом краю города, была скверной – нелегко тут ехать катафалку. Покойника, подумал отец Кихот, слыша, как стонет «Росинант» при переключении скоростей, изрядно поболтало бы, прежде чем он достиг места упокоения, но, как вскоре выяснилось, места для упокоения новому пришельцу не осталось: вся земля была занята горделивыми надгробиями предшествующих поколений. У ворот им дали номерок – совсем как в гардеробе музея или ресторана, и они пошли вдоль длинной белой стены с нишами для урн, пока не достигли ниши номер 340.

– И все-таки я предпочитаю это пещере генералиссимуса, – заметил Санчо. – Одному лучше спится в маленькой постели.

По дороге назад, к выходу, Санчо спросил:

– А вы прочитали молитву?

– Конечно.

– Ту же, что и за генералиссимуса?

– Есть только одна молитва по умершим, кем бы они ни были.

– Такую же вы прочитали бы и по Сталину?

– Конечно.

– И по Гитлеру?

– Есть разные, Санчо, степени зла, как и добра. Мы можем с разбором относиться к живым, но не можем проводить такой грани между умершими. Они все нуждаются в нашей молитве.

ГЛАВА

VII Как монсеньор Кихот продолжал в Саламанке изучать жизнь

Гостиница, в которой они остановились в Саламанке, находилась на маленькой неприметной боковой улочке. Она показалась отцу Кихоту спокойной и приветливой. Его знакомство с

отелями было, естественно, ограничено, но некоторые вещи в этой гостинице ему особенно понравились, и он сказал об этом Санчо, когда они были одни в его номере на первом этаже и отец Кихот сидел на кровати Санчо. Самого отца Кихота поместили на третьем этаже, «где потише», как сказала ему хозяйка.

– Patrona [хозяйка (исп.)] была по-настоящему рада нам, – заметил отец Кихот, – не то что эта бедная старуха в Мадриде, и какой большой штат для такой маленькой гостиницы – столько прелестных молодых женщин.

– В университетском городке, – пояснил Санчо, – всегда много приезжих.

– И заведение такое чистенькое. Когда мы поднимались на третий этаж, вы заметили, что возле каждой комнаты лежит кипа свежего белья? Они, должно быть, меняют белье каждый вечер после сиесты. Мне понравилась и эта их поистине семейная атмосфера: когда мы приехали, вся прислуга сидела за ужином, а patrona во главе стола разливала суп. Право же, точно мать с дочерьми.

– Она была прямо потрясена, когда увидела монсеньера.

– А вы заметили, что она забыла дать нам заполнить ficha? Все ее мысли были о том, как бы поудобнее нас устроить. Меня это очень тронуло.

В дверь постучали. Вошла девушка с бутылкой шампанского в ведерке, наполненном льдом. Она нервно улыбнулась отцу Кихоту и поспешно вышла из комнаты.

– Это вы заказали, Санчо?

– Нет, нет. Я не слишком благоволю к шампанскому. Но так уж заведено в этом доме.

– Может быть, нам следует выпить немного, чтобы показать, что мы оценили их любезность.

– О, они все равно включают это в счет. Как и свою любезность.

– Не будьте циником, Санчо. И девушка так мило нам улыбнулась. Это улыбка не за деньги.

– Ну, если хотите, я откупорю бутылку. Шампанское, конечно, не сравнить с нашим ламанчским вином.

И Санчо, повернувшись спиной к отцу Кихоту, чтобы не выстрелить в него пробкой, вступил с ней в долгую борьбу. А отец Кихот, воспользовавшись этим, принялся обследовать комнату.

– Какая прекрасная идея! – воскликнул он. – У них тут ванна для ног.

– Какая ванна для ног? Вот чертова пробка – не желает вылезать.

– Я вижу, у вас на постели лежит книжечка Маркса. Можно я возьму ее почитать перед сном?

– Конечно. Это «Коммунистический манифест» – я как раз советовал вам взять эту книжку. Ее куда легче читать, чем «Капитал». Они, видно, не хотели, чтоб мы пили это шампанское. Чертова пробка не желает вылезать. Но денежки с нас они все равно за него возьмут.

Отца Кихота всегда интересовали детали. В исповедальне его так и подмывало задавать излишние и даже не имеющие отношения к исповеди вопросы. Вот и сейчас он не удержался и вскрыл квадратный конвертик, лежавший на ночном столике Санчо, – ему вспомнилось детство и записочки, которые иной раз оставляла у его постели мать, чтобы он прочел перед сном.

Раздался взрыв, пробка ударила в стену, и струя шампанского пролетела мимо бокала.

Санчо выругался и обернулся.

– Чем это вы там занялись, отче?

А отец Кихот надувал этакую прозрачную сосиску. Он вынул ее изо рта и зажал конец пальцами.

– Как же тут удерживают воздух? – спросил он. – Наверняка должен быть какой-то зажим. – Он снова принялся надувать, и оболочка лопнула, правда, с меньшим треском, чем вылетевшая из бутылки пробка. – О, господи, извините меня, Санчо, я вовсе не хотел испортить ваш воздушный шарик. Вы купили его в подарок какому-нибудь ребенку?

– Нет, отче, девушке, которая принесла нам шампанское. Не волнуйтесь. У меня есть несколько штук в запасе. – И не без злости добавил: – Да неужели вы никогда не видели презервативов? Нет, должно быть, не видели.

– Ничего не понимаю. Это – презерватив? Но почему он такого размера?

– Он не был бы такого размера, если б вы его не надули.

Отец Кихот тяжело опустился на кровать Санчо. И спросил:

– Куда вы привезли меня, Санчо?

– В дом, где я бывал студентом. Просто удивительно, как живучи подобного рода заведения. Они куда устойчивее диктатур, и никакая война им нипочем – даже гражданская.

– Вы не должны были привозить меня сюда. Священнику...

– Не волнуйтесь. Вам никто не будет здесь докучать. Я все объяснил хозяйке. Она понимает.

– Но почему, Санчо, почему?

– Я подумал, что лучше нам не заполнять гостиничных fícha – по крайней мере сегодня вечером. А то ведь эти жандармы...

– Значит, мы прячемся в публичном доме?

– Да. Можно и так сказать.

Со стороны кровати послышался крайне неожиданный звук. Звук сдавленного смеха.

Санчо сказал:

– По-моему, я еще ни разу не слышал, чтоб вы смеялись. Что это вас так позабавило?

– Извините. Это очень нехорошо с моей стороны – смеяться. Но я просто подумал: что сказал бы мой епископ, если б узнал? Монсеньор – в публичном доме! Ну, а почему, собственно, нет? Христос общался же с мытарями и с грешниками. И все же лучше мне, пожалуй, подняться к себе и запереть дверь. А вы – будьте осторожны, дорогой Санчо, будьте осторожны.

– Для того они и существуют, эти штуки, которые вы называли воздушными шариками. Для предосторожности. Отец Йоне, наверное, сказал бы, что я не только прелюбодействую, но еще и занимаюсь онанизмом.

– Пожалуйста, не говорите мне, Санчо, никогда не говорите мне о подобных вещах. Это все настолько личное – надо хранить это про себя, кроме, конечно, тех случаев, когда вы хотите

исповедаться.

– А какую епитимью вы наложили бы на меня, отче, если бы я пришел к вам утром на исповедь?

– Как ни странно, но мне очень мало приходилось сталкиваться с такими вещами в Эль-Тобосо! Люди, наверно, боятся рассказывать мне о чем-то серьезном, потому что каждый день встречают меня на улице. Вы знаете – хотя вы этого, конечно, не знаете, – я терпеть не могу помидоры. И вот представим себе, что отец Герберт Йоне написал бы, что есть помидоры – смертный грех, а ко мне в церковь приходит старушка, которая живет рядом, и признается на исповеди, что съела помидор. Какую епитимью я на нее наложу? Коль скоро сам я помидоров не ем, то не могу и представить себе, какое это для нее лишение – не есть помидоров. Конечно, было бы нарушено правило... правило... от этого никуда не уйдешь.

– А вы уходите от ответа на мой вопрос, отче: так какую же все-таки епитимью?..

– Наверное, прочесть один раз «Отче наш» и один раз «Богородице, дево, радуйся».

– Всего один раз?

– Если как следует прочесть молитву один раз, это все равно, что бездумно отбарабанить ее сто раз. Количество не имеет значения, мы ведь не лавочники. – И он тяжело поднялся с кровати.

– Куда вы, отче?

– Почитать пророка Маркса, пока не засну. Хотелось бы мне пожелать вам спокойной ночи, Санчо, но я сомневаюсь, будет ли ваша ночь спокойной в моем понимании.

ГЛАВА VIII

О любопытной встрече, которая произошла у монсеньера Кихота в Вальядолиде

Санчо был в наимрачнейшем настроении – это уж точно. Он не пожелал даже сказать, по какой дороге им ехать из Саламанки. Такое было впечатление, будто долгая ночь, проведенная в доме, где он бывал в юности, лишь породила в нем злость: всегда ведь опасно в зрелые годы пытаться воссоздать пережитое в юности. А возможно, у него вызвало такое раздражение необычно хорошее настроение отца Кихота. Поскольку никаких особых причин избрать иное направление не было, отец Кихот предложил поехать в Вальядолид, чтобы посмотреть на дом, где великий биограф Сервантес завершил жизнеописание его предка.

– Если только вы не считаете, – нерешительно добавил он, – что мы можем наткнуться на ветряные мельницы и на этой дороге?

– Они заняты более важными предметами, чем мы с вами.

– Какими же?

– А вы не читали сегодняшней газеты? В Мадриде застрелили генерала.

– Кто же это сделал?

– В старые времена все взвалили бы на коммунистов. Нынче, слава богу, под рукой всегда есть баски и ЭТА [баскская террористическая организация].

– Упокой, господи, его душу, – произнес отец Кихот.

– Могли бы не жалеть генерала.

– Я его и не жалею. Я никогда не жалею умерших. Я им завидую.

Настроение у Санчо не улучшалось. На протяжении ближайших двадцати километров он один только раз раскрыл рот, да и то чтобы напустить на отца Кихота.

– Что это вы молчите и не выкладываете ваших мыслей?

– О чем?

– О прошлой ночи, конечно.

– О, я расскажу вам о прошлой ночи за обедом. Мне очень понравилась эта книга Маркса, которую вы мне дали почитать. В душе он был по-настоящему хорошим человеком, верно? Некоторые вещи меня просто поразили. Никаких скучных выкладок.

– Я говорю не о Марксе. Я говорю о себе.

– О себе? Надеюсь, вы хорошо спали?

– Вы же прекрасно знаете, что я не спал.

– Милый Санчо, только не говорите мне, что вы всю ночь пролежали без сна!

– Ну, не всю ночь, конечно. Но большую ее часть. Вы-то ведь знаете, чем я занимался.

–

Знать я ничего не знаю.

– Я же достаточно ясно вам сказал. До того, как вы отправились спать.

– Ах, Санчо, я привык забывать, что мне говорят.

– Это же была не исповедь.

– Нет, но когда ты священник, легче относиться ко всему, что тебе говорят, как к исповеди. Я никогда не повторяю того, что мне кто-то сказал, – даже, по возможности, про себя.

Санчо что-то буркнул и замолчал. Отцу Кихоту показалось, что его спутник несколько разочарован, и он почувствовал себя немного виноватым.

Когда они уселись в ресторане «Валенсия» неподалеку от Главной площади, в маленьком внутреннем дворике за баром и отец Кихот глотнул белого вина, настроение у него стало понемногу улучшаться. Он получил большое удовольствие от посещения дома Сервантеса, куда они прежде всего отправились и что обошлось им по пятьдесят песет каждому (интересно, подумал отец Кихот, не впустили бы его бесплатно, если бы он назвал свое имя кассирше). В доме стояла мебель, часть которой действительно принадлежала Сервантесу; письмо королю по поводу налога на масло, написанное его рукой, висело на побеленной стене, и отец Кихот живо представил себе эту стену, забрызганную кровью, в ту страшную ночь, когда в дом внесли окровавленного дона Гаспара де Эспелата и Сервантеса арестовали по ложному подозрению как соучастника в убийстве.

– Его, конечно, выпустили на поруки, – сообщил отец Кихот Санчо, – но представьте себе, каково ему было продолжать жизнеописание моего предка под бременем такой угрозы. Я иной раз думаю, не о той ли ночи он вспоминал, описывая, как

ваш предок, став губернатором острова, велел отправить одного парня на ночь в тюрьму, и парень заявил: «Как ни велика власть вашей милости, а все-таки вы не заставите меня спать в тюрьме» [Сервантес, «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», ч.2, гл.49, пер. Н.Любимова]. Возможно, именно так сказал и старик Сервантес судье. «Предположим, вы велите заточить меня в тюрьму, и заковать в цепи, и бросить в камеру, и все равно, если я не захочу спать, не в вашей власти заставить меня».

– Сегодня жандармы знали бы, как на это ответить, – сказал Санчо. – Они одним ударом живо уложат тебя спать. – И мрачно добавил: – Я бы не возражал сейчас поспать.

– Но ваш предок, Санчо, был добрый человек, и он отпустил парня. Так же и судья поступил с Сервантесом.

И тут во внутреннем дворике, где солнце золотило белое вино в бокалах, мысли отца Кихота вернулись к Марксу. Он сказал: – А знаете, я думаю, мой предок вполне поладил бы с Марксом. Бедняга Маркс, у него ведь тоже были свои рыцарские книги, принадлежавшие прошлому.

– Маркс смотрел в будущее.

– Да, но он все время оплакивал прошлое – воображаемое прошлое. Послушайте вот это место, Санчо. – И отец Кихот достал из кармана «Манифест Коммунистической партии». – «Буржуазия разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения... В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма...» [Маркс К., Энгельс Ф., «Манифест Коммунистической партии», I]. Неужели вам не слышится голос моего предка; оплакивающего навсегда утраченные времена? Мальчиком я наизусть выучил его слова и до сих пор помню их, хотя, может быть, и не совсем точно. «Между тем в наше время леность торжествует над рвением, праздность над трудолюбием, порок над добродетелью, наглость над храбростью и мудрствования над военным искусством, которое безраздельно царило и процветало в золотом веке странствующих рыцарей... Амадиса Гальского... Палмерина Английского... Роланда...» [Сервантес, «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», ч.2, гл.1, пер. Н.Любимова]. А теперь послушайте еще один отрывок из «Коммунистического манифеста» – вы не сможете отрицать, что Маркс был самым настоящим последователем моего предка: «Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются; все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть» [Маркс К., Энгельс Ф., «Манифест Коммунистической партии», I]. Он был настоящим пророком, Санчо. Он даже предвидел появление Сталина: «Все сословное и устоявшееся исчезает, все священное оскверняется...» [Маркс К., Энгельс Ф., «Манифест Коммунистической партии», I].

Какой-то человек, обедавший в одиночестве на том же дворике, застыл, не донеся вилки до рта. Но как только Санчо взглянул на него через разделявшее их пространство, он пригнул к тарелке голову и принялся поспешно есть. Санчо сказал:

– Не читали бы вы так громко, отче. Возглашаете, точно в церкви.

– Немало написано мудрых истин не только в Библии или у святых отцов. И эти слова Маркса требуют того, чтобы их громко возглашать... «Священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма»...

– Франко, конечно, умер, отче, но все равно, пожалуйста, будьте хоть немного

осмотрительнее. Тот человек прислушивается к каждому вашему слову.

– Подобно всем пророкам, Маркс безусловно допускает ошибки. Даже апостол Павел склонен был ошибаться.

– Не нравится мне портфель этого человека. Такой обычно носят служивые. А я чую полицейского за тридцать метров.

– Позвольте я приведу вам то место, которое я считаю самой крупной ошибкой Маркса. Все его дальнейшие ошибки пошли отсюда.

– Ради всего святого, отче, если уж вам так необходимо это прочесть, – читайте хотя бы тихо.

И отец Кихот, чтобы потрафить мэру, заговорил чуть ли не шепотом. Санчо пришлось пригнуться к нему, чтобы расслышать, – вид у них был определенно как у заговорщиков.

– «У пролетария нет собственности; его отношение к жене и детям не имеет более ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала... стерли с него всякий национальный характер» [Маркс К., Энгельс Ф., «Манифест Коммунистической партии», I]. Возможно, так оно и было, когда он об этом писал, Санчо, но с тех пор мир пошел по совсем другому пути. А послушайте вот это: «Современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится паупером...» [Маркс К., Энгельс Ф., «Манифест Коммунистической партии», I]. Знаете, несколько лет тому назад я отправился отдохнуть с одним другом-священником... звали его... о, господи, до чего же забываются имена после одного-двух бокалов. У него был приход в Коста-Брава (в ту пору «Росинант» был еще совсем молоденький), и я там видел английских пауперов – как их именует Маркс, – которые жарились на солнце на местных пляжах. Ну а если говорить о стирании национального характера, так они заставили местных жителей открыть лавочки, где торгуют рыбой с жареной картошкой, иначе они перебрались бы в другие места – может быть, во Францию или в Португалию.

– Ах, англичане, – протянул Санчо, – об англичанах нечего и говорить – у них во всем свои правила, даже в экономике. Русский пролетариат тоже теперь пауперами не назовешь. Мир многому научился у Маркса и у России. Русский пролетариат отдыхает бесплатно в Крыму. А там не хуже, чем в Коста-Брава.

– Пролетарии, которых я видел в Коста-Брава, сами платили за свой отдых. Сегодня пауперов можно найти только в «третьем мире», Санчо. Но это не потому, что победил коммунизм. Не кажется ли вам, что так было бы и без победы коммунизма? Да ведь этот процесс уже начинался, когда Маркс писал свои труды, только он этого не заметил. Потому коммунизм и распространяют насильно, применяя силу не только против буржуазии, но и против пролетариата. Гуманизм, а не коммунизм, превратили паупера в буржуа, а за гуманизмом всегда стоит тень религии – христианской религии, как и Марксовой. Сегодня мы все буржуа. И не говорите мне, что Брежнев не такой же буржуа, как вы и я. Разве так уж будет плохо, если в мире все станут буржуа – кроме таких мечтателей, как Маркс и мой предок?

– Послушать вас, отче, так мир будущего похож на страну Утопию.

– О, нет, гуманизм и религия не покончили ни с национализмом, ни с империализмом. А именно они возбуждают войны. Войны объясняются ведь не только экономическими причинами – их порождают человеческие страсти, например, любовь; они происходят из-за того, что не нравится чей-то цвет кожи или чей-то акцент. Иногда из-за того, что у кого-то остались неприятные воспоминания. Вот почему я рад, что у меня короткая память

священника.

– Вот уж никогда не думал, что вы занимались политикой.

– Не «занимался». Но мы с вами давно дружим, Санчо, и я хочу вас понять. «Капитал» всегда отпугивал меня. А эта книжица – другое дело. Она написана хорошим человеком. Таким же хорошим, как и вы... и тоже заблуждавшимся.

– Время покажет.

– Время никогда ничего не показывает. Слишком коротка наша жизнь.

Мужчина с портфелем положил на тарелку нож с вилкой и знаком попросил у официанта счет. Когда счет принесли, он быстро расплатился, даже не проверив его.

– Ну вот, – сказал отец Кихот, – теперь вам, Санчо, будет легче дышаться: этот человек ушел.

– Будем надеяться, что он не вернется и не приведет сюда полицию. Очень он внимательно смотрел на ваш нагрудник, когда уходил.

Отец Кихот решил, что можно уже не шептаться и говорить свободнее.

– Наверное, потому, что я много читал святого Франциска Сальского и Хуана де ла Крус, – сказал он, – я, конечно, нахожу восхищение буржуазией, которое порою встречается у бедняги Маркса, несколько противоестественным.

– Восхищение буржуазией? Что вы этим, черт побери, хотите сказать?

– Экономист, конечно, не может не смотреть на все с чисто материалистической точки зрения, а я, признаюсь, уделяю, пожалуй, слишком много внимания духовному.

– Но Маркс ненавидел буржуазию.

– О, мы же знаем, что ненависть бывает очень часто оборотной стороной любви. Возможно, беднягу отринули те, кого он любил. Вот послушайте, Санчо: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения...» [Маркс К., Энгельс Ф., «Манифест Коммунистической партии», I]. Ведь после такого можно чуть ли не возгордиться, что ты буржуа, верно? Какой бы великолепный губернатор колонии вышел из Маркса! Будь у Испании такой человек, возможно, мы не потеряли бы нашей империи. А бедняге приходилось ютиться в тесной квартире в бедной части Лондона и занимать деньги у друзей.

– Вы смотрите на Маркса со странной точки зрения, отче.

– Я относился к нему предвзято, хотя он и защищал монастыри, но я до сих пор не читал этой книжицы. А при первом чтении все воспринимается по-особому, как и при первой любви. Хотелось бы мне сейчас случайно напасть на писание апостола Павла и впервые его прочесть. Почему бы вам, Санчо, не проделать такой опыт с одной из моих, как вы их называете, «рыцарских книг».

– Мне ваш вкус показался бы столь же нелепым, как вкус вашего предка показался Сервантесу.

Несмотря на препирательства, это была все-таки дружеская трапеза, и после второй бутылки вина они договорились ехать дальше на Леон и уж потом решать – быть может, даже бросив монетку, – ехать ли на восток к баскам или же на запад – в Галисию. Они под руку вышли из «Валенсии» и направились к тому месту, где оставили «Росинанта»; внезапно отец Кихот почувствовал, как Санчо сжал ему локоть.

– В чем дело, Санчо?

– Да тот агент тайной полиции. Он идет за нами. Ничего не говорите. Сворачиваем в первую же улицу.

– Но «Росинант»-то ведь стоит на этой улице.

– Этот тип явно хочет записать номер нашей машины.

– Но откуда вы знаете, что он из тайной полиции?

– Я сужу по портфелю, – сказал Санчо. И оказался прав: сворачивая в первую же улицу, отец Кихот обернулся и увидел, что человек по-прежнему идет следом, таща в руке грозный опознавательный знак своей профессии.

– Не оборачивайтесь больше, – сказал Санчо. – Пусть думает, что мы его не заметили.

– Как же нам от него уйти?

– Увидим бар, зайдём и закажем выпить. Он останется у входа. А мы выйдем через заднюю дверь и будем далеко, пока он разберется. За это время кратчайшим путем доберемся до «Росинанта».

– А что если там не будет задней двери?

– Тогда придется зайти в другой бар.

Задней двери в баре не оказалось. Санчо выпил рюмочку коньяку, а отец Кихот из осторожности взял кофе. Когда они вышли, человек по-прежнему торчал на улице ярдах в двадцати от входа и рассматривал витрину.

– Уж слишком он заметен для агента тайной полиции, – сказал отец Кихот, когда они зашагали по улице в поисках другого бара.

– А это один из их трюков, – сказал Санчо. – Он хочет, чтобы мы стали нервничать. – Он привел отца Кихота во второй бар и заказал вторую рюмку коньяку.

– Если я выпью еще кофе, я сегодня не засну, – сказал отец Кихот.

– Выпейте тоника.

– А что это такое?

– Нечто вроде минеральной воды с добавкой хинина.

– Без алкоголя?

– Без, без. – Коньяк привел Санчо в воинственное настроение. – Как бы мне хотелось отколошматить этого малого, да только он, наверное, вооружен.

– Вода эта – тоник – в самом деле чудесная, – сказал отец Кихот. – Почему я никогда раньше ее не пил? Я почти готов отказаться от вина. Вы думаете, ее можно купить в Эль-Тобосо?

– Не знаю. Сомневаюсь. Если пушка у него в портфеле, я, пожалуй, мог бы сбить его с ног, прежде чем он ее вытащит.

– Знаете... я, пожалуй, выпью еще бутылочку.

– А я пойду поищу заднюю дверь, – сказал Санчо, и отец Кихот остался в баре один. Был час сиесты, и вентилятор, крутившийся под потолком, неспособен был охладить помещение – вас регулярно обдавало холодным воздухом, а потом по контрасту наступала еще большая жара, Отец Кихот осушил свой стакан с тоником и поспешил заказать третью бутылочку, чтобы успеть выпить ее до возвращения Санчо.

Голос позади него прошептал:

– Монсеньор!

Отец Кихот обернулся. Перед ним был человек с портфелем, маленький сухонький человечек в черном костюме и таком же черном, как портфель, галстуке. У него были черные глазки, пронзительно глядевшие сквозь очки в стальной оправе, и тонкие поджатые губы; он вполне мог бы сойти, подумал отец Кихот, за гонца, принесшего дурные вести, даже, пожалуй, за самого Великого Инквизитора, Хоть бы Санчо поскорее вернулся...

– Что вам угодно? – спросил отец Кихот, как он надеялся, властным, вызывающим тоном, но выпитый тоник подвел его, и он икнул.

– Я хочу поговорить с вами наедине.

– Так я и есть один.

Человек мотнул головой в сторону спины бармена. Он сказал:

– Это серьезно. Я не могу с вами здесь говорить. Пожалуйста, выйдемте туда, через заднюю дверь.

Но задних дверей оказалось две – хоть бы знать, в какую из них прошел Санчо.

– Направо, – подсказал ему человек. Отец Кихот повиновался. За дверью был небольшой коридорчик и две другие двери. – Вот сюда. В первую дверь.

Отец Кихот оказался в уборной. Взглянув в зеркало над раковиной, он увидел, что полонивший его человек возится с замком своего портфеля. Хочет вытащить пистолет? Значит, ему уготована смерть от выстрела в затылок? Поспешно, пожалуй, чересчур поспешно, отец Кихот начал читать про себя покаянную молитву: «О, великий боже, каюсь, прости мне все мои...»

– Монсеньор!

– Да, друг мой, – ответил отец Кихот отражению в зеркале. Если ему суждено быть застреленным, пусть лучше в затылок, чем в лицо, ибо лицо – это ведь отражение лика господня.

– Я хочу вам исповедаться.

Отец Кихот икнул. Тут дверь отворилась и в уборную заглянул Санчо.

– Отец Кихот! – воскликнул он.

– Не мешайте нам, – сказал отец Кихот. – Я принимаю исповедь.

От обернулся к незнакомцу, стараясь обрести достоинство, какого требовало его одеяние.

– Это едва ли подходящее место для исповеди. Почему вы выбрали именно меня, а не пошли к своему священнику?

– Я его только что похоронил, – сказал человек. – Я гробовщик. – Он открыл портфель и вытащил оттуда большую медную ручку.

Отец Кихот сказал:

– Но тут ведь не моя епархия. У меня здесь нет никаких прав.

– На монсеньора эти правила не распространяются. Когда я увидел вас в ресторане, я подумал: «Вот это мне повезло».

Отец Кихот сказал:

– Меня совсем недавно произвели в монсеньеры. Вы уверены насчет правил?

– При крайней необходимости ведь любой священник... А тут крайняя необходимость.

– Но ведь в Вальядолиде много священников. Зайдите в любую церковь...

– Я по вашим глазам увидел, что вы такой священник, который все поймет.

– Пойму – что?

Но незнакомец уже быстро забормотал покаянную молитву – во всяком случае, слова он хоть знал. Отец Кихот совсем растерялся. Ни разу в жизни он не принимал исповеди в таких условиях. Он обычно сидел в своем укрытии, похожем на гроб... И сейчас он почти машинально нырнул в единственное имевшееся здесь укрытие и сел на крышку стульчака. Незнакомец хотел было опуститься на колени, но отец Кихот остановил его, ибо пол был далеко не чистый.

– Не надо преклонять колена, – сказал он. – Стойте, где стоите.

Незнакомец протянул ему большую медную ручку. И сказал:

– Я согрешил и прошу вас, отче, то есть я хотел сказать, монсеньор, испросить для меня у господина прощение.

– В этом укрытии я не монсеньор, – сказал отец Кихот. – В исповедальне все священники равны. Что же ты натворил?

– Я украл эту ручку и другую такую же.

– В таком случае, верни их.

– Но владелец-то умер. Я ведь его сегодня утром похоронил.

Отец Кихот, как того требовал обычай, прикрыл глаза рукой, чтобы сохранить тайну исповеди, но перед его мысленным взором продолжало отчетливо стоять смуглое лисье лицо. Он был из тех священников, кто любит быструю исповедь, изложенную в виде простых абстрактных формул. После нее обычно следует один простой вопрос: сколько раз согрешил?.. Я совершил прелюбодеяние. Я пренебрег своими обязанностями во время пасхи. Я погрешил против целомудрия... Отцу Кихоту не случалось сталкиваться с прегрешением в виде кражи медной ручки. Притом эта ручка едва ли такой уж ценный предмет.

- Ты должен вернуть ручку наследникам.
- У отца Гонсалеса не осталось наследников.
- Но от чего эти ручки? Когда ты их украл?
- Я поставил их стоимость в счет, а потом отвинтил их от гроба, чтобы использовать еще раз.
- И ты часто так поступаешь? – не удержался от вопроса отец Кихот, хотя это роковое любопытство во время исповеди уже не раз подводило его.
- О, это обычное дело. Все мои конкуренты так поступают.

Интересно, подумал отец Кихот, что написал бы по этому поводу отец Герберт Йоне? Он бы, несомненно, счел это прегрешением против справедливости – из той категории, к которой относится и прелюбодеяние, но отцу Кихоту припомнилось, что в случае кражи серьезность прегрешения зависит от ценности украденного предмета: если он составляет одну седьмую ежемесячного дохода владельца, то это прегрешение серьезно. Если же владелец – миллионер, тогда украсть у него что-либо – не прегрешение, во всяком случае, не прегрешение против справедливости. А сколько зарабатывал отец Гонсалес в месяц, да и можно ли считать его владельцем этих ручек, если он вступил во владение ими только после смерти? Гроб ведь принадлежит земле, в которую он опущен.

Отец Кихот спросил – скорее чтобы дать себе время подумать, чем по какой-либо другой причине:

- А ты исповедовался в других случаях?
- Нет. Я же сказал вам, монсеньор: все так поступают в моей профессии. Мы ставим в счет медные ручки – это верно, но как бы в качестве платы за аренду. До погребения.
- Тогда почему же ты исповедуешься мне в этом сейчас?
- Может, я слишком совестливый, монсеньор, но когда я похоронил отца Гонсалеса, мне показалось, что тут все как-то иначе. Он ведь так гордился бы, что у него гроб с медными ручками. Понимаете, это показывает, как его уважали прихожане, потому что оплатил-то все, само собой, приход.
- И ты тоже внес деньги?
- О, да. Конечно. Я очень любил отца Гонсалеса.
- Значит, ты как бы крадешь у самого себя?
- Да нет, монсеньор, не краду.
- Я же сказал – не называй меня монсеньером. Ты говоришь, что не крал, что все твои коллеги отвинчивают эти ручки...
- Да.
- Тогда что же не дает покой твоей совести?

У незнакомца вырвался жест, который вполне можно было расценить как растерянность. «Сколько раз, – подумал отец Кихот, – я вот так же чувствовал себя виноватым, сам не зная почему». Он иногда даже завидовал уверенности тех, кто способен в чем-то установить твердые правила: отцу Герберту Йоне, своему епископу, даже папе римскому. Сам же он жил,

как в тумане, брел, не видя дороги, спотыкаясь... И он сказал:

– Это все пустяки, не тревожься. Иди домой и хорошенько проспись. Может, ты и совершил кражу... Но неужели ты думаешь, что господу так уж волнует подобный пустяк? Он создал вселенную – мы даже и не знаем, сколько в ней звезд, и планет, и миров. А ты украл всего лишь две медные ручки – не считай себя такой уж важной персоной. Покайся в своей гордыне и иди домой.

Человек сказал:

– Но пожалуйста... дайте мне отпущение грехов.

Отец Кихот нехотя пробормотал ненужную в данном случае формулу. Незнакомец сунул ручки обратно в портфель, закрыл его и, прежде чем выйти, метнулся было в сторону отца Кихота. А отец Кихот продолжал сидеть на стульчаке в полном изнеможении, с ощущением, что не сумел справиться с ситуацией. «Я ведь не сказал ему того, что надо, – думал он. – Почему я никогда не могу найти нужных слов? Человеку требовалась помощь, а я отделался от него избитой формулой. Да простит меня господь. Неужели, когда я буду умирать, кто-то вот так же произнесет надо мной лишь избитую формулу?»

Через какое-то время он вернулся в бар. Санчо ждал его, потягивая коньяк.

– Что это вы там делали?

– Выполнял свой профессиональный долг, – ответил отец Кихот.

– В уборной?

– В уборной, в тюрьме, в церкви. Какая разница?

– Вы избавились от этого типа?

Отец Кихот сказал:

– Думаю, что да. Я немного устал, Санчо. Я понимаю, это – излишество, но нельзя ли мне еще бутылочку тоника?

ГЛАВА IX

О том, как монсеньор Кихот смотрел некое странное зрелище

Пребывание отца Кихота и Санчо в Вальядолиде неожиданно затянулось из-за решительного нежелания «Росинанта» снова пускаться в путь, так что пришлось оставить его в гараже для обследования.

– Ничего удивительного, – заметил отец Кихот. – Вчера бедняга покрыл огромное расстояние.

– Огромное расстояние?! Да мы отъехали от Саламанки всего на сто двадцать километров.

– Его обычный предел – десять километров: возить меня за вином в кооператив.

– Значит, правильно мы решили не ехать в Рим или в Москву. Если хотите знать мое мнение, избаловали вы своего «Росинанта». А машины никогда не следует баловать – как и женщин.

– Но он ведь очень старенький, Санчо. Наверное, старше нас с вами. И без его помощи в конце-то концов... Могли бы мы пройти весь путь от Саламанки пешком?

Поскольку им предстояло ждать до утра приговора «Росинанту», Санчо предложил пойти в кино. Отец Кихот, поколебавшись, согласился. В свое время священникам запрещалось ходить на спектакли, и хотя правило это не распространялось на кино, которого в ту пору просто не существовало, в уме отца Кихота всякое зрелище было связано с опасностью.

– Я ведь никогда не бывал в кино, – сообщил он Санчо.

– А надо знать мир, если вы хотите обратить его в свою веру, – сказал Санчо.

– Вы не сочтете меня лицедеем, – спросил отец Кихот, – если я сниму этот слюнявчик, как вы его называете?

– В темноте все цвета одинаковы, – сказал Санчо, – но поступайте, как хотите.

По зрелом размышлении отец Кихот решил оставить речега. Так будет честнее. Он не хотел, чтобы кто-то мог обвинить его в лицедействе.

Они пошли в маленькую киношку, где шел фильм под названием «Молитва девы». Название это пленило отца Кихота и не вызвало восторга у Санчо, сразу представившего себе, какой унылый, исполненный благочестия проведут они вечер. Однако он ошибся. Фильм не принадлежал к числу шедевров, однако понравился Санчо, хотя он и опасался реакции отца Кихота, ибо героиню безусловно нельзя было назвать «девой» или «девственницей», а Санчо не мешало бы заметить, что на афише у входа стояло предупреждение в виде буквы "С" [от слова «секс»: так обозначают фильмы сексуального, порнографического содержания].

Собственно, молитва девы была обращена к красивому молодому человеку, чьи похождения со многими девицами неизменно оканчивались постелью. В этот момент изображение становилось нечетким, размытым, и не так-то было просто понять, чьи перед тобою ноги, поскольку ту часть тела, которая отличает мужчину от женщины, камера старательно избегала показывать. Кто, все-таки, наверху: мужчина или женщина? И кто кого целует? В такие моменты диалог, который помог бы зрителю, – отсутствовал; слышалось только прерывистое дыхание, да иногда стон или всхлип, который мог издать как мужчина, так и женщина. Еще больше затрудняло восприятие то, что фильм был снят явно для более маленького экрана (возможно, для домашнего), и при проецировании в кинотеатре изображение совсем уж расплывалось. Даже Санчо перестал получать удовольствие от фильма – уж лучше бы откровенная порнография, – да и главный актер с блестящими зализанными черными волосами и бачками никак не вязался с происходившим на экране. Санчо показалось, что это тот самый, который частенько появляется на телеэкране в рекламе дезодоранта для мужчин.

Конец фильма был совсем уж шаблонный. Молодой человек всерьез влюбляется в ту единственную девушку, которая стойко противилась его ухаживаниям. Свадьба в церкви, целомудренный поцелуй у алтаря после того, как жених надел кольцо на палец невесты, и затем – стремительный переход к переплетению ног в постели: Санчо подумал, что в целях экономии они просто повторили одну из показанных ранее сцен с неизвестно чьими ногами, – а быть может, режиссер таким путем давал понять, что он не дурак и относится ко всему этому с иронией? В зале зажегся свет, и отец Кихот сказал:

– Как интересно, Санчо! Значит, вот что называется фильмом.

– Это был не самый удачный образец.

– А как им приходится извиняться! Актеры, наверное, после этого совсем без сил.

– Да ведь они же все это делали понарошке, отче.

– Что значит – понарошке? Что же они изображали?

– Любовные игры, конечно.

– Ах, вот, значит, как это бывает. Я-то думал, что все происходит куда проще и приятнее. А они, похоже, так мучились. Судя по звукам, которые издавали.

– Это они изображали безмерное наслаждение – они же играли, отче.

– Непохоже, чтобы они получали удовольствие – правда, может быть, это были плохие актеры. Они просто без конца мучились. И потом, Санчо, я не видел этих маленьких надувных шариков.

– Я боялся, отче, что картина может вас шокировать, но ведь вы сами ее выбрали.

– Да. По названию. Но я и сейчас не понимаю, какое отношение имеет название к тому, что мы видели.

– Ну, девушки, наверно, молятся о том, чтобы им попался красивый молодой человек, которого они могли бы полюбить.

– Опять это слово – «любовь». Не думаю, чтобы сеньорита Мартен молилась о таком. Но меня поразило, какая тишина царила в публике. Люди так серьезно относились к тому, что происходило на экране, – я же, право, еле удерживался от смеха.

– Вам было смешно?

– Да. Так трудно было сдерживаться. Но я не люблю обижать людей, когда они относятся к чему-то серьезно. Смех – это ведь не довод. Он может по-глупому оскорбить. Наверно, люди смотрели на все это иначе, чем я. Наверно, это казалось им прекрасным. И все равно, мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь рассмеялся – ну, хоть бы вы, Санчо, – тогда и я мог бы. А нарушить такую тишину я боялся. В тишине ведь есть святость. Мне было бы больно, если бы в церкви, когда я поднимаю Святые Дары, кто-то засмеялся.

– А если бы в церкви все засмеялись?

– Ах, вот это было бы другое дело. Тогда я мог бы решить – я, конечно, мог бы и ошибиться, – что слышу смех радости. Если же смеется кто-то один, это часто бывает смех превосходства.

В тот вечер, лежа в постели, отец Кихот раскрыл томик святого Франциска Сальского. Ему все не давали покоя те сцены любви, которые он видел в кино, – не давали покоя потому, что он ничего не почувствовал, это его лишь позабавило – и только. Он-то всегда считал, что любовь между людьми – такая же, как любовь к богу, только более бледное и более слабое ее подобие, но все эти телодвижения, которые вызвали у него лишь смех, эти стоны и всхлипы... «Я, что же, – подумал он, – не способен на обычную человеческую любовь? Потому что если я на нее не способен, значит, я, должно быть, не способен и любить бога». Он испугался, что этот страшный вопрос теперь будет вечно терзать его. Ему отчаянно захотелось найти утешение, и он обратился к тому, что Санчо называл его «рыцарскими романами», но тут он невольно вспомнил, что Дон Кихот на смертном одре отрекся от них. Возможно, и он отречется, когда настанет его конец...

Он наугад раскрыл «Любовь к Господу», но *sortes Virgilianae* не принесло ему утешения. Он сделал три попытки и наконец напал на такое место, которое, казалось, имело отношение к тому, что он видел в кино. Нельзя сказать, чтобы, прочитав его, отец Кихот почувствовал себя счастливее, ибо у него возникла мысль, что, пожалуй, он еще менее способен любить, чем кусок железа. «Адамант так влечет к себе железо, что стоит кусочку железа оказаться поблизости – и оно поворачивается к камню, начинает подрагивать и подскакивать от удовольствия и таким путем в самом деле перемещается, придвигается к магниту, всячески стремясь слиться с ним». За этим следовал вопрос, который поразил отца Кихота в самое сердце: «Да разве в этом безжизненном камне не видны все проявления живой любви?» О, да, он видел эти подскоки, подумал отец Кихот, но живой любви там не почувствовал.

На другой день, когда они двинулись в путь, страшный вопрос продолжал терзать отца Кихота. «Росинант» после пребывания в гараже находился положительно в игривом настроении и не издал ни единой жалобы, когда скорость достигла сорока, даже сорока пяти километров в час, а развили они такую скорость только потому, что отец Кихот был глубоко погружен в свои невеселые думы.

– Что случилось? – спросил его Санчо. – Сегодня вы опять монсеньор Печального Образа.

– Мне порой приходит в голову мысль – да простит меня господь, – сказал отец Кихот, – что я особо им облагодетельствован, потому что никогда не мучился желаниями.

– Даже во сне?

– Даже во сне.

– Вы очень счастливый человек.

«Действительно ли счастливый? – спросил себя отец Кихот. – Или же самый несчастный?» Он не мог сказать этому другу, который сидел рядом с ним, о чем он думает, какой задает себе вопрос. «Как же я могу молиться о том, чтобы противостоять злу, когда нет у меня искушения? Такая молитва не имеет ценности». Он почувствовал себя бесконечно одиноким в своем молчании. Словно стены исповедальни со всеми ее тайнами раздвинулись и вместе с грешником в ней оказалась и эта машина, в которой он сидел, держа руль и направляя ее к Леону. И он взмолился в тишине, которой себя окружил: «О, господи, сделай меня человеком, дай почувствовать искушение. Избавь меня от моего бесчувствия».

ГЛАВА X

О том, как монсеньор Кихот бросил вызов правосудию

По пути в Леон они остановились в поле, на берегу речки, неподалеку от селения Мансилья-де-лас-Мулас, так как мэр заявил, что ужасно хочет пить. Они обнаружили маленький мостик, который давал достаточно тени, чтобы можно было поставить машину, но жажда, от которой страдал Санчо, на самом деле была уловкой, чтобы нарушить молчание отца Кихота, начинавшее действовать ему на нервы. Глоток вина мог развязать отцу Кихоту язык, и Санчо опустил на веревке бутылку ламанчского вина в речку, возбудив тем самым немалый интерес коров на другом берегу. Вернувшись, он обнаружил, что отец Кихот стоит с мрачным видом, уставясь на свои пурпурные носки. Не в силах дольше терпеть это необъяснимое молчание, Санчо произнес:

– Если вы дали обет молчания, то ради всего святого идите в монастырь. В Бургосе есть монастырь картезианцев, а в Осере – траппистов. Решайте, монсеньор, куда поедем.

– Извините меня, Санчо, – сказал отец Кихот. – Это все мысли не дают мне покоя...

– О, я полагаю, ваши мысли такие возвышенные и набожные, что простому марксисту их не понять.

– Нет, нет.

– Припомните, отец, каким хорошим губернатором был мой предок. Дон Кихот при всем своем рыцарском достоинстве и храбрости никогда не смог бы так хорошо править. Какой невероятный кавардак – именно кавардак – он бы устроил на этом острове. А мой предок взялся управлять им совсем как Троцкий, который взялся командовать армией. У Троцкого не было никакого опыта, и однако же он побил белых генералов. О, да, мы – материалисты, крестьяне и марксисты. Но не надо нас за это презирать.

– А разве я когда-нибудь презирал вас, Санчо?

– Ну, наконец-то, хвала вашему богу, вы снова заговорили. Давайте откупорим бутылочку.

Вино, когда Санчо вытащил бутылку из речки, оказалось еще недостаточно холодным, но ему не терпелось завершить исцеление. Они выпили по два стакана теперь уже в дружелюбном молчании.

– Не осталось ли у нас сыра, отче?

– По-моему, немного осталось – сейчас пойду посмотрю.

Отец Кихот отсутствовал долго. Возможно, никак не мог найти сыр. Не вытерпев, мэр поднялся и увидел отца Кихота, выходявшего из-под моста с вполне объяснимой тревогой на лице, ибо следом за ним шел жандарм. По непонятной для мэра причине отец Кихот что-то быстро говорил своему спутнику по-латыни, и у жандарма тоже был встревоженный вид. А отец Кихот говорил:

– *Esto mihi in Deum protectorem et in locum refugii* [у бога ищу защиты, а в этих местах – прибежища (лат.)].

– Епископ, похоже, иностранец, – обращаясь к мэру, заметил жандарм.

– Он не епископ. Он монсеньор.

– Это ваша машина стоит под мостом?

– Машина монсеньера.

– Я сказал ему, что надо бы ее запереть. Ведь он даже ключ оставил в стартере. А это небезопасно. В здешних краях.

– Но здесь так мирно. Даже вон коровы...

– Вам не попадался человек с дыркой от пули на правой брючине и с наклеенными усами? Хотя он, наверное, их уже выкинул.

– Нет, нет. Ничего даже и близко похожего не видели.

– *Scio cui credidi* [знает, который верит (лат.)], – изрек отец Кихот.

- Итальянец? – спросил жандарм. – Папа римский – великий папа.
- Безусловно великий.
- Тот человек – без шляпы и без пиджака. В полосатой рубашке.
- Нет, никого такого мы тут не видели.
- Дырку в брюках ему проделали в Саморе. Пуля чудом прошла мимо. Он из наших завсегдатаев. А вы тут давно?
- Да с четверть часа.
- Откуда едете?
- Из Вальядолида.
- Никого не обгоняли по дороге?
- Нет.
- Не мог он за это время так далеко уйти.
- А что он натворил?
- Ограбил банк в Бенавенте. Пристрелил кассира. Бежал на «хонде». Ее нашли – я имею в виду «хонду» – в пяти километрах отсюда. Потому и небезопасно оставлять машину незапертой, да еще с ключом в стартере.
- *Laqueus contritus est*, – изрек отец Кихот, – *et nos liberati sumus* [в тенетах вынужден быть, а мы от них освободились (лат.)].
- Что это монсеньор говорит?

Мэр сказал:

- Я тоже в языках не разбираюсь.
- Вы едете в Леон?
- Да.
- Смотрите в оба и не подвозите никого незнакомого. – Вежливо и несколько настороженно жандарм отдал честь монсеньеру и отбыл.
- Почему вы говорили с ним по-латыни? – спросил мэр.
- Мне казалось это правильным.
- Но почему?..
- Мне хотелось по возможности избежать лжи, – ответил отец Кихот. – Даже лжи во благо, а не во зло, пользуясь терминологией отца Йоне.
- А почему вы должны были ему лгать?
- Да совсем неожиданно возникла такая возможность – я бы даже сказал, искушение.

Мэр вздохнул. Вино несомненно нарушило молчание отца Кихота, и сейчас Санчо чуть ли не

жалел об этом. Он спросил:

– Вы нашли сыр?

– И даже изрядный кусок, но я отдал ему.

– Жандарму? Да зачем же это?..

– Нет, нет, тому человеку, которого он ищет.

– Вы хотите сказать, что

видели этого человека?

– Ну да, потому я и боялся вопросов.

– Ради всего святого, где же он сейчас?

– В багажнике нашей машины. Вот теперь было бы крайне неосторожно с моей стороны, как сказал жандарм, оставлять ключ в стартере... Кто-нибудь мог бы уехать вместе с этим человеком. Ну, а так – опасность уже позади.

Мэр долго не мог произнести ни слова. Наконец он спросил:

– А куда вы девали вино?

– Мы вместе поставили его на заднее сиденье.

– Слава богу, – произнес мэр, – что я сменил в Вальядолиде номер машины.

– Почему, Санчо?

– Те жандармы наверняка сообщили ваш номер в Авилу. И теперь он уже у них на компьютере.

– Но в моих бумагах...

– А я и бумаги для вас получил другие. На это, конечно, потребовалось время. Потому мы и пробыли так долго в Вальядолиде. Тамошний владелец гаража – мой давний друг, член нашей партии.

– Санчо, Санчо, сколько же лет тюрьмы мы за это заработали?

– И вполтину не столько, сколько вы получите за то, что скрываете от правосудия беглеца. И что это на вас напало?..

– Он попросил меня помочь. Сказал, что его несправедливо обвинили, спутали с кем-то другим.

– Это с дыркой-то от пули в штанах? Человека, ограбившего банк?

– Но ведь и ваш Сталин был таким же. Многое зависит от побудительных мотивов в конце-то концов. Если бы Сталин пришел ко мне исповедоваться и честно рассказал о причинах, побудивших его так поступать, я бы, возможно, велел ему десять дней молиться по четкам, хотя в Эль-Тобосо я до сих пор никого так строго не наказывал. Помните, что сказал мой предок галерным рабам, прежде чем их освободить: «На небе есть бог, и он неустанно карает зло и награждает добро, а людям порядочным не пристало быть палачами своих ближних...» [Сервантес, «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», ч.1, гл.22, пер. Н.Любимова]. Это

добрая христианская доктрина, Санчо. Десять дней перебирать четки – достаточно суровое наказание. А мы не палачи и не занимаемся допросами. Добрый самарянин не расспрашивал беднягу – того, которого избили разбойники, – о его прошлом, а взял и помог ему. А ведь этот человек, возможно, был мытарем, и разбойники лишь отобрали у него то, что он у них взял.

– Пока вы тут разглагольствуете, монсеньер, наш раненый, наверно, помирает из-за недостатка воздуха.

Они поспешили к машине и обнаружили беглеца в весьма плачевном состоянии. Накладные усы, намокшие от пота, отклеились и свисали с края верхней губы. По счастью, он был маленький и без труда уместился на том небольшом пространстве, которое мог предоставить ему «Росинант».

Тем не менее когда его выпустили из багажника, он принялся возмущаться:

– Я думал, я тут сдохну. Куда это вы провалились?

– Мы старались для вас, как могли, – сказал отец Кихот почти теми же словами, какие употребил его предок. – Мы не собираемся вас судить, но ваша совесть должна была бы подсказать вам, что неблагодарность – позорный грех.

– Мы для тебя даже слишком много сделали, – сказал Санчо. – А теперь проваливай. Жандарм поехал в ту сторону. Я бы посоветовал тебе держаться полей, пока не дойдешь до города, а там – растворишься.

– Да как же я могу держаться полей в таких ботинках – они насквозь прогнили, и как я могу раствориться в городе, когда у меня дыра от револьверной пули в штанине?

– Ты же ограбил банк. Можешь купить себе новую пару ботинок.

– Кто сказал, что я ограбил банк? – И он вывернул пустые карманы. – Можете обыскать меня, – сказал он. – А еще называете себя христианами.

– Я не называю, – сказал мэр. – Я – марксист.

– И спина у меня разламывается. Я и шагу не могу сделать.

– У меня тут есть немного аспирина в машине, – сказал отец Кихот. Он отпер машину и принялся рыться в отделении для перчаток. Незнакомец за его спиной кашлянул раз, потом второй. – У меня есть и леденцы от кашля, – сказал отец Кихот. – Наверное, просквозило вас в багажнике. – Он обернулся с лекарствами в руке и, к своему великому изумлению, увидел, что незнакомец нацелил на него револьвер.

– Не надо такой штукой ни в кого целиться, – сказал он, – это опасно.

– Ботинки у вас какого размера? – спросил незнакомец.

– Право, не помню. По-моему, тридцать девятого.

– А у вас?

– Сорокового, – сказал Санчо.

– Давайте ваши, – скомандовал незнакомец, обращаясь к отцу Кихоту.

– Да они почти в таком же плачевном состоянии, как и ваши.

– Не спорьте. Я бы взял у вас и брюки, если б только они подошли. А теперь повернитесь оба

ко мне спиной. Если хоть один из вас шевельнется, пристрелю обоих.

Отец Кихот сказал:

– Не понимаю, почему вы отправились грабить банк – если вы его действительно ограбили – в разваливающихся ботинках.

– По ошибке надел не ту пару. Вот почему. А теперь можете повернуться. Залезайте в машину – оба. Я сяду сзади, и если вы хоть где-нибудь почему-то остановитесь, буду стрелять.

– Куда же ты хочешь, чтоб мы тебя отвезли? – спросил Санчо.

– Высадите меня у собора в Леоне.

Отец Кихот не без труда задним ходом вывел машину с поля на дорогу.

– Очень вы плохой водитель, – сказал незнакомец.

– Да все дело в «Росинанте». Не любит он пятиться. Боюсь, вам там тесно со всем этим вином. Может, остановимся и перетащим ящик в багажник?

– Нет. Двигайте дальше.

– А что случилось с вашей «хондой»? Жандарм сказал, вы ее бросили.

– Бензин у меня кончился. Позабыл залить бак.

– Не ту пару ботинок надели. Не запаслись бензином. Право же, похоже, господь был против ваших планов.

– Вы что, не можете ехать быстрее?

– Нет. «Росинант» у меня очень старенький. Он может рассыпаться, если перейти за сорок. – Отец Кихот взглянул в зеркальце и увидел нацеленный ему в спину револьвер. – Хорошо бы вы успокоились и положили оружие, – сказал он. – «Росинант» порой ведет себя, как верблюд. Он может вдруг так тряхануть, что эта штука сама выстрелит. А вы едва ли обрадуетесь, если на вашей совести будет убийство еще одного человека.

– Что это вы мелете? Какого еще одного человека?

– Да я имею в виду того беднягу в банке, которого вы убили.

– Не убил я его. Промахнулся.

– Да, господь, видно, изрядно потрудился, чтобы избавить вас от тяжкого греха, – сказал отец Кихот.

– Да и вообще никакой это был не банк. Самообслуга.

– Жандарм сказал – банк.

– Да они скажут «банк» даже про общественную уборную. Так оно важнее выглядит.

Когда они въехали в город, отец Кихот заметил, что стоило им остановиться у светофора, и револьвер исчезал из виду. Он, пожалуй, мог бы выскочить из машины, но тогда жизнь Санчо оказалась бы в опасности, и если незнакомец прибег бы к насилию, отцу Кихоту пришлось бы разделить с ним вину. В любом случае он не желал быть орудием мирского суда. И он

испытал огромное облегчение, когда, подъехав насколько мог ближе к собору, не увидел там ни одного жандарма или карабинера.

– Подождите, я посмотрю, безопасно ли вам выйти, – сказал отец Кихот.

– Если ты меня выдашь, – сказал незнакомец, – я пристрелю твоего дружка.

Отец Кихот открыл дверцу машины.

– Все в порядке, – сказал он. – Можете идти.

– Если ты соврал, – предупредил его незнакомец, – первая пуля – тебе.

– У вас отклеились усы, – сказал ему отец Кихот. – Они прилипли к вашему ботинку – то есть к моему.

Они проследили взглядом за незнакомцем, пока он не исчез из виду.

– По крайней мере, он не набросился на меня, как галерные рабы набросились на моего предка, – сказал отец Кихот.

– Побудьте в машине, а я схожу куплю вам ботинки. Вы сказали, у вас тридцать девятый размер?

– А вы не возражаете, если мы сначала зайдём в собор? Очень я устал – нелегко было держать в узде «Росинанта», чтобы он не взбрыкнул. Ведь если бы этот бедняга убил нас, ему бы действительно худо пришлось. Мне хочется посидеть немного в прохладе... и помолиться. Я вас не задержу.

– Мне казалось, вы только этим и занимались, пока мы ехали.

– О да, я молился... но молился за беднягу. А сейчас мне хотелось бы возблагодарить господ за

наше спасение.

Камень обжег отца Кихота холодом сквозь пурпурные носки. Он пожалел, что в Саламанке не подыскал еще одни, шерстяные. Под высоченными сводами собора, в свете, лившемся сквозь сто двадцать окон, словно взор божий, он почувствовал себя карликом. У него возникло ощущение, точно он – малюсенькая мошка, помещенная под микроскоп. Он поспешно нырнул в боковой придел и опустился там на колени. Какую прочесть молитву – он не знал. Подумал: «Благодарю тебя», но слова показались ему пустым, как эхо, звуком – он не чувствовал благодарности за свое избавление; возможно, он в какой-то мере почувствовал бы благодарность, если бы в него попала пуля: это означало бы – конец. Его тело отвезли бы тогда в Эль-Тобосо, и он снова очутился бы дома, а не продолжал бы это нелепое паломничество – к какой цели? Или куда?

Пытаться молиться, когда ты не в силах выжать из себя ни слова, показалось ему лишней тратой времени, и он оставил свои попытки, постарался вообще ни о чем не думать, ни на что не обращать внимания, погрузиться в полнейшую тишину, и через какое-то время действительно почувствовал, что стоит на пороге Ничего, от которого его отделяет всего один шаг. Потом большому пальцу на ноге стало особенно холодно от каменных плит собора, и он подумал: «У меня продырявился носок». Право же эти носки – и почему только он не настоял на шерстяных? – хоть он и приобрел их в роскошном магазине, которому покровительствует «Опус деи», не стоят того, что он заплатил.

Отец Кихот перекрестился и вернулся к Санчо.

– Хорошо вы помолились? – спросил его мэр.

– Я совсем не молился.

Они оставили «Росинанта» на стоянке и наугад побрели по улицам. Около самого Бурго-Нуево они обнаружили обувной магазин. Раскаленные плиты тротуара жгли ноги отцу Кихоту – дырка на левом носке, из которой торчал большой палец, значительно увеличилась. Это был совсем маленький магазинчик, и хозяин с удивлением уставился на ноги отца Кихота.

– Мне нужны черные ботинки тридцать девятого размера, – сказал отец Кихот.

– Сейчас, сейчас, присядьте, пожалуйста. – Хозяин достал пару ботинок и опустился перед отцом Кихотом на колени.

А отец Кихот подумал: «Я точно статуя святого Петра в Риме. Он, что, сейчас поцелует мой большой палец?» Он рассмеялся.

– Что тут смешного? – спросил мэр.

– О, ничего, ничего. Просто подумалось.

– Кожа у этих туфель очень мягкая и тонкая, ваше преосвященство.

– Я не епископ, – сказал отец Кихот, – только монсеньор, да простит меня бог.

Владелец магазина надел ему ботинок на ногу с целым носком.

– Если монсеньор соблаговолит сделать несколько шагов...

– Я уже достаточно нашагался по Леону. Тротуары у вас такие жесткие.

– Еще бы они не показались вам жесткими, монсеньор, – без ботинок-то.

– Эти ваши ботинки очень удобные. Я их беру.

– Хотите, чтобы я их завернул, или вы в них пойдете, монсеньор?

– Конечно, в них пойду. Вы что, думаете, _мне хочется_ ходить босиком?

– Я подумал, может... Ну, я подумал, может, вы наложили на себя епитимью...

– Нет, нет, боюсь, я далеко не такой святой человек.

Отец Кихот снова сел и подставил хозяину ногу с торчавшим из носка пальцем, и тот осторожно, даже с известной почтительностью, упаковал палец в носок, затем надел ботинок. Ему явно не приходилось до сих пор вступать в контакт с голым пальцем монсеньора.

– А другие ботинки? Монсеньеру не надо их завернуть?

– Какие другие ботинки?

– Те, которые монсеньор сбросил.

– Я их не бросал. Это они бросили меня, – сказал отец Кихот. – Я даже не знаю, где они. Наверное, сейчас уже далеко. В любом случае, ботинки были старые. Не такие хорошие, как эти.

Хозяин проводил отца Кихота и Санчо до порога. У дверей он попросил:

– Благословите, монсеньор!

Отец Кихот начертал в воздухе крест и что-то пробормотал. А на улице заметил:

– Слишком уж он был почтителен – не люблю я такое.

– Обстоятельства были не совсем обычные, так что, боюсь, он скорее всего запомнит нас.

По пути назад, к «Росинанту», им попалась почта. Отец Кихот вдруг остановился.

– Что-то я волнуюсь, – сказал он.

– Не без оснований. Если этого мерзавца, которого мы спасли, поймают и он заговорит...

– Я думал не о нем. Я думал о Тересе. У меня в голове словно набат гудит, возвещая беду. Мы ведь так давно уже отсутствуем.

– Четыре дня.

– Не может быть. Мне кажется, по крайней мере месяц. Пожалуйста, разрешите, я позвоню.

– Валяйте, но только быстро. Чем скорее мы уедем из Леона, тем лучше.

К телефону подошла Тереса. Не успел отец Кихот и слово сказать, как она в ярости рявкнула:

– Отца Эрреры нет, и я не знаю, когда он будет. – И повесила трубку.

– Что-то _в самом деле_ неладно, – сказал отец Кихот. Он снова набрал номер и на этот раз тотчас произнес: – Это отец Кихот, Тереса.

– Слава тебе, господи, – откликнулась Тереса. – Где это вы?

– В Леоне.

– А где это?

Мэр сказал:

– Не надо было ей говорить.

– Что вы там делаете, отче?

– Звоню тебе.

– Отче, с епископом ужас что творится.

– Он что, заболел, бедняга?

– Он очень гневается.

– А что случилось, Тереса?

– Да он уже два раза звонил отцу Эррере. И оба раза они разговаривали по полчаса – даже не подумали, как дорого это будет стоить.

– Но о чем же, Тереса?

– Да о вас, конечно. Они говорили, что вы рехнулись. Говорили, что вас надо засадить в

сумасшедший дом, чтобы спасти честь Церкви.

– Но почему? Почему?

– Жандармы из-за вас всю Авилу прочесали.

– А меня не было в Авиле.

– Они это знают. Они говорили, что вы – в Вальядолиде. И сказали, что вы поменялись платьем с красным мэром, чтобы удрать.

– Это неправда.

– Они думают, вы, наверно, снюхались с этими сумасшедшими басками.

– Тебе-то откуда все это известно, Тереса?

– Вы, что же, думаете, я дам им пользоваться вашим телефоном и не оставлю дверь в кухню открытой?

– Дай-ка я поговорю с отцом Эррерой.

– Только ничего ему не выбалтывайте, – сказал Санчо. – Ничего.

– А отца Эрреры нету. Он еще вчера до света уехал к епископу. А епископ в такой вошел штопор, что не удивлюсь, коли он самому Святому Отцу позвонит насчет вас. Отец Эррера сказал мне, что Святой Отец страшно ошибся, когда назначил вас монсеньером. А я сказала ему – нечего богохульствовать. Святой Отец не может ошибиться.

– Да нет, Тереса, может – немножко. Надо мне, видно, сейчас же возвращаться домой.

– Нельзя вам, отче. Жандармы уж всенепременно тут же вас сцапают, и вы до конца своих дней просидите в сумасшедшем доме.

– Но я же несколько не сумасшедший – во всяком случае, не больше, чем отец Эррера. Или епископ, если уж на то пошло.

– А они скажут, что вы – сумасшедший. Я сама слыхала, как отец Эррера сказал епископу: «Надо его держать подальше от греха. Ради блага Церкви». Так что не возвращайтесь, отче.

– Прощай, Тереса.

– Так вы не вернетесь?

– Мне надо это обдумать, Тереса. – А мэру отец Кихот сказал: – Жандармы говорили с епископом, а епископ – с отцом Эррерой. Они считают, что я сумасшедший.

– Ну, особой беды в этом нет. Вашего предка ведь тоже считали сумасшедшим. Возможно, отец Эррера поступит, как каноник, и начнет жечь ваши книги.

– Не дай бог. Мне надо домой, Санчо.

– Вот это как раз и докажет, что вы сумасшедший. Нам надо быстро убираться отсюда, но не в Эль-Тобосо. Не следовало вам говорить Тересе, что вы в Леоне.

– Ну, у нее рот на замке. Можете не волноваться. Ведь она даже мне не говорила, что эти ее бифштексы – из конины.

– Есть и немало другого, о чем следует поволноваться. Эти компьютеры нынче работают со скоростью света. Мы их немножко запутали, сменив номер на машине, но если гвардейцы заложили в машину ваш сан – жди беды. Придется вам снимать ваш слюнявчик и носки. Не думаю, чтобы много монсеньоров разъезжало в стареньком «сеате-шестьсот».

Они быстро пошли дальше, к тому месту, где оставили «Росинанта», и Санчо вдруг произнес:

– Пожалуй, надо нам бросить машину и сесть на автобус.

– Но мы же ничего плохого не сделали.

– Опасно не то, что мы сделали, а то, что мы сделали по их мнению. Если читать Маркса теперь уже не преступление, то скрывать вора, ограбившего банк, – все еще преступление.

– Но он же не грабил банка.

– Ну, пусть ограбил магазин самообслуживания – все равно это преступление прятать его в багажнике своей машины.

– Я не брошу «Росинанта». – Они как раз подошли к машине, и отец Кихот по-отечески положил руку на ее крыло, где была зазубрина, оставшаяся от столкновения с машиной мясника в Эль-Тобосо. – Вы знаете пьесу Шекспира «Генрих Восьмой»?

– Нет, я предпочитаю Лопе де Вегу.

– Так вот, я бы не хотел, чтоб «Росинант» когда-нибудь упрекнул меня, как кардинал Уолси упрекнул своего монарха:

Служи я небесам хоть вполовину

С таким усердьем, как служил монарху,

То в старости меня бы он не предал,

Столь беззащитного, моим врагам

[У.Шекспир, «Генрих Восьмой», акт III, сц. 2].

Вы видите эту вмятину на капоте «Росинанта», Санчо? Ей больше семи лет, и получил ее «Росинант» по моей вине. *Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa* [моя вина, моя вина, больше всего – моя вина (лат.)].

Они самым коротким путем выехали из Леона, но дорога пошла в гору, и «Росинант» стал показывать признаки усталости. Перед ними вставали горы, окружающие Леон, – серые, скалистые, островерхие. Мэр сказал:

– Вы говорили, вам хочется тишины. Настало время выбирать между тишиной Бургоса и тишиной Осеры.

– С Бургосом связаны малоприятные воспоминания.

– Bravo, монсеньор, а я-то подумал, что память о том, где находилась штаб-квартира

генералиссимуса, как раз и может вас привлечь.

– Я предпочитаю мирную тишину тишине, наступающей после успеха, – эта тишина похожа на вечную тишину смерти. И притом, не очень хорошей смерти. А вы, Санчо, – мысль о монастыре не отталкивает вас?

– А почему она должна меня отталкивать? Они могут защитить нас от худшего зла, как писал Маркс. К тому же монастырь имеет для нас то же преимущество, что и публичный дом. Если мы, конечно, не застрянем там. Никаких карточек постояльцев заполнять там не надо.

– В таком случае, поехали в Осеру, Санчо, к траппистам.

– По крайней мере у нас там будет хорошее галисийское вино. А то наше ламанчское скоро кончится.

Они устроили пикник только с вином, ибо сыр исчез вместе с грабителем, а колбасу они прикончили раньше. Они находились на высоте почти тысячи метров, под ними расстилалась голая равнина, и в воздухе веял свежий ветерок. Они быстро распили бутылку вина, и Санчо открыл другую.

– А это разумно? – спросил отец Кихот.

– Абсолютно разумных поступков не бывает, – сказал Санчо. – Все зависит от ситуации. Степень разумности меняется и в каждом отдельном случае. В нашей ситуации, когда нет еды, я считаю разумным выпить еще полбутылки. А вы наверняка сочтете это безумием. В таком случае в определенный момент мне придется решать, как разумнее поступить с вашей половиной бутылки.

– Этот момент едва ли наступит, – сказал отец Кихот. – Разум подсказывает мне, что я должен помешать вам выпить больше положенного. – И он налил себе стакан вина. – Вот только я не понимаю, – добавил он, – почему отсутствие еды может повлиять на разумность нашего выбора.

– А все ясно, – сказал Санчо. – В вине есть сахар, а сахар – чрезвычайно ценная пища.

– В таком случае, если у нас будет достаточно вина, мы не умрем с голода.

– Совершенно верно, но в любом логическом доводе – даже в доводах вашего апостола Фомы – можно найти просчет. Если мы заменим еду вином, то не сможем сдвинуться с места, и тогда со временем у нас кончится и вино.

– Почему же мы не сможем сдвинуться с места?

– Да потому, что ни один из нас не способен будет вести машину.

– В общем-то верно. Логические рассуждения часто ведут к абсурду. В Ламанче есть любимая в народе святая, которую изнасиловал мавр у нее на кухне; он при этом был безоружен, а у нее в руке был кухонный нож.

– Ну, так она, наверное, хотела, чтоб ее изнасиловали.

– Нет, нет, она рассуждала вполне логично. Спасти душу мавра было куда важнее, чем девственность. Ведь если бы она убила его в ту минуту, то лишила бы всякой возможности на спасение. Нелепая и, однако же, если подумать, – прекрасная история.

– А вы от вина что-то разговорились, монсеньор. Я вот думаю, справитесь ли вы в монастыре с обетом молчания.

–

Нам не обязательно молчать, Санчо, да и монахам разрешено разговаривать с гостями.

– До чего же быстро у нас опустела вторая бутылка! Вы помните – кажется, это было так давно! – каким образом вы пытались объяснить мне, что такое троица?

– Да. Я тогда совершил эту ужасную ошибку. Я позволил себе сравнить Святого Духа с полбутылкой.

– Больше мы такой ошибки не допустим, – сказал Санчо, открывая третью бутылку.

Отец Кихот не стал возражать, хотя вино уже начало действовать на него как раздражитель. Он готов был обидеться на любую малость.

– Я рад, – сказал мэр, – что в противоположность вашему предку вы любите вино. Дон Кихот ведь частенько останавливался на постоялых дворах – по крайней мере четыре из его приключений произошли на постоялом дворе, – но мы ни разу не слышали, чтобы он выпил хотя бы стаканчик вина. Он, как и мы, не раз закусывал сыром на открытом воздухе, но ни разу не запивал его добрым ламанчским вином. Мне бы он в компаньоны по путешествию не подошел. Слава тебе, господи, несмотря на все свои священные книги, вы можете крепко выпить, когда захотите.

– Но почему вы в связи со мной все время вспоминаете про моего предка?

– Так ведь только для сравнения...

– Вы вспоминаете его при любой возможности, заявляете, что мои священные книги – это все равно как его рыцарские, сравниваете наши пустяковые приключения с тем, что было с ним. Ведь мы-то имели дело с жандармами, а не с ветряными мельницами. Я – отец Кихот, а не Дон Кихот. Уверяю вас, я существую. То, что случается со мной, это случается со мной, а не с ним. Я следую своим путем – своим собственным, – а не его. Я поступаю так, как хочу. Я же не привязан к моему предку, умершему четыреста лет назад.

– Извините, отче. Я думал, что вы гордитесь вашим предком. Я вовсе не хотел вас обидеть.

– О, я знаю,

что у вас в мыслях. Вы думаете, что мой бог – это такая же иллюзия, как ветряные мельницы. Но говорю вам: он существует. Я не только верю в него. Я прикасаюсь к нему.

– И какой же он – мягкий или твердый?

Не на шутку рассердившись, отец Кихот приподнялся с травы.

– Нет, нет, отче. Извините. Я вовсе не хотел вас поддразнить. Я уважаю ваши верования, как вы уважаете мои. Между ними есть только одна разница. Я

знаю, что Маркс и Ленин существовали. А вы только верите.

– Но я же сказал вам: дело тут не в вере. Я прикасаюсь к нему.

– Мы славно проводим время, отче. Распиваем третью бутылку. Я поднимаю стакан за троицу. Вы же не откажетесь выпить со мной за нее.

Отец Кихот мрачно уставился в свой стакан.

– Нет, я не могу отказаться, но... – Он выпил и сразу почувствовал, что гнев его

рассеивается, уступая место великой печали. Он сказал: – Вы считаете, я немного опьянел, Санчо?

Санчо увидел в глазах у него слезы.

– Отче, наша дружба...

– Да, да, ничто не способно ее нарушить, Санчо. Хотелось бы мне только знать точные слова.

– Для чего?

– И иметь знания. Я ведь очень невежественный человек. Многие из того, что я должен был внушать моей пастве в Эль-Тобосо, мне непонятно. Я никогда над этим не задумывался. Троица! Закон природы! Смертный грех! Я повторял им слова из учебников. Я ни разу не спросил себя – а сам я в это верю? Шел домой и читал моих святых. Они писали о любви. Это мне понятно. Остальное казалось не столь уж важным.

– Не понимаю, что вас тревожит, отче.

– Вы тревожите меня, Санчо. Эти четыре дня, проведенных в вашем обществе, тревожат меня. Я вспоминаю, как я рассмеялся, когда надул тот шарик. А фильм... Почему я не был шокирован? Почему не встал и не вышел? Мне кажется, что я жил в Эль-Тобосо сто лет назад. Я перестал быть самим собой, Санчо. Голова идет кругом...

– Вы просто немного опьянели, отче. Только и всего.

– Это что, так всегда бывает?

– Болтливость... головокружение – да.

– А тоска?

– На некоторых нападает. Другие же становятся шумными и веселыми.

– Придется мне, видно, держаться тоника. Я что-то не чувствую себя в силах сесть за руль.

– Машину могу вести я.

– «Росинант» не любит чужую руку. А мне хотелось бы поспать немного, прежде чем мы снова двинемся в путь. Если я сказал вам, Санчо, что-то обидное, извините, пожалуйста. Это вино говорило моими устами, не я.

– Ничего плохого вы не сказали. Полежите немного, отче, а я посторожу вас. Мне вино прочистило мозги.

Отец Кихот нашел среди камней полоску мягкой травы и прилег, но сон не сразу пришел к нему. Он сказал:

– По мнению отца Герберта Йоне, пьянство – более тяжкий грех, чем обжорство. Я этого не понимаю. Вот мы немного выпили, и это же объединило нас, Санчо. Вино способствует дружбе. Обжорство же – порок, которому предаются в одиночестве. Своеобразная форма онанизма. Однако у отца Йоне, помнится, сказано, что это простительный порок. «Даже если дело доходит до рвоты». Это его собственные слова.

– Я бы не считал отца Йоне авторитетом в вопросах морали, как не считаю Троцкого авторитетом в коммунистическом движении.

– А что, люди действительно совершают ужасные поступки, когда напьются?

– Наверно, иногда и совершают, если теряют над собой контроль. Но это не всегда плохо. Иногда очень даже хорошо потерять над собой контроль. В любви, например.

– Как те люди в фильме?

– Ну да, пожалуй.

– Наверно, если бы они побольше выпили, они бы стали надувать шарики.

Из-за камней раздался странный звук. Мэр не сразу понял, что это смех. Отец Кихот произнес:

– Вы мой теолог-моралист, Санчо. – И через минуту вместо смеха послышалось легкое похрапывание.

День у них был утомительный, да еще они хорошо выпили, так что через какое-то время мэр тоже заснул. И приснился ему сон – из тех, что видишь перед пробуждением, когда даже мельчайшие детали остаются в памяти. Отец Кихот потерялся, и мэр отправился на его розыски. Он прихватил с собой пурпурные носки, беспокоясь за отца Кихота, отправившегося в горы босиком по очень каменистой тропинке. Недаром мэр то и дело натыкался на следы крови. Несколько раз он хотел окликнуть отца Кихота, но ни звука не вылетало из его горла. Внезапно он вышел на площадку, мощенную мраморными плитами, и прямо перед ним стояла церковь Эль-Тобосо, из которой доносились какие-то странные звуки. Он вошел в церковь с пурпурными носками в руке и увидел, что отец Кихот сидит на верху алтаря, словно священное изваяние, – прихожане смеются, а отец Кихот плачет. Мэр проснулся с ощущением непоправимой беды. Тем временем стемнело. Он был один.

Как и во сне, он отправился на розыски отца Кихота и с чувством облегчения вскоре обнаружил его. Отец Кихот немного спустился по склону – наверное, чтоб быть поближе к «Росинанту», а возможно потому, что земля там была мягче. Он снял носки и, обмотав ими ботинки, сделал себе подобие подушки, на которой и спал глубоким сном.

У мэра не хватило духу разбудить его. Ехать в Осеру, куда вела проселочная дорога, было уже поздно, а возвращаться в Леон мэр считал небезопасным. Он снова отыскал облюбованное им ранее место, откуда не видно было отца Кихота, и вскоре заснул беспробудным сном.

Проснувшись, он обнаружил, что солнце стоит высоко и на него уже не падает тени. Пора в путь, подумал он, и надо постараться выпить кофе в ближайшем селении. Кофе ему был просто необходим. После водки он никогда не чувствовал себя плохо, а вот излишек вина вызывал раздражение, и он становился похож на зануду-реформатора, какие встречаются в партии. Мэр пошел будить отца Кихота, но священника там не оказалось, хотя носки и ботинки, служившие ему подушкой, продолжали лежать на прежнем месте. Мэр несколько раз окликнул отца Кихота, но безуспешно, – звук собственного голоса лишь пробудил в нем воспоминание о виденном сне. Он присел и стал ждать, решив, что отец Кихот, по всей вероятности, пошел в укромное местечко облегчиться после выпитого вина. Но едва ли могло на это понадобится целых десять минут – ни один мочевой пузырь не в состоянии удержать столько жидкости. Наверное, они ходят друг за другом, и отец Кихот, облегчившись, отправился к тому месту, где спал его друг. Мэр вернулся туда с пурпурными носками в руке, что снова вызвало в его памяти тот сон, и ему стало не по себе. Отца Кихота нигде не было видно.

Мэр подумал – может, он пошел проверить, в порядке ли «Росинант». Накануне, по совету мэра, отец Кихот свернул с дороги и поставил «Росинанта» за кучей песка, оставшегося после давно оконченных дорожных работ, – так, чтоб жандармы, если они поедут мимо, не могли его заметить.

Отца Кихота около машины не оказалось, но у «Росинанта» появился компаньон – рядом стоял «рено», и молодая пара в джинсах, сидя среди камней, убирала в рюкзаки чашки, блюдца и тарелочки после – судя по остаткам – весьма основательного завтрака. Мэру сразу захотелось есть. Молодые люди были вполне дружелюбно настроены, они встретили его улыбкой, и, поколебавшись, он спросил:

– Вы не могли бы пожертвовать мне булочку?

Они, как ему показалось, посмотрели на него с опаской. Тут он понял, что небрит и стоит перед ними, сжимая в руке пурпурные носки. Судя по виду, это были иностранцы. Молодой человек сказал с американским акцентом:

– Боюсь, я не силен в испанском. Parlezvous Francais? [Вы говорите по-французски? (франц.)]

– Un petit peu, – сказал мэр, – tres petit peu [немного, совсем немного (искаж. франц.)].

– Comme moi [как и я (франц.)], – сказал молодой человек, и наступила неловкая пауза.

– J'ai faim [я голоден (франц.)], – сказал мэр. Он так скверно говорит по-французски, – точно попрошайка-нищий, подумалось ему. – J'ai pense si vous avez fini votre... [я подумал, если вы окончили ваш... ваш (франц.)] – Он тщетно пытался найти нужное слово. -...votre desayuno [завтрак (исп.)].

– Desayuno?

Просто удивительно, подумал мэр, сколько иностранных туристов приезжают колесить по Испании, даже не зная самых необходимых слов.

– Рональд, – сказала девушка на своем непонятном языке, – я пойду отыщу словарь в машине.

Когда она встала, мэр заметил, что у нее длинные красивые ноги, и провел рукою по щеке – эх, жаль, от молодости уже ничего не осталось. Он сказал:

– Il faut me pardonner, senorita... Je n'ai pas... [Извините меня, сеньорита... Я не... (франц.)] – Но тут понял, что не знает, как по-французски «побриться».

Мужчины стояли друг против друга молча, пока девушка не вернулась. Но и потом поддерживать разговор было трудно. Мэр очень медленно, делая паузы после каждого слова, чтобы девушка могла отыскать его в своем карманном словарице, произнес:

– Если вы... окончили... ваш завтрак...

– Desayuno – значит «завтрак», – сообщила девушка своему спутнику с таким восторженным видом, точно сделала открытие.

– ...можно мне взять bollo?

– Тут сказано: «bollo» – хлебец стоимостью в пенни, – перевела девушка, – но наши булочки стоили куда дороже.

– Словари вечно отстают от жизни, – сказал ее спутник. – Не могут же они учитывать инфляцию.

– Я очень голоден, – сказал им мэр, тщательно выговаривая главное слово.

Девушка быстро перелистала странички словаря.

– Ambriento – он ведь так сказал? Я не могу найти это слово.

– Попробуй посмотреть на h. По-моему, по-испански h не произносится.

– А-а, вот оно. «Жаждающий». Но чего же он жаждет?

– А там нет другого значения?

– Да, конечно, какая я глупая. «Голодный». Должно быть, это и есть. Он голоден и просит хлеба.

– У нас осталось две булочки. Отдай ему обе. И вот что... дай бедняге и это тоже, – и он протянул ей бумажку в сто песет.

Мэр взял булочку, но от денег отказался. Для ясности он указал сначала на «Росинанта», потом на себя.

– Боже мой, – воскликнула девушка, – это же его машина, а мы тут предлагаем ему сто песет.

– Она сложила руки ладонями вместе и приподняла их в восточном приветствии.

Мэр улыбнулся. Он понял, что она извиняется.

Молодой человек мрачно произнес:

– А мне откуда было знать?

Мэр принялся за одну из булочек. Девушка полистала словарик.

– Mantequilla? [Масло? (исп.)] – спросила она.

– Манте – что? – весьма недовольным тоном пробурчал ее спутник.

– Я спрашиваю, не хочет ли он масла.

– Я съел все масло. Его не стоило больше держать.

Мэр помотал головой и доел булочку. Вторую он положил в карман.

– Para mí amigo [для моего друга (исп.)], – пояснил он.

– Эй! А я это поняла, – восторженно воскликнула девушка. – Это для его девушки. Разве ты не помнишь по-латыни: «amo» – я люблю, «amas» – ты любишь? Забыла, как дальше. Могу поклясться, они тоже развлекались в кустиках, как мы с тобой.

Мэр приложил рупором руки ко рту и снова крикнул, но ответа не последовало.

– Откуда ты знаешь, что это девчонка? – спросил молодой человек. Он явно настроился перечить. – По-испански это, наверное, то же, что по-французски. «Ami» ведь может означать друга любого пола, разница только в написании.

– О, господи, – сказала девушка, – ты думаешь, это тот труп, который уносили при нас?..

– Откуда мы

знаем, что это был труп? А если труп, то почему этот человек спрятал для него булочку?

– А ты его спроси.

– Как же я его спрошу? Словарь-то у тебя.

Мэр снова крикнул. Ответом ему было лишь слабое эхо.

– Во всяком случае с виду это был явный труп, – сказала девушка.

– Может, они просто везли его в больницу.

– Вечно ты находишь всему

неинтересные объяснения. В больнице ему ведь тоже не нужен хлеб.

– В слаборазвитых странах родственникам часто приходится носить больному еду.

– Испания – не слаборазвитая страна.

– Это ты так говоришь.

Они вроде стали ссориться, и мэр отошел от них к тому месту, где оставил отца Кихота спящим. Но таинственное исчезновение и воспоминание о приснившемся сне не давали мэру покоя, и он вернулся к «Росинанту».

Пока он ходил, молодые люди не без успеха проштудировали словарь.

– Camilla, – сказала девушка, но произнесла она это слово так странно, что мэр не сразу его понял.

– Ты уверена? – переспросил ее молодой человек. – Это скорее похоже на женское имя, чем на носилки. И вообще я не понимаю, почему ты искала именно это слово – «носилки». Ведь у них же не было носилок.

– Но неужели ты не понимаешь – так яснее! – настаивала девушка. – Разве в словаре найдешь такое слово, которым можно описать, что человека пронесли мимо нас за голову и за ноги?

– А что если просто посмотреть – «пронесли»?

– Словарь же дает глаголы только в неопределенном наклонении, но если хочешь, я посмотрю. Transportar, – сказала она, – Camilla.

Внезапно мэр понял, что она пыталась сказать, – но и только.

– Donde? [Куда? (исп.)] – спросил он, чувствуя, как его затопляет отчаяние. – Donde?

– По-моему, он спрашивает, куда, – сказал молодой человек и вдруг принялся на свой лад вдохновенно пояснять. Он подошел к своей машине, открыл дверцу, согнулся и стал словно бы заталкивать внутрь что-то тяжелое. Потом взмахнул руками в сторону Леона и произнес: – Унесенное ветром.

Мэр так и сел на первый подвернувшийся камень. Что же произошло? Неужели жандармы выследили их? Но жандармы наверняка дождались бы спутника отца Кихота, чтобы и его схватить! И почему они унесли отца Кихота на носилках? Они что, пристрелили его, а потом

перепугались? Он сидел, свесив голову под бременем мыслей.

– Бедняжка, – прошептала девушка, – как он скорбит по своему покойному другу. По-моему, лучше нам потихоньку смотаться отсюда.

Они подхватили рюкзаки и на цыпочках направились к своей машине.

– А все-таки интересно, – промолвила девушка, усаживаясь на сиденье, – но ужасно, ужасно грустно, конечно. У меня такое чувство, точно я побывала в церкви.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

Монсеньор Кихот встречается с епископом

Когда отец Кихот открыл глаза, он, к своему изумлению, обнаружил, что пейзаж с обеих сторон быстро движется, в то время как он спокойно лежит почти в том же положении, в каком заснул. Мимо промелькнули деревья, затем – дом. Он решил, что выпитое вино подействовало на его зрение, сокрушенно вздохнул, подумав, что неразумно себя ведет, решил быть посдержаннее в будущем и, снова закрыв глаза, тотчас заснул.

Вторично он проснулся от какой-то непонятной тряски, которая вдруг прекратилась, тело его провисло, и он почувствовал под собой вроде бы холодную простыню вместо шершавой травы, на которой раньше лежал. Все это было очень странно. Он закинул за голову руку, чтобы поправить подушку. И услышал женский голос, произнесший с возмущением:

– Пресвятая дева, и что это вы сотворили с бедным отцом Кихотом?

Другой голос произнес:

– Не волнуйся, женщина. Он скоро проснется. Пойди приготовь ему большую чашку крепкого кофе.

– Он пьет всегда чай.

– Тогда – чаю, да покрепче. А я побуду здесь, пока он не проснется, так что...

Но тут отец Кихот снова погрузился в сладостный покой сна. И приснилось ему, что он надул три воздушных шарика и выпустил в воздух – два были большие, а один маленький. Это его смущало. Ему захотелось поймать маленький и надуть его до такого же размера, как остальные. Тут он снова проснулся, поморгал раз-другой и совершенно отчетливо понял, что находится дома, в Эль-Тобосо, и лежит на своей старой кровати. Чьи-то пальцы щупали ему пульс.

– Доктор Гальван! – воскликнул он. – Это вы! Что вы делаете в Эль-Тобосо?

– Только не волнуйтесь, – успокаивающе произнес доктор. – Скоро вы будете в полном

порядке.

– А где Санчо?

– Санчо?

– Ну да, мэр.

– Мы оставили этого пьяницу там, где он валялся, – пусть проспится.

– А «Росинант»?

– Ваша машина? Он наверняка пригонит ее сюда. Если, конечно, не удерет за границу.

– А я как здесь очутился?

– Я счел за лучшее сделать вам маленький укол. Чтобы вы успокоились.

– Разве я был спокоен?

– Вы спали, но я подумал, что в данных обстоятельствах, увидев нас, вы можете... разволноваться.

– А кто был другой?

– Что значит – другой?

– Вы же сказали: «нас».

– О, ваш добрый друг отец Эррера был со мной.

– И вы привезли меня сюда против моей воли?

– Но это ведь ваш дом, мой старый друг, – Эль Тобосо. Где же вам будет лучше, когда надо немного отдохнуть?

– Не нуждаюсь я ни в каком отдыхе. И вы даже раздели меня!

– Мы сняли с вас верхнее платье – только и всего.

– А брюки!

– Вы не должны волноваться. Это вредно для вас. Поверьте, вам необходимо какое-то время побыть в покое. Сам епископ просил отца Эрреру найти вас и привезти домой, прежде чем дело слишком далеко пойдет. Отец Эррера позвонил мне в Сьюдад-Реаль. Тереса назвала ему меня, а поскольку у меня двоюродный брат служит в министерстве внутренних дел, жандармы оказали нам помощь и проявили понимание. Какое счастье, что вы позвонили Тересе из Леона.

В комнату вошла Тереса с чашкой чая в руках.

– Отец, отец! – воскликнула она. – Слава богу, вы живы и здоровы...

– Еще не совсем здоров, – поправил ее доктор Гальван, – но несколько недель покоя...

– Ну конечно, – несколько недель покоя! Я сейчас же встану. – Отец Кихот попытался было подняться и снова рухнул на постель.

– Немного кружится голова, да? Не волнуйтесь. Это просто от уколов. Мне пришлось в дороге

сделать вам еще два.

На солнце сверкнул белый воротничок, и в дверях показался отец Эррера.

– Как он? – спросил отец Эррера.

– Потихоньку приходит в себя, потихоньку.

– Вы оба виноваты, – заявил отец Кихот. – Похищение, лечение без согласия пациента...

– У меня есть недвусмысленное указание епископа вернуть вас домой, – пояснил отец Эррера.

– Que le den por el saco, al obispo, – изрек отец Кихот, и вслед за его словами в комнате воцарилась мертвая тишина. Даже сам отец Кихот поразился себе. И где он только мог научиться такому выражению, как оно могло так быстро и неожиданно слететь с его языка? Из каких глубин памяти оно возникло? Тут тишину внезапно нарушило хихиканье. Отец Кихот впервые слышал, чтобы Тереса смеялась. Он сказал:

– Я должен встать. Немедленно. Где мои брюки?

– Они у меня, – сказал отец Эррера. – То, что вы сейчас произнесли... я в жизни не смогу заставить себя повторить это... такие слова в устах священника, монсеньера...

У отца Кихота возникло дикое желание употребить ту же не подлежащую повторению фразу по поводу своего сана, но он сдержался.

– Немедленно принесите мне мои брюки, – сказал он, – я хочу встать.

– Эта непристойность показывает, что вы не в своем уме.

– Я же сказал вам: принесите мне мои брюки.

– Терпение, терпение, – произнес доктор Гальван. – Через несколько дней вы встанете. А сейчас вам необходим отдых. И прежде всего – никаких волнений.

– Брюки!

– Они будут у меня, пока вам не станет лучше, – заявил отец Эррера.

– Тереса! – воззвал отец Кихот к своему единственному другу.

– Он их запер в шкафу. Да простит меня господь, отче. Я ведь не знала, что он задумал.

– Вы что же, думаете, я буду тут лежать – в постели?

– Немного медитации вам не помешает, – сказал отец Эррера. – Вы вели себя крайне своеобразно.

– Не понимаю!

– Жандармы из Авилы сообщили, что вы поменялись с вашим спутником одеждой и дали им ложный адрес.

– Ничего они не поняли.

– В Леоне арестовали человека, который ограбил банк, он заявил, что вы дали ему ботинки и прятали его у себя в машине.

– Никакого банка он не грабил. Это был всего лишь магазин самообслуживания.

– Нам с его преосвященством пришлось немало похлопотать, чтобы убедить жандармов ничего не предпринимать против вас. Пришлось даже звонить его преосвященству епископу Авильскому и просить вмешаться. Очень помог также двоюродный брат доктора Гальвана. Ну и, конечно, сам доктор Гальван. Нам, по крайней мере, удалось убедить их, что вы страдаете нервным расстройством.

– Какая ерунда!

– Это самое милосердное объяснение вашего поведения. Словом, мы едва избежали большого скандала в Церкви. – И он уточнил: – Во всяком случае, пока.

– А теперь поспите немного, – сказал доктор Гальван отцу Кихоту. – В полдень – немного супа, – дал он указание Тересе, – а вечером, пожалуй, омлет. Никакого вина. Вечером я заеду и посмотрю, как наш пациент, но не буди его, если он заснет.

– И запомни, – сказал ей отец Эррера, – чтоб завтра утром, пока я буду служить мессу, ты прибрала гостиную. Я ведь не знаю, в котором часу приедет епископ.

– Епископ?! – воскликнула Тереса, и отец Кихот, словно эхо, повторил ее вопрос.

Отец Эррера даже не потрудился ответить. Он вышел из комнаты, закрыв за собою дверь, – не хлопнул ею, а щелкнул – так будет, пожалуй, точнее. Отец Кихот, не поднимаясь с подушки, повернул голову к доктору Гальвану.

– Доктор, – сказал он, – вы ведь давний мой друг. Помните, как у меня было воспаление легких?

– Конечно, помню. Пойдите-ка. Это было, должно быть, лет тридцать тому назад.

– Да. Я тогда очень боялся умереть. Столько было у меня всего на совести. Вы, наверное, забыли, что вы тогда говорили мне.

– Говорил, что надо пить как можно больше воды.

– Нет, вы сказали другое. – Он искал в памяти, но точные слова не приходили. – Вы сказали примерно так: подумайте, сколько миллионов людей умирает за одну минуту – гангстеры, и воры, и мошенники, и школьные учителя, и хорошие отцы и матери, банковские служащие и врачи, аптекари и мясники, – неужели вы в самом деле верите, что у Него есть время позаботиться о каждом или осудить?

– Я действительно так сказал?

– Более или менее так. Вы тогда не знали, как вы меня этим утешили. Сейчас вы слышали, что сказал отец Эррера: не господь, а епископ явится ко мне. Хотел бы я услышать от вас такое, что утешило бы меня перед его прибытием.

– Это куда труднее, – заметил доктор Гальван, – но вы, пожалуй, сами уже все сказали. «Пошел он к такой-то матери, этот епископ».

Отец Кихот строго следовал совету доктора Гальвана. Он спал, пока спалось; в полдень съел супа, а вечером – пол-омлета. При этом он подумал, насколько вкуснее был сыр, когда он ел его на открытом воздухе, запивая бутылкой ламанчского.

Утром он автоматически проснулся четверть шестого (ведь более тридцати лет он в шесть часов служил мессу в почти пустой церкви). А сейчас он лежал в постели и прислушивался к звуку закрывающейся двери, что будет означать, что отец Эррера отбыл, но дверь щелкнула лишь около семи. Отец Эррера явно изменил время мессы. Отец Кихот понимал, что боль, которую он при этом почувствовал, неоправданна. Ведь произведя это изменение, отец Эррера вполне мог увеличить свою паству человека на два-три.

Отец Кихот выждал минут пять (отец Эррера вполне мог что-нибудь забыть – к примеру, носовой платок) и затем на цыпочках прокрался в гостиную. На кресле, под подушкой, лежала тщательно сложенная простыня. Отец Эррера явно обладал добродетелью аккуратности, если аккуратность считать добродетелью. Отец Кихот окинул взглядом свои книжные полки. Увы! Он оставил свое любимое чтение в чреве «Росинанта». Святой Франциск Сальский, его обычный утешитель, путешествовал сейчас где-то по дорогам Испании. Он взял с полки «Исповедь» святого Августина, а также «Письма о духовной жизни» иезуита восемнадцатого века отца Коссада, в которых он, будучи еще семинаристом, порою находил утешение, и вернулся в постель. Тереса, услышав, что он ходит, принесла ему чашку чая с булочкой и маслом. Она была в прескверном настроении.

– Да за кого он меня принимает? – спросила она. – Извольте, видите ли, прибраться, пока он служит мессу. Да разве я не прибиралась у вас больше двадцати лет? Не нуждаюсь я, чтоб он или епископ указывали мне мой долг.

– Ты действительно думаешь, что епископ приедет?

– Да этих двоих водой не разольешь. Висят на телефоне и утром, и днем, и вечером – только этим и занимались, как вы уехали. И все – ваше преосвященство, да ваше преосвященство, да ваше преосвященство. Можно подумать, он с самим господом богом разговаривает.

– К моему предку, когда каноник привез его домой, – сказал отец Кихот, – епископ по крайней мере не являлся. И я предпочитаю доктора Гальвана этому дураку-цирюльнику, который рассказывал моему предку все эти сказки про сумасшедших. Ну как могли рассказы про сумасшедших вылечить его, если бы он в самом деле был сумасшедший, чему я ни секунды не верю. Впрочем, ладно, Тереса, надо видеть во всем что-нибудь светлое. Не думаю, чтобы они попытались сжечь мои книги.

– Может, жечь-то они и не станут, да только отец Эррера сказал мне, чтоб я держала ваш кабинет под замком. Он сказал, что не хочет, чтоб вы утомляли себя чтением разных книжек. Само собой, до приезда епископа.

– Но ты же не заперла дверь, Тереса. Видишь – у меня уже есть две книжки.

– Это я-то стану запираю от вас вашу собственную комнату, когда мне больно видеть, как этот молоденький священник расселся тут, точно у себя дома? Но когда приедет епископ, все равно лучше спрячьте-ка книжки под простыню. Эти двое одним миром мазаны.

Отец Кихот услышал, как отец Эррера вернулся после мессы; он услышал стук посуды: Тереса, готовя ему завтрак, грохотала ею на кухне в два раза громче, чем когда готовила ему. Он обратился к отцу Коссаду, которого было куда приятнее читать в постели, чем отца Йоне. Отец Кихот представил себе, что вот отец Коссад присел у его кровати, чтобы выслушать исповедь. Сколько дней прошло с тех пор, как он лежит, – четыре или пять?

«Отец, со времени моей последней исповеди десять дней тому назад...» Его снова смутило воспоминание о том, как на него напал смех, когда он смотрел тот фильм в Вальядолиде, и ни тени желания, которое доказало бы, что он такой же, как все люди, и породило бы у него чувство стыда. Возможно, именно в кино он и подцепил это вульгарное выражение, которое употребил применительно к епископу? Но ведь в фильме не было епископа. А непристойное

выражение вызвало смех у Тересы, доктор же Гальван даже повторил его. И отец Кихот мысленно сказал отцу Коссаду: «Если Тереса согрешила, рассмеявшись, а доктор Гальван согрешил, давая мне такой совет, – грех этот на мне, только на мне». Совершил он грех и похуже. Под влиянием вина он принизил Святого Духа, сравнив его с полбутылкой ламанчского. Да, список проступков, с которым он предстанет перед епископом, – безусловно, немалый, и это вызовет порицание, но боялся отец Кихот не епископа. Он боялся себя. У него было такое чувство, точно его задел крылом самый страшный из всех грехов – отчаяние.

Он наугад раскрыл «Письма о духовной жизни» отца Коссада. Первый отрывок, который он прочел, не имел к нему, насколько он мог понять, никакого отношения. «По моему убеждению, слишком частое общение с Вашими многочисленными родственниками и прочими мирянами служит препятствием на пути Вашего продвижения». Отец Коссад, правда, писал свои письма монахине, но все же... Священник и монахиня – это ведь почти одно и то же.

– Я никогда не хотел продвижения, – выкрикнул отец Кихот в пустоту, – никогда не хотел быть монсеньером, и у меня нет родственников, кроме троюродного брата в Мексике.

Уже без особой надежды он во второй раз раскрыл книгу, но теперь был вознагражден, хотя абзац, на котором задержался его взгляд, и начинался весьма обескураживающе: «Исповедовался ли я хоть раз в жизни по-настоящему? Простил ли меня Господь? В каком я нахожусь положении – хорошо или плохо?» Отец Кихот уже собирался закрыть книгу, но все-таки прочел дальше: «Я сразу отвечаю: Господь пожелал сокрыть все это от меня, чтобы я слепо отдался на Его милость. Я не желаю знать того, что Он не желает мне показывать, и я готов брести во тьме, если Он вознамерится меня в нее погрузить. Его дело – знать, насколько я продвинулся, мое же – думать только о Нем. Обо всем остальном Он сам позаботится – я предоставляю это ему».

– Я предоставляю это ему, – громко повторил отец Кихот; в этот момент дверь в его комнату открылась, и голос отца Эрреры возвестил:

– Его преосвященство здесь.

Станным образом отцу Кихоту на миг показалось, что отец Эррера вдруг состарился – воротничок у него был все такой же ослепительно белый, но и волосы стали белыми, и, конечно же, у отца Эрреры не было епископского перстня на пальце или большого наперсного креста на груди. Но со временем у него будет и то и другое, безусловно, будет, подумал отец Кихот.

– Извините, ваше преосвященство. Если вы любезно согласитесь подождать меня, я через несколько минут присоединюсь к вам в кабинете.

– Оставайтесь там, где вы есть, монсеньор, – сказал епископ. (Титул «монсеньор» он произнес явно кислым голосом). Достав из своего широкого рукава белый шелковый платок, он смахнул им пыль со стула у кровати, затем тщательно оглядел платок, проверяя, насколько он испачкался, опустился на стул и положил руку на простыню. Однако отец Кихот, понимая, что в лежачем положении невозможно опуститься на колени, решил, что в таком случае можно и не целовать епископу перстень, и епископ, помедлив немного, убрал руку. Затем он поджал губы и, с минуту подумав, выдохнул одно-единственное:

– Мда!

Отец Эррера, точно телохранитель, стоял в дверях. Епископ сказал ему:

– Можете оставить меня с монсеньером... – Слово это, казалось, обожгло ему язык, так как он искривился. -...мы побеседуем наедине.

И отец Эррера исчез.

Епископ стиснул крест, висевший на его пурпурном *pechera*, словно таким путем надеялся обрести мудрость более высокую, чем свойственно человеку. Отцу Кихоту показалось, что гроза прошла, когда он произнес:

– Я вижу, вы чувствуете себя лучше.

– Я чувствую себя вполне хорошо, – ответил отец Кихот. – Отпуск пошел мне на пользу.

– Не думаю, если судить по донесениям, которые я получил.

– Донесениям – о чем?

– Церковь всегда старается держаться над политикой.

– Всегда?

– Вы прекрасно знаете мое отношение к вашему злополучному соучастию в деятельности организации «*In Vinculis*».

– Это был спонтанный акт милосердия, ваше преосвященство. Признаюсь, я, право, не думал... Впрочем, творя милосердие, человек и не должен думать. Милосердие, как и любовь, должно быть слепо.

– Вас произвели в сан монсеньера по причинам, не поддающимся моему пониманию. А монсеньор всегда должен думать. Он должен оберегать достоинство Церкви.

– Я же не просил, чтобы меня делали монсеньером. Мне вовсе не нравится быть монсеньером. Поддерживать достоинство приходского священника Эль-Тобосо уже достаточно тяжелое для меня бремя.

– Я не обращаю внимания на все доходящие до меня слухи, монсеньор. То обстоятельство, что кто-то является членом «*Опус деи*», еще не означает, что на его свидетельство можно положиться. Я поверю вам, если вы дадите мне слово, что не заходили в Мадриде в определенный магазин и не спрашивали там кардинальскую шляпу.

– Это не я про нее спросил. Это была шутка со стороны моего друга – вполне невинная...

– Невинная? Насколько я понимаю, этот ваш друг – бывший мэр Эль-Тобосо. Коммунист. Вы выбираете себе очень неподходящих друзей и спутников, монсеньор.

– Мне нет нужды напоминать вашему преосвященству, что господь наш...

– О, да, да. Я знаю, что вы сейчас скажете. Это место насчет мытарей и грешников всегда цитируется в оправдание многих дерзостных поступков. Апостол Матфей, избранник господень, был сборщиком налогов – мытарем, из презренного сословия. Это, конечно, так, но между сборщиком налогов и коммунистом – огромная разница.

– Я полагаю, в некоторых восточных странах это вполне совместимо.

– Напомню вам, монсеньор, что господь наш был сыном божьим. Ему все было дозволено, но для бедного священника вроде вас или меня, не осмотрительнее ли идти по стопам апостола Павла? Вы же знаете, что он говорит в своем Послании Титу: «Ибо есть много и непокорных, пустословов и обманщиков... каковым должно заграждать уста...» [Библия. Послание к Титу]

Епископ сделал паузу, чтобы дать отцу Кихоту возможность откликнуться на его слова, но никакого отклика не последовало. Возможно, он принял это за добрый знак, так как,

продолжая беседу, отказался от «монсеньора», а употреблял более дружеское и товарищеское «отче».

– Ваш друг, отче, – сказал он, – видимо, очень много выпил и был пьян, когда вас обоих нашли. Он даже не проснулся, когда к нему обратились. Отец Эррера заметил также, что в вашей машине было много вина. Я понимаю, что в вашем нервном состоянии вино оказалось для вас великим соблазном. Я лично употребляю вино только во время мессы. Пить же я предпочитаю воду. Когда я беру в руки стакан, я представляю себе, что пью чистую воду Иордана.

– Наверное, не такую уж и чистую, – заметил отец Кихот.

– Что вы хотите этим сказать, отче?

– Ну, видите ли, ваше преосвященство, я не могу не думать о том, что сириец Нееман семь раз погружался в Иордан и оставил там всю свою проказу.

– Это древняя еврейская легенда о том, что было давным-давно.

– Да, я знаю, ваше преосвященство, и все же ведь это вполне может быть и правдивая история, а проказа – болезнь таинственная. Мы же не знаем, сколько евреев-прокаженных могли последовать примеру Неемана! Я, конечно, согласен с вами, что апостол Павел – надежный наставник, и вы, конечно, помните, что он писал Титу и другое... нет, я ошибся, это он писал Тимофею: «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего...» [Библия. Первое послание к Тимофею. 6, 23].

В спальне воцарилась тишина. Отец Кихот подумал, что, наверное, епископ пытается найти еще одну цитату из апостола Павла, но он ошибался. Пауза означала перемену темы, а не смену настроения.

– Чего я никак не могу понять, монсеньор, это что, по словам жандармов, вы обменялись одеждой с этим... с этим бывшим мэром, коммунистом.

– Мы не менялись одеждой, ваше преосвященство, я только дал ему свой воротничок.

Епископ закрыл глаза. Потерял терпение? Или же молится, чтобы собеседник понял его.

– Но зачем же надо было меняться даже воротничком?

– Мэр считал, что в таком воротничке мне, должно быть, очень жарко, и я дал ему попробовать. Я не хотел, чтобы он думал, будто я в чем-то доблестнее его... Военным или даже жандармам, наверное, куда труднее в жару ходить в своей форме, чем мне – в воротничке. Нам все-таки повезло, ваше преосвященство.

– До слуха священника в Вальядолиде дошел рассказ об епископе – или монсеньоре, – которого видели выходящим из кинотеатра, где показывали скандальный фильм, – ну, вы знаете, того рода, какие у нас стали показывать после смерти генералиссимуса.

– Возможно, бедный монсеньор не знал, на какой фильм он шел. Название ведь иной раз может быть обманчивым.

– Самое возмутительное в этой истории то, что епископ или монсеньор – вы же знаете, люди могут перепутать из-за *recher*, который мы с вами оба носим, – выходя из этого постыдного кинотеатра, смеялся.

– Ну, не смеялся, ваше преосвященство. Скорее улыбался.

- Я не могу понять, как вы могли пойти на такой фильм.
- Меня ввело в заблуждение совсем невинное название.
- Какое же это?
- «Молитва девы».

Епископ издал глубокий вздох.

– Иной раз хочется, – сказал он, – чтобы слово «дева» применялось лишь к богородице... ну, и еще, быть может, к членам религиозных орденов. Я вижу, вы вели очень уединенную жизнь в Эль-Тобосо и понятия не имеете, что в наших больших городах слово «дева» или «девственница» употребляется в своем сугубо преходящем смысле – часто для разжигания похоти.

– Признаюсь, ваше преосвященство, мне это в голову не пришло.

– Конечно, все это мелочи в глазах жандармов, сколь бы скандально это ни выглядело в глазах Церкви. Но мне и моему авильскому коллеге пришлось потратить немало усилий, чтобы убедить их закрыть глаза на то, что представляет собой уже серьезный

криминал. Нам пришлось обращаться к высокому чину в министерстве внутренних дел – по счастью, он оказался членом «Опус деи»...

– И, насколько я понимаю, двоюродным братом доктора Гальвана?

– Это едва ли имеет прямое отношение к делу. Он сразу понял, какой несказанный вред нанесет Церкви появление монсеньора на скамье подсудимых по обвинению в том, что он помог убийце бежать...

– Не убийце, ваше преосвященство. Он же промахнулся.

– Ну, значит, бандиту, ограбившему банк.

– Да нет же, нет. Это был магазин самообслуживания.

– Я бы просил вас не прерывать меня мелкими уточнениями. Жандармы в Леоне обнаружили на том человеке ваши ботинки – внутри была четко написана ваша фамилия.

– Это дурацкая привычка Тересы. Она, бедняга, конечно, делает это из самых добрых побуждений – просто боится, что сапожник после ремонта может вернуть не ту пару.

– Не знаю, монсеньор, намеренно вы это делаете или нет, но вы все время стремитесь внести в наш вполне серьезный разговор какие-то тривиальные и не относящиеся к делу подробности.

– Извините... это не намеренно... просто я подумал, что вам может показаться странным, почему у меня ботинки с меткой.

– Станным мне кажется то, что вы помогли преступнику бежать от закона.

– У него ведь был пистолет... но он, конечно, не применил бы его. Он бы ничего не выиграл, если бы нас пристрелил.

– Жандармы под конец приняли такое объяснение, хотя этот человек выкинул пистолет и отрицал, что он когда-либо у него был. Так или иначе, жандармы, видимо, установили, что, во-первых, вы спрятали его в своем багажнике и солгали им. Это-то вы делали не под угрозой

пистолета.

– Я им не солгал, ваше преосвященство. Пожалуй... словом, ответил немного уклончиво. Жандармы ведь напрямую не спросили, находится ли он у меня в багажнике. Конечно, я могу в свое оправдание заявить, что был под «большим моральным давлением». Отец Герберт Йоне отмечает, что преступник, привлеченный к суду, – а если стать на точку зрения закона, то я преступник, – может заявить: «невиновен», пользуясь общепринятой формулой, а на самом деле это означает: «Я не виновен перед законом, пока моя вина не доказана». Отец Йоне даже считает, что преступник может квалифицировать обвинение как клевету и представить доказательства своей предполагаемой невиновности, но тут отец Герберт Йоне, по-моему, заходит слишком далеко.

– Да кто такой этот отец Герберт Йоне?

– Выдающийся немецкий теолог-моралист.

– Слава богу, что не испанец.

– Отец Эррера с великим уважением относится к нему.

– Так или иначе, я приехал сюда не для того, чтобы рассуждать о теологии морали.

– Я всегда считал это крайне запутанным предметом, ваше преосвященство. К примеру, я не могу не удивляться по поводу концепции закона природы...

– И не для того я приехал, чтобы рассуждать о законе природы. У вас поразительный дар, монсеньор, отвлекаться от предмета.

– Какого предмета, ваше преосвященство?

– Тех скандалов, которые вы вызвали своим поведением.

– Но если меня обвиняют во лжи... разве это не из сферы теологии морали?

– Я очень, очень стараюсь поверить... – И епископ снова издал долгий вздох, что побудило отца Кихота с жалостью, но не без удовлетворения подумать, уж не страдает ли епископ астмой. -...повторяю:

очень стараюсь поверить, что вы тяжело больны и не понимаете, в каком опасном находитесь положении.

– Ну, мне кажется, это можно сказать про всех нас.

– Про всех нас?

– Я имею в виду – когда мы начинаем задумываться.

Епископ издал какой-то странный звук – отцу Кихоту это напомнило Тересиных куриц, когда они несутся.

– Ах, – произнес епископ, – к этому-то я и подхожу. Опасные мысли. Ваш спутник-коммунист, безусловно, навел вас на такие размышления...

– Ни на что он меня не наводил, ваше преосвященство. Просто дал мне повод задуматься. Видите ли, в Эль-Тобосо... я с большой теплотой отношусь к хозяину гаража (он так хорошо смотрит за «Росинантом»), а вот мясник – тот, в общем-то, человек премерзкий... я вовсе не хочу сказать, что люди мерзкие – совсем уж никудышные, и, конечно, есть монашки, которые готовят превосходные пироги, но в этот свой отпуск я почувствовал такую свободу...

- И похоже, это была весьма опасная свобода.
- Но ведь Он же даровал нам свободу, верно? Потому Его и распяли.
- Свободу... – повторил епископ. Слово прозвучало как взрыв. – Свободу нарушать закон? Вам, монсеньору? Свободу ходить на порнографические фильмы? Помогать убийцам?
- Нет, нет, я же сказал вам – он промахнулся.
- И взять себе в попутчики коммуниста! Рассуждать с ним о политике...
- Да нет же, нет. Мы дискутировали на более серьезные темы, чем политика. Хотя, должен признаться, я до тех пор понятия не имел, что Маркс столь благородно защищал Церковь.
- Маркс?
- В высшей степени непонятый человек, ваше преосвященство. Уверяю вас.
- Какие же книги вы читали во время этой... необычайной... экспедиции?
- Я всегда беру с собой святого Франциска Сальского. На сей раз, чтобы доставить удовольствие отцу Эррере, я взял с собой и отца Герберта Йоне. А мой друг дал мне почитать «Коммунистический манифест»... Нет, нет, ваше преосвященство, это совсем не то, что вы думаете. Конечно, я не могу согласиться со всеми мыслями, которые там изложены, но Маркс крайне трогательно воздает должное религии – он говорит о «священном трепете религиозного экстаза» [Маркс К., Энгельс Ф., «Манифест Коммунистической партии», I].
- Не могу я больше сидеть тут и слушать бред больного человека, – произнес епископ и поднялся.
- Я слишком надолго задержал вас, ваше преосвященство. То, что вы приехали ко мне в Эль-Тобосо, было великим актом милосердия с вашей стороны. Доктор Гальван заверит вас, что я вполне здоров.
- Телом – возможно. Я думаю, вам нужен врач совсем другого рода. Я, конечно, проконсультируюсь с доктором Гальваном, прежде чем писать архиепископу. И буду молиться за вас.
- Я очень благодарен вам за ваши молитвы, – сказал отец Кихот.

Он заметил, что епископ перед уходом не протянул ему для поцелуя руки с перстнем. Отец Кихот покори́л себя за то, что слишком вольно с ним разговаривал. «Огорчил я бедного человека, – подумал он. – С епископами, как и с людьми очень бедными и необразованными, следует быть особенно осторожным».

Из коридора за дверь донеслось перешептыванье. Затем в замке повернулся ключ. «Значит, я – пленник, – подумал отец Кихот, – совсем как Сервантес».

ГЛАВА II

Второе путешествие монсеньора Кихота

Отца Кихота разбудил звук клаксона – ту-ту-ту. Даже во сне он узнал голос «Росинанта», который ни с чем не спутаешь, – жалобный звук, не имеющий ничего общего с нетерпеливым, гневным, раздраженным зовом большой машины, – звук, просто возвещающий: «Я тут, если я вам нужен». Отец Кихот тотчас подошел к окну и выглянул на улицу, но «Росинант», должно быть, стоял где-то вне поля его зрения, ибо он увидел лишь ярко-синюю машину, а не ржаво-рыжую. Он подошел к двери, забыв, что она заперта, и потряс ручку. Голос Тересы откликнулся:

– Тихо, отец. Дайте ему еще минутку.

– Кому дать еще минутку?

– Отец Эррера пошел ведь принимать исповедь, но если в церкви никого нет, он в исповедальне долго сидеть не станет, так что я велела парню из гаража, чтоб он быстрее шел в церковь, пока отец Эррера еще там, да чтоб придумал подлиннее исповедь – надо ведь его задержать.

Отец Кихот ничего не понял. Он не один десяток лет прожил в Эль-Тобосо, но такого с ним еще не бывало. Отчего все так изменилось?

– Ты что, не можешь открыть дверь, Тереса? «Росинант» вернулся.

– Да знаю я. В жизни б не сказала, что это он, бедняжка, – еще бы: он теперь ведь ярко-синий и даже с новым номером.

– Пожалуйста, Тереса, открой дверь. Я должен посмотреть, что произошло с «Росинантом».

– Не могу, отец, потому как нет у меня ключа, но не волнуйтесь – он сдюжит, только потерпите еще минутку.

– Кто сдюжит?

– Мэр, конечно.

– Мэр? А где он?

– У вас в кабинете. Где же еще? Отец Эррера-то ведь запер ваш шкаф – вот мэр теперь его и открывает моей шпилькой да еще с помощью бутылки оливкового масла.

– А оливковое масло тут при чем?

– Не знаю, отец, но я верю мэру.

– А что там, в шкафу?

– Ваши брюки, отец, и вся верхняя одежда.

– Если он может открыть шкаф, почему же он не может открыть эту дверь?

– Именно это я ему и сказала, а он говорит про какие-то там приоритеты.

Отец Кихот решил терпеливо ждать, но терпение его подвергалось серьезному испытанию под влиянием комментариев Тересы.

– Ох, я думала, он уже открыл шкаф, но замок оказался больно крепкий, так что мэр взял теперь лезвие отца Эрреры. Ох, и достанется же нам, потому как отец Эррера все их на счету держит... Ну вот, теперь он сломал лезвие. Господи ты боже мой! Ковыряется маникюрными ножницами отца Эрреры... Стойте, стойте, потерпите немножко... слава тебе господи,

открыл. Надеюсь только, дверь он откроет быстрее, не то отец Эррера того и гляди вернется – у парня-то из гаража не хватит ведь смекалки так долго его там держать.

– Как вы, отче, в порядке? – слышался из-за двери голос мэра.

– В полном порядке, но что вы сотворили с «Росинантом»?

– Я остановился у моего приятеля в Вальядолиде и подновил «Росинанта», чтоб жандармы не узнали его, – во всяком случае, с первого взгляда. Сейчас я займусь вашей дверью.

– Не старайтесь. Я могу и в окно вылезти.

«Хорошо, – подумал отец Кихот, – что никто не видит, как местный священник вылезает в пижаме из своего окна и стучит в собственную дверь». Тереса из скромности ретировалась на кухню, и отец Кихот поспешно оделся у себя в кабинете.

– Дверцу шкафа вы, конечно, испортили, – сказал он.

– Ее оказалось труднее открыть, чем я думал. Что вы ищете?

– Воротничок.

– Вот – держите. А ваш слюнявчик у меня в машине.

– Он уже стоил мне немалых неприятностей. Я не надену его больше, Санчо.

– Но мы его возьмем с собой. Он может нам пригодиться. Никогда ничего заранее нельзя сказать.

– Что-то я носков нигде не вижу.

– Ваши пурпурные носки у меня. И ваши новые ботинки тоже.

– Я искал старые. Извините. С ними я, конечно, навсегда уже распростился.

– Они теперь у жандармов.

– Да. Я забыл. Епископ ведь сказал мне. Я полагаю, нам пора. Надеюсь, беднягу епископа не хватит удар.

Тут взгляд его упал на конверт. Отец Кихот должен был бы еще раньше его заметить – конверт стоял на двух старых, еще из семинарии, учебниках отца Кихота, прислоненный к третьему. Автор письма явно хотел, чтобы оно сразу бросилось в глаза. Отец Кихот взглянул на конверт и сунул письмо в карман.

– Что это? – спросил мэр.

– По-моему, письмо от епископа. Я слишком хорошо знаю его почерк.

– Вы не намерены его читать?

– Скверные вести могут и подождать, пока мы не разопьем бутылочки ламанчского.

Он прошел на кухню попрощаться с Тересой.

– Право не знаю, как ты все объяснишь отцу Эррере.

– Это не мне, а ему придется объяснять. С какой это стати он запер вас в вашей собственной комнате в вашем собственном доме, да еще отобрал у вас вашу собственную одежду.

Отец Кихот поцеловал Тересу в лоб, на что за все годы совместного существования ни разу не отважился.

– Да благословит тебя господь, Тереса, – сказал он. – Ты была очень добра ко мне. И терпелива. Долго меня терпела.

– Хоть скажите, куда вы едете-то, отче?

– Лучше тебе этого не знать, потому что все будут тебя об этом спрашивать. Но я могу тебе сказать, что по воле божией уезжаю надолго отдохнуть в тихом месте.

– С этим коммунистом?

– Не говори, как епископ, Тереса. Мэр был мне добрым другом.

– Вот уж не представляю, чтобы такой человек мог долго отдыхать в тихом месте.

– Никогда нельзя знать заранее, Тереса. И более странные вещи уже случались с нами в пути.

Он повернулся было, направляясь к выходу, но ее голос вернул его.

– Отче, такое у меня чувство, точно мы с вами прощаемся навсегда.

– Нет, нет, Тереса, для христианина прощания навсегда не существует.

Он поднял было руку, чтобы по привычке осенить ее крестным знаменем, но так и не довел жеста до конца.

«Я верю в то, что я ей сказал, – сказал он себе, выходя на улицу к мэру, – я, конечно, в это верю, но почему же, когда речь идет о веровании, я всегда чувствую, как появляется тень, тень неверия, омрачающая мое верование?»

– Куда мы поедем? – спросил мэр.

– А нам непременно нужно составить план, Санчо? В прошлый раз мы побыли немного в одном месте, немного в другом – как придется. Вы, конечно, со мной не согласитесь, но в известном смысле мы тогда полагались на волю божью.

– Значит, ваш господь оказался не очень надежным проводником, ведь вас привезли назад в Эль-Тобосо как пленника.

– Да. Но кто знает? Пути господни неисповедимы – быть может, он хотел, чтобы я встретился с епископом.

– Ради епископа – или ради вас?

– Откуда же мне знать? По крайней мере, я кое-чему научился у епископа, хотя сомневаюсь, чтобы он чему-либо научился у меня. Но разве можно быть в чем-то уверенным?

– Так куда же ваш бог предлагает нам сейчас ехать?

– Почему бы нам не держаться того же пути?

– Та же мысль может явиться и жандармам. Когда епископ оповестит их, что мы снова на воле.

– Ну, не в точности того же пути. Я не хочу возвращаться в Мадрид... или в Вальядолид. Эти города не оставили у меня приятных воспоминаний – если не считать дома историографа.

– Историографа?

– Великого Сервантеса.

– Надо решать быстрее, отче. На юге слишком жарко. Значит, едем на север – куда: к баскам или к галисийцам?

– Я согласен.

– Согласны с чем? Вы же не ответили на мой вопрос.

– Предоставим господу заботу о деталях.

– А кто поведет машину? Вы уверены, что господь выдержал экзамен и получил водительские права?

– Конечно, я поведу. «Росинант» не поймет, если я буду сидеть в машине как пассажир.

– По крайней мере поедете на разумной скорости. Мой друг в Вальядолиде сказал, что из этой машины вполне можно выжимать восемьдесят, а то и сто километров.

– Как он может судить о «Росинанте» после одного короткого осмотра!

– Я сейчас не стану с вами препираться. Пора в путь.

Но они не смогли так вот сразу покинуть Эль-Тобосо. Не успел отец Кихот включить малую скорость, как раздалось:

– Отче, отче!

Сзади по дороге к ним бежал паренек.

– Не обращайтесь внимания, – сказал мэр. – Нам нужно убираться отсюда.

– Я должен остановиться. Это же тот мальчик, который работает на бензонасосе в гараже.

Паренек, еле переводя дух, подбежал к ним.

– Ну, что случилось? – спросил отец Кихот.

– Отче, – произнес он, – отче...

– Я же сказал – что случилось?

– Он отказался отпустить мне грехи, отче. Я что, пойду теперь в ад?

– Очень сомневаюсь. А что ты натворил? Убил отца Эрреру? Но даже и в таком случае вовсе необязательно, чтобы ты попал в ад. Если у тебя была для этого достаточно весомая причина.

– Как же я мог его убить – ведь это он отказался мне отпустить грехи?

– Достаточно логично. А почему он тебе отказал?

– Он сказал, что я издеваюсь над исповедью.

– О, господи, я же совсем забыл. Это Тереса послала тебя... Нехорошо она поступила. Правда, намерения у нее были самые благие, и я уверен, вы оба получите отпущение грехов. Но она сказала мне, что у тебя маловато смекалки. Так почему же все-таки отец Эррера отказал тебе в отпущении грехов? Что ты такого насочинял?

– Я только сказал ему, что переспал с целой кучей девчонок.

– Ну, в Эль-Тобосо их не так уж и много, если не считать монахинь. Ты же не говорил ему, что спал с монашкой, или сказал?

– Я в жизни б не сказал такого, отче. Я же секретарь Общества детей пресвятой девы Марии.

– А отец Эррера к концу жизни наверняка станет членом «Опус деи», – заметил мэр. – Поехали же, ради всего святого.

– Все-таки, что же ты ему сказал и что он сказал тебе?

– Я сказал: «Благословите, отче. Я согрешил...»

– Нет, нет, опусти все эти предисловия.

– Ну, я ему сказал, что опаздывал к мессе, и он спросил, сколько раз, а я сказал – двадцать, а потом я сказал ему, что я привирал, и он спросил – сколько раз, а я сказал – сорок пять.

– Что-то многовато у тебя получилось, верно? А потом?

– Ну, я ничего не мог больше придумать, и я боялся, что Тереса рассердится, если я его дольше не задержу.

– Передай ей от меня, когда увидишь, что не мешало бы ей завтра исповедоваться на коленях.

– А потом он спросил, не согрешил ли я против целомудрия, голова у меня сразу заработала, и я сказал, ну, сказал, что спал с девчонками, и он спросил – со сколькими, а я сказал: «Да штук шестьдесят пять будет», и тогда очень он разозлился и выставил меня из исповедальни.

– Неудивительно.

– Так что же, я теперь в ад пойду?

– Если кто и пойдет в ад, так это Тереса – передай ей, что я так сказал.

– Ужас сколько я всего наплел в исповедальне. Я-то ведь только один раз опоздал к мессе и то по уважительной причине – такая была прорва туристов на заправке.

– А сколько раз ты врал?

– Да раза два или три, не больше.

– А как насчет девчонок?

– Да разве найдешь в Эль-Тобосо хоть одну, которая всерьез занялась бы делом, – так они боятся монашек.

Тут мэр произнес:

– Я вижу отца Эррера – он идет из церкви.

– Послушай меня, – сказал отец Кихот, – покайся и обещай мне, что больше не будешь врать в исповедальне, даже если Тереса попросит тебя. – Он умолк, а паренек пробормотал что-то.

– Так ты обещаешь?

– Да, обещаю, отче. Почему не обещать? Я ведь к исповеди-то хожу не чаще раза в год.

– Скажи: «Даю обещание господу перед вами, отче».

Паренек повторил за ним, и отец Кихот быстро пробормотал отпущение грехов.

Мэр сказал:

– Этот чертов священник всего в ста шагах от нас, отче, и он набирает скорость.

Отец Кихот включил мотор, и «Росинант» подпрыгнул, как антилопа.

– В самое время, – сказал мэр. – Но он бежит сзади почти с такой же скоростью, как наш «Росинант». Ох, этот парень, да благословит его господь, сущее сокровище. Он подставил ногу, и тот споткнулся.

– Если в исповеди этого паренька и было что не так, – вина на мне, – произнес отец Кихот. Обращался ли он при этом к себе, к богу или к мэру, так навсегда и останется неизвестным.

– Переключите «Росинанта» хотя бы на пятьдесят. Старина ведь даже не старается. А священник мигом оповестит жандармов.

– Никакой спешки пока что нет – зря вы так думаете, – сказал отец Кихот. – Сначала он кучу всего наговорит парнишке, потом захочет перемолвиться с епископом, а епископа какое-то время не будет дома.

– Он может сначала позвонить жандармам.

– Никогда в жизни... Он человек осторожный, как все секретари.

Они достигли шоссе, ведущего на Аликанте, и мэр нарушил молчание.

– Налево! – резко произнес он.

– Не в Мадрид же, конечно? Куда угодно, только не в Мадрид.

– Никаких городов, – заявил мэр. – Там, где встретим проселочную дорогу, будем ехать по ней. Я почувствую себя спокойнее, только когда мы доберемся до гор. У вас, очевидно, нет паспорта?

– Нет.

– В таком случае нам нельзя укрыться в Португалии.

– Укрыться – от чего? От епископа?

– Вы, видно, не понимаете, отче, какое серьезное преступление вы совершили. Вы же освободили галерного раба.

– Бедняга! Все, что он приобрел, – это мои ботинки, причем не намного лучше его собственных. Он был обречен на неудачу. Я всегда считаю, что вечные неудачники – а у него ведь даже бензин кончился – куда ближе к богу, чем мы. Я, конечно, помолюсь моему предку за него. Как часто Дон Кихота подстерегали неудачи! Даже с ветряными мельницами.

– В таком случае, вы уж помолитесь ему хорошенько за нас обоих.

– О, да, помолюсь. Помолюсь. У нас с вами, Санчо, пока было не так уж много неудач. Видите, вы, я и «Росинант» – мы все трое снова в пути и на свободе.

У них ушло более двух часов на то, чтобы кружным путем добраться до городка под названием Мора. Там они выехали на шоссе, ведущее в Толедо, но следовали по нему всего несколько минут.

– Надо пробираться к Толедским холмам, – сказал мэр. – Это шоссе – не для нас.

Они развернулись и какое-то время ехали по извилистой и очень неровной дороге – судя по солнцу, они, похоже, описали полукруг.

– Вы знаете, где мы находимся? – спросил отец Кихот.

– Более или менее, – не очень уверенно ответил мэр.

– Я что-то немного проголодался, Санчо.

– Ваша Тереса надавала нам столько колбасы и сыра, что хватит на неделю.

– На неделю?

– Гостиницы ведь не для нас. Как и шоссе.

В холмах вокруг Толедо, забравшись достаточно высоко, они нашли удобное место, где могли съехать с дороги, укрыться от чужих глаз вместе с «Росинантом» и поесть. К тому же там оказался ручей, где они могли охладить вино, – он бежал вниз, в находившееся под ними озеро, которое, как мэр не без труда определил по карте, называлось Торре-де-Абрахам.

– Вот только почему его называли по имени этого старого мерзавца Авраама – понять не могу.

– Почему вы говорите, что он – мерзавец?

– Разве он не готов был убить собственного сына? О, конечно, был там мерзавец и похуже – тот, кого вы именуете господом: ведь этот омерзительный поступок совершил он. Это он подал пример, и Сталин, подражая ему, перебил своих духовных сыновей. При этом чуть не убил и коммунизм вместе с ними, как курия убила католическую Церковь.

– Не совсем, Санчо. Несмотря на все старания курии, рядом с вами, во всяком случае, сидит один католик.

– Да, а рядом с вами – коммунист, который все еще жив, несмотря на Сталина. Мы с вами уцелели, отче. Давайте выпьем за это. – И он вытащил бутылку из ручья.

– За двух уцелевших, – сказал отец Кихот и поднял стакан. Он испытывал вполне здоровую жажду, и его всегда удивляло то, что биограф его предка так редко упоминал о вине. Историю с бурдюками, которые продырявил Дон Кихот, сочтя их за врагов, едва ли можно принимать в расчет. Отец Кихот снова наполнил свой стакан. – Мне кажется, – сказал он мэру, – что вы больше верите в коммунизм, чем в партию.

– Я примерно то же самое собирался сказать про вас, отче: что вы, похоже, больше верите в католицизм, чем в Рим.

– Верю? Ах, верю... Возможно, вы и правы, Санчо. Но возможно, вовсе не верование имеет значение.

– Что вы хотите этим сказать, отче? Я думал...

– Вот Дон Кихот – он действительно верил в существование Амадиса Гальского, Роланда и всех своих героев... или же верил лишь в те добродетели, которые они олицетворяли собой?

– Вы заходите в опасные воды, отче.

– Знаю, знаю. В вашем обществе, Санчо, я мыслю свободнее, чем когда я один. Когда я один, я читаю – прячусь в книги. В них я нахожу веру в людей, которые лучше меня, а когда я обнаруживаю, что моя вера, как и тело, с возрастом слабеет, тогда я говорю себе, что я, наверное, не прав. Это моя вера говорит мне, что я, должно быть, не прав... или всего лишь вера тех людей, которые лучше меня? Это моя вера говорит или вера святого Франциска Сальского? Да и имеет ли это такое уж значение? Передайте-ка мне сыру. До чего же от вина у меня развязывается язык!

– Знаете, что привлекло меня к вам в Эль-Тобосо, отче? Не то, что вы единственный образованный человек в нашем селении. Я вообще-то не так уж и люблю образованных. Со мной лучше не говорить об интеллигенции или культуре. Вы привлекли меня тем, что, как мне думалось, были моей противоположностью. Человек ведь устает от себя, от этого лица, которое он видит каждый день, когда бреется, а все мои друзья из того же теста, что и я сам. Поеду я, к примеру, в Сьюдад-Реаль на партийное собрание, – а их теперь спокойно проводят после того, как не стало Франко, – мы там называем друг друга «товарищ» и в то же время немного боимся, потому что каждый знает другого не хуже, чем самого себя. Мы цитируем друг другу Маркса и Ленина, как пароль, доказывающий, что нам можно доверять, и никогда не говорим о тех сомнениях, которые являются нам в бессонные ночи. Меня привлекло к вам то, что, как мне казалось, у вас нет сомнений. Меня привлекла к вам, я так думаю, в известной мере зависть.

– До чего же вы ошибались, Санчо. Я одержим сомнениями. Я ни в чем не уверен, даже в существовании бога, но сомнения – это не предательство, как вы, коммунисты, кажется, думаете. Сомнения свойственны человеку. О, я хочу верить, что все – истинная правда, и это мое желание – единственное, в чем я уверен. Я хочу, чтобы и другие верили, – тогда, быть может, частица их веры перейдет и на меня. Булочник, по-моему, верит.

– Вот такая вера, я думал, есть и у вас.

– Ах, нет, Санчо, тогда я, наверное, мог бы сжечь мои книги и жить совсем один, зная, что все – истинная правда. «Зная»? До чего же это должно быть страшно. М-да, это ваш предок или мой любил говорить: «Терпите и тасуйте карты»?

– Немножко колбасы, отче?

– Сегодня я, пожалуй, буду держаться сыра. Колбаса – это для более крепких людей.

– Пожалуй, и я сегодня буду держаться сыра.

– Не открыть ли нам еще бутылочку?

– А почему бы и нет?

И вот по мере того, как день клонился к вечеру, за второй бутылкой вина Санчо сказал:

– Я должен кое в чем признаться вам, отче. О нет, не в исповедальне. Я хочу просить прощения не у этой вашей или моей мифической фигуры, которая там, наверху, а только у вас. – Он помолчал, вертя в руках стакан. – Если бы я не приехал и не забрал вас, что бы произошло?

– Не знаю. Мне кажется, епископ считает меня сумасшедшим. Возможно, они попытались бы засадить меня в сумасшедший дом, хотя не думаю, чтобы доктор Гальван согласился помочь им. Каково правовое положение человека, у которого нет родственников? Можно его посадить под замок против воли? Быть может, епископ с помощью отца Эрреры... Ну и потом, всегда ведь остается еще архиепископ... Они ни за что не забудут того случая, когда я дал немного денег «In Vinculis».

– Тогда и возникли мои дружеские чувства к вам, хотя мы едва ли перемолвились словом.

– Вот так же обучаются служить мессу. Этому обучаются в семинарии, чтобы уж никогда не забыть. О, господи, я же совсем забыл...

– Что?

– Да ведь епископ оставил мне письмо. – Отец Кихот достал его из кармана и повертел в руках.

– Да ну же! Вскрывайте. Не смертный же это приговор.

– Как знать?

– Дни Торквемады давно прошли.

– Пока существует Церковь, всегда будут маленькие Торквемады. Дайте мне еще стаканчик вина. – И он медленно принялся его пить, чтобы отсрочить момент познания истины.

Санчо взял из рук Кихота письмо и вскрыл его. Он сказал:

– Во всяком случае, оно достаточно короткое. Что значит – «Suspension a Divinis»? [приостановить богослужения (лат.)]

– Я так и думал: это смертный приговор, – сказал отец Кихот. – Давайте сюда письмо. – Он поставил стакан, не допив вина. – Я больше не боюсь. Когда человек мертв, с ним уж ничего больше сделать нельзя. Остается только уповать на милость господню. – И он прочел вслух письмо:

«Дорогой монсеньор, мне было крайне огорчительно услышать из Ваших уст подтверждение справедливости обвинений, которые – я был почти уверен – могли объясняться недопониманием, преувеличением или злобой».

Какой лицемер! Впрочем, лицемерие епископу, наверное, почти необходимо и считалось бы отцом Гербертом Йоне весьма простительным грехом.

"Тем не менее, в данных обстоятельствах я готов счесть обмен одеждой с Вашим спутником-коммунистом не символическим вызовом, брошенным Святому Отцу, а следствием тяжелого умственного расстройства, которое затем побудило Вас помочь мошеннику бежать от правосудия, а также бесстыдно отправиться в пурпурном речега монсеньера на омерзительный порнографический фильм, о подлинном характере которого достаточно ясно оповещала буква "С". Я обсудил Ваше состояние с доктором Гальваном, который вполне согласен со мной, что Вам нужен длительный отдых, о чем я и напишу архиепископу. А пока я считаю своим долгом объявить вам о «Suspense a Divinis».

– Что же этот смертный приговор в точности означает?

– Он означает, что я не должен служить мессу – ни в церкви, ни дома. Но дома, в уединении моей спальни, я, конечно, буду ее служить, ибо я невиновен. Не имею я права и принимать исповеди – разве что в самом крайнем случае. Я остаюсь священником, но священником

только для себя. Никому не нужный священник, которому запрещено служить другим. Я рад, что вы приехали и забрали меня. Разве мог бы я вынести такую жизнь в Эль-Тобосо?

– Вы могли бы апеллировать в Рим. Вы же монсеньор!

– Даже монсеньор может затеряться в пыльной картотеке курии.

– Я сказал вам, что мне надо кое в чем признаться, отче. Еще немного – и я за вами не приехал бы. – Теперь уже мэр выпил, чтобы придать себе храбрости. – Когда я обнаружил, что вы исчезли – а неподалеку были двое американцев, которые видели, что произошло, они считали вас мертвым, но я-то знал, что это не так, – я подумал: «Возьму-ка я „Росинанта“ и двину в Португалию». Там у меня есть хорошие друзья по партии, вот я и подумал: «Побуду-ка там немного, пока весь шум не уляжется».

– Но вы же не уехали.

– Я поехал в Понферраду и там выбрался на шоссе, ведущее в Оренсе. От этого шоссе, как я увидел на карте, ответвляется проселочная дорога, по которой я и решил поехать – до границы там оставалось бы меньше шестидесяти километров. – Он передернул плечами. – Ну и вот добрался я до этой проселочной дороги, развернулся и поехал назад в Вальядолид, а там попросил приятеля, владельца гаража, перекрасить машину и снова поменять ей номер.

– Но почему же вы не поехали дальше?

– Да посмотрел я на эти ваши чертовы пурпурные носки, и этот ваш слюнявчик, и новые ботинки, которые мы купили вам в Леоне, и вдруг вспомнил, как вы надули тот шарик.

– Это не выглядит достаточно серьезным основанием.

– Для меня это было достаточно серьезно.

– Я рад, что вы приехали за мной, Санчо. С вами и с «Росинантом» я чувствую себя в безопасности, в большей безопасности, чем там, с отцом Эррерой. Эль-Тобосо для меня уже больше не дом родной, а другого дома у меня нет, кроме этого места на земле, рядом с вами.

– Надо вам найти другой дом, отче, – вот только где?

– Где-нибудь в тихом месте, где мы с «Росинантом» сможем немного отдохнуть.

– И где жандармы с епископом не найдут вас.

– Вы говорили о монастыре траппистов [члены основанного в 1664 г. католического монашеского ордена, которые дают обет молчания; трапписты привержены вегетарианству; занимаются физическим трудом] в Галисии... Только вы там не будете чувствовать себя, как дома, Санчо.

– Я мог бы оставить вас с ними, нанять машину в Оренсе и перебраться на ней через границу.

– Я не хочу, чтобы наше совместное путешествие окончилось. Пока смерть не разлучит нас, Санчо. Мой предок умер у себя в постели. Возможно, он бы прожил дольше, если бы продолжал свои странствия. А умирать я еще не собираюсь, Санчо.

– Меня тревожат компьютеры жандармов. «Росинант» довольно хорошо закамуфлирован, но на границе могут быть даны наши приметы.

- Нравится вам это, Санчо, или нет, но я думаю, придется вам побыть недельку-другую с траппистами.
- Уж больно плохо там кормят.
- Да и вино тоже, наверное, не лучше.
- Надо нам по пути запастись галисийским вином. А то наше ламанчское почти кончилось.

ГЛАВА III

О последнем приключении монсеньора Кихота, которое произошло с мексиканцами

Три ночи они спали под открытым небом, осторожно продвигаясь по малоезженным дорогам сначала среди Толедских холмов, затем через Сьерра-Гвадалупе, где «Росинанту» тяжело пришлось – еще бы, взбираться на высоту восьмисот метров – и затем еще более тяжело, когда они попали в Сьерра-Гредос, где дорога на протяжении полутора тысяч метров петляла по горам, так как они решили объехать Саламанку и направиться напрямик к реке Дуэро, отделявшей их от безопасной Португалии. Ехали они в горах очень медленно, но мэр предпочитал горы кастильским долинам, поскольку в горах далеко видно и можно издали заметить казенный джип, да и деревеньки слишком малы, чтобы держать в них пост жандармов. Словом, они петляли по третьеразрядным дорогам, избегая даже второразрядных, обозначенных желтым на карте. Что же до шоссе, обозначенных красным, – эти дороги они полностью исключили.

Как только наступала темнота, сразу становилось холодно, и они охотно стали пить вместо вина виски, заедая его сыром и колбасой. Потом они с трудом засыпали, свернувшись клубком в машине. Когда наконец они вынуждены были спуститься в долину, мэр с тоской посмотрел на указатель, нацеленный в сторону Португалии.

- Будь у вас паспорт, – сказал он, – мы могли бы отправиться в Браганцу. Я предпочитаю моих тамошних товарищей испанцам. Куньял куда лучше Каррильо.
- А я считал, что Каррильо по коммунистическим меркам – приличный человек.
- Еврокоммунисту нельзя доверять.
- Но вы же не сталинист, Санчо?
- Я не сталинист, но от сталинистов хоть знаешь, чего можно ждать. Они не иезуиты. Они не вертятся, как флюгер. Если они жестоки, то жестоки и к себе. Когдаходишь к концу самого длинного из всех путей, ложись и отдыхай – отдыхай от споров, разных теорий и модных веяний. Можно сказать: «Я не верю, но приемлю» – и замолчать, как молчат трапписты. Трапписты – это ведь церковники-сталинисты.
- В таком случае из вас вышел бы хороший траппист.
- Возможно, только я не люблю рано вставать.

Добравшись до Галисии, они остановились в селении, чтобы узнать, у какого винодела можно купить хорошего вина, так как у них осталось всего несколько бутылок ламанчского, а мэр не

доверял вину с этикетками. Отсутствовал он целых десять минут и вернулся такой мрачный, что отец Кихот с тревогой спросил:

– Дурные вести?

– О нет, я получил адрес, – сказал он и пояснил, по какой дороге им надо ехать; следующие полчаса он не говорил ни слова, показывая лишь рукой, куда сворачивать, однако молчание Санчо было столь тягостным, что отец Кихот решил его прервать.

– Вы чем-то встревожены, – сказал он. – Из-за жандармов?

– О, жандармы! – воскликнул мэр. – С жандармами мы справимся. Разве мы уже не справлялись с ними – и притом неплохо – под Авилой и по дороге на Леон? Да плевал я на жандармов.

– Тогда что же вас расстраивает?

– Не люблю я, когда чего-то не понимаю.

– И чего же вы не понимаете?

– Этих невежественных крестьян и их жуткий выговор.

– Они же галисийцы, Санчо.

– И они знают, что мы – нездешние. Так что же они считают, мы чему угодно поверим?

– А что они вам наговорили?

– Они сделали вид, будто очень хотят посоветовать нам вино получше. И принялись спорить между собой по поводу трех виноградников – белое вино-де лучше у одного хозяина, красное – у другого, и еще вздумали меня предупредить, да так при этом серьезно. Считают, что я полный дурак, раз нездешний. Какие же они бахвалы, эти галисийцы! Вы у нас найдете лучшее вино в Испании, заявили они мне, точно наше ламанчское – конская моча.

– Но о чем же они все-таки вас предупреждали?

– Один из виноградников находится около местечка по имени Леариг. Так вот они сказали: «От этого места держитесь подальше. Там одни мексиканцы». И больше ничего. А потом крикнули мне вслед: «Держитесь подальше от тех мест, где мексиканцы. Их священники портят даже вино».

– Мексиканцы?! Вы уверены, что правильно расслышали?

– Я же не глухой.

– Что же это должно означать?

– Должно быть, Панчо Вилья [настоящее имя: Франсиско (1877-1923) – руководитель крестьянского движения на севере Мексики в период Мексиканской революции 1910-1917 гг.; убит реакционерами] воскрес из мертвых и грабит Галисию.

Они проехали еще с полчаса и вступили в винные края. Справа от них склоны холмов зеленели виноградниками, а слева ютилось ветхое селение, прилепившееся, точно брошенный труп, к скале, – то тут, то там торчали полуразрушенные дома словно зубы во рту, где добрая их половина выбита.

Мэр сказал:

– Не будем сворачивать в селение. Проедем еще пятьдесят ярдов, оставим машину и пойдем по тропинке вверх.

– Куда – вверх?

– Они назвали его сеньором Диего. Под конец эти идиоты пришли все же к согласию, что у него наилучшее вино. «Мексиканцы туда еще не добрались», – сказали они.

– Опять мексиканцы! Я начинаю немного нервничать, Санчо.

– Мужайтесь, отче. Вас не устрашили ветряные мельницы, почему же вас должна устроить какая-то горстка мексиканцев? Вот это, должно быть, нужная нам тропинка, так что оставим машину здесь.

Они пристроили «Росинанта» за «мерседесом», уже узурпировавшим лучшее место.

Не успели они двинуться вверх по тропинке, как навстречу им попался плотный мужчина в элегантном костюме и ярком полосатом галстуке, быстро спускавшийся вниз. Он очень разгневанно что-то бормотал про себя. Они чуть не столкнулись с ним, так как он вдруг остановился и загородил им дорогу.

– Вы идете наверх за вином? – резко спросил он их.

– Да.

– Можете не стараться, – сказал мужчина. – Он сумасшедший.

– Кто сумасшедший? – спросил мэр.

– Сеньор Диего, конечно. Кто же еще? У него там целый погреб хорошего вина, а он не дал мне попробовать ни стакана, хотя я готов был купить десяток ящичков. Он сказал, что ему не нравится мой галстук.

– Ну, насчет вашего галстука мнения могут быть разные, – осторожно заметил мэр.

– Я сам делец, и вот что я вам скажу: так дела не делают. Просто сейчас у меня нет времени искать вино в другом месте.

– А почему такая спешка?

– Да потому, что я обещал вино священнику. А я всегда выполняю обещания. Тот делец хорош, который выполняет обещания. А я обещал священнику добыть вина. Я же дал это обещание церкви.

– А зачем церкви десять ящичков вина?

– Дело не только в том, что я не сдержу обещания. Я могу из-за этого потерять место в крестном ходе. Если, конечно, священник не согласится взять вместо вина деньгами. Чеки он не берет. Пропустите меня, пожалуйста. Не могу я здесь стоять с вами и разговаривать, просто я хотел вас предупредить...

– Ничего не понимаю, что происходит, – заметил отец Кихот.

– Я тоже.

Тропинка кончалась у дома, сильно нуждавшегося в ремонте; под фиговым деревом стоял стол с остатками еще не убранного завтрака. К отцу Кихоту и Санчо поспешно вышел молодой человек в джинсах. Он сказал:

– Сеньор Диего никого сегодня не принимает.

– Да мы зашли только купить немного вина, – сказал мэр.

– Боюсь, это невозможно. Сегодня, во всяком случае. И можете не говорить мне про праздник. Сеньору Диего нет никакого дела до праздника.

– Да нам нужно вино не для праздника. Мы просто путешествуем, и у нас кончились запасы вина.

– Так вы не мексиканцы?

– Нет, мы не мексиканцы, – весьма убежденно произнес отец Кихот. – Смилостивьтесь, отче... Нам надо всего несколько бутылок. Мы едем к траппистам в Осеру.

– К траппистам?.. А откуда вы знаете, что я священник?

– Когда бы вы священничали столько лет, сколько я, вы бы тоже сразу признали коллегу. Даже если он без воротничка.

– Это монсеньор Кихот из Эль-Тобосо, – сказал мэр.

– Монсеньор?

– Забудьте про монсеньера, отче. Обычный приходский священник, как, очевидно, и вы.

Молодой человек кинулся к дому и позвал:

– Сеньор Диего, сеньор Диего! Идите скорее! Монсеньор! У нас тут монсеньор!

– Разве это такая уж редкость видеть здесь монсеньора? – спросил мэр.

– Редкость? Конечно. Тут все священники сплошь друзья мексиканцев.

– А тот человек, которого мы повстречали на тропинке, он мексиканец?

– Конечно. И притом из плохих. Потому сеньор Диего и не продал ему вина.

– А я подумал, может, из-за его галстука.

На террасу вышел старик, державшийся с большим достоинством. У него было грустное усталое лицо человека, который слишком долго наблюдает жизнь. Он с минуту поколебался и, приняв неверное решение, протянул обе руки мэру.

– Приветствую вас, монсеньор, в моем доме.

– Нет, нет! – воскликнул молодой священник. – Монсеньор – тот, другой.

Сеньор Диего сначала протянул руки, а потом уже и обратил взгляд в сторону отца Кихота.

– Вы уж меня простите, – сказал он, – глаза подводят. Я плохо вижу, очень плохо. Только сегодня утром я прогуливался вот с этим моим внуком по винограднику, и сорняки углядел он – не я. Садитесь, пожалуйста, оба, и я сейчас принесу вам немного поесть и выпить.

– Они едут в Осеру к траппистам.

– Трапписты – люди хорошие, а вот вино у них, по-моему, будет похуже; что же до ликера, который они производят... Надо вам взять ящик вина для них, ну и ящик для себя, конечно. Да, никогда еще у меня под этим деревом не бывало монсеньера.

– Садитесь с ними, сеньор Диего, – сказал молодой священник, – а я принесу ветчины и вина.

– Белого и красного – и плошки для всех нас. Мы сейчас устроим праздник получше, чем мексиканцы. – Когда священник удалился и уже не мог его слышать, он добавил: – Если бы все здешние священники были как мой внук... Я мог бы доверить ему даже виноградник. Если бы он не решил стать священником. А все его мать виновата. Мой сын никогда бы этого не допустил. Будь он жив... Я увидел сегодня, как Хосе выдергивает сорняки – я ведь их уже почти не вижу, – и подумал: «Пора и мне, и винограднику на покой».

– Это здесь приход вашего внука? – спросил отец Кихот.

– О, нет, нет. Он живет в сорока километрах отсюда. Здешние священники выставили его из нашего прихода. Слишком он для них был опасен. Бедняки любили его, потому что он отказывался брать деньги за отходную, когда кто-нибудь умирал. Прочеть отходную – это же пустяк! Пробормотал несколько слов – и подавай ему за это тысячу песет. Словом, священники написали епископу, и хотя нашлись добрые мексиканцы, которые защищали моего внука, его отсюда убрали. Вы бы сами все поняли, если б побыли здесь подольше, увидели бы, до чего у нас священники алчные, как мексиканцы развратили их этими своими деньгами, с которыми приехали в наш нищий край.

– Мексиканцы, мексиканцы! Да кто они такие, эти мексиканцы?

Молодой священник появился под фиговым деревом с подносом, на котором стояли тарелочки с ветчиной, четыре большие глиняные плошки и бутылки красного и белого вина. Он наполнил плошки вином.

– Начните с белого, – сказал он. – Чувствуйте себя как дома. Мы с сеньором Диего поели еще до прихода мексиканца. Берите ветчину – ветчина хорошая, домашняя. У траппистов вы такой ветчины не получите.

– Но эти мексиканцы... объясните нам, пожалуйста, отче.

– О, они приезжают сюда и строят здесь богатые дома и развращают священников видом своего богатства. Они даже считают, что могут купить Пресвятую Деву. Не будем говорить о них. Есть вещи более приятные для беседы.

– Но кто все-таки они, эти мексиканцы?..

– О, среди них есть и хорошие люди. Я этого не отрицаю. Много хороших людей, и все же... я просто не понимаю чего-то. Слишком много у них денег, и слишком долго их не было.

– Где – в Мексике?

– В Галисии. Вы не берете ветчины, монсеньер. Прошу вас...

– Я так счастлив, – сказал сеньор Диего, – что принимаю под этим фиговым деревом монсеньера... монсеньера...

– Кихота, – подсказал мэр.

– Кихота? Но, конечно же...

– Недостойного потомка, – вставил отец Кихот.

– И ваш друг тоже?..

– Что до меня, – сказал мэр, – то не могу утверждать, что я прямой потомок Санчо Пансы. У нас с Санчо только фамилия одинаковая – вот и все, но уверяю вас, мы с монсеньором Кихотом пережили несколько презабавных приключений. Даже если их и нельзя сравнить с...

– Это отличное вино, – сказал сеньор Диего, – но, Хосе, Пойди-ка налей нам из второй бочки слева... ну, ты знаешь из которой... потому как только самое лучшее вино достойно быть поданным монсеньору Кихоту и его другу сеньору Санчо. И только лучшим вином мы поднимем тост за то, чтобы сгнули все здешние священники. – И когда отец Хосе ушел, сеньор Диего с великой грустью добавил: – Вот уж никогда не ожидал, что мой внук станет священником. – Отец Кихот увидел, что на глазах у него появились слезы. – О, я вовсе не презираю священников, монсеньор, – разве такое возможно? У нас хороший папа, но как же, должно быть, страдает даже он, когда во время мессы ему каждый день приходится пить такое скверное вино, а другого старики священники, коллеги моего Хосе, не покупают.

– Так ведь во время причастия глотаешь лишь каплю, – сказал отец Кихот, – едва ли тут можно почувствовать вкус. Церковное вино не хуже того, что подают в ресторанах в бутылках с роскошными этикетками.

– Да, вы совершенно правы, монсеньор. О, ко мне каждую неделю приезжают сюда всякие мерзавцы за вином, чтобы потом смешать мое вино с каким-нибудь другим – они называют это «Риоха» и рекламируют по всем дорогам Испании, а бедняги иностранцы, которые не знают разницы между хорошим вином и плохим, попадают на удочку.

– А как вы отличаете мерзавца от честного человека?

– По количеству вина, которое он хочет купить, да еще по тому, что они часто не просят даже и попробовать. – И он добавил: – Вот если бы Хосе женился и был бы у него сын! Я начал учить Хосе работать на винограднике, когда ему было всего шесть лет, и вот теперь он знает почти столько же, сколько я, а глаза у него куда лучше моих. Скоро он уже мог бы учить своего сына...

– А вы не можете найти себе хорошего управляющего, сеньор Диего? – спросил мэр.

– Это глупый вопрос, сеньор Санчо, – только какой-нибудь коммунист мог бы его задать.

– А я и есть коммунист.

– Вы уж меня извините, я не хочу сказать ничего плохого про коммунистов, которые на своем месте, но в винограднике им не место. Вы, коммунисты, можете посадить управляющих на все цементные заводы в Испании, если вам захочется. Вы можете посадить управляющих на кирпичные заводы и в компании, которые производят оружие, вы можете поставить их во главе газа и электричества, но дать им управлять виноградником – нельзя.

– Почему же, сеньор Диего?

– Лоза – она живая, как цветок или птичка. Ее же не человек сделал – человек только помогает ей выжить... или умереть, – добавил он с глубокой грустью, и лицо его словно окаменело. Он закрыл его от всех, как закрывают книгу, которую больше не хотят читать.

– Это лучшее вино, какое есть на свете, – объявил отец Хосе, а они и не слышали, как он подошел и стал наливать вино из большого кувшина им в плоски.

– Ты уверен, что взял вино из той бочки, из какой надо? – спросил сеньор Диего.

– Конечно. Из второй слева.

– Тогда можно выпить за то, чтоб сгнули все здешние священники.

– Может, вы разрешите мне выпить немного этого доброго вина до того, как мы условимся насчет тоста, а то уж очень жажда мучает.

– Конечно, монсеньор. И давайте в таком случае сначала выпьем за другое. За Святого Отца?

– За Святого Отца и его замыслы, – слегка видоизменил тост отец Кихот. – Действительно, великолепное вино, сеньор Диего. Должен признаться, наш кооператив в Эль-Тобосо не производит ничего похожего, хотя наше вино – вполне пристойное тоже. Но ваше не просто пристойное, а прекрасное.

– Я заметил, – сказал сеньор Диего, – что ваш друг не присоединился к нашему тосту. Но, конечно же, даже коммунист может выпить за замыслы Святого Отца!

– А вы бы выпили за замыслы Сталина? – спросил мэр. – Никто не знает замыслов человека, а потому за них и нельзя пить. Вы думаете, предок монсеньора действительно представлял испанское рыцарство? Таков мог быть его замысел, но все мы превращаем наши замыслы в жестокие пародии.

Отца Кихота поразило то, с какой грустью и горечью мэр это произнес. Он привык видеть мэра напористым – правда, это было, возможно, лишь формой самообороны, но сожаление – это ведь разновидность отчаяния, свидетельство того, что человек сдается, даже, возможно, меняется. И отец Кихот впервые подумал: «Где-то это наше странствие закончится?»

Сеньор Диего сказал внуку:

– Расскажи им, кто такие мексиканцы. Я-то думал, вся Испания знает про них.

– Мы не слышали о них в Эль-Тобосо.

– Мексиканцы, – сказал отец Хосе, – приехали из Мексики, но все они родились здесь. Они уехали из Галисии, спасаясь от бедности, и, надо сказать, – спаслись. Они хотели нажить денег и нажили, и вернулись сюда их тратить. Они дают деньги местным священникам и думают, что дают их Церкви. А священников разобрала алчность – они грабят бедняков и грабят богачей, играя на их суеверии. Они хуже мексиканцев. Мексиканцы – те, наверное, в самом деле верят, что могут купить себе доступ в рай. Но кто в этом виноват? Священники-то знают, что это не так, и все же торгуют Пресвятой Девой. Посмотрели бы вы на праздник, который они сегодня отмечают в соседнем городке. Священники выставляют Пресвятую Деву на торги. Четверо мексиканцев, которые больше заплатят, и понесут ее во время процессии.

– Не может быть! – воскликнул отец Кихот.

– Поезжайте туда – увидите сами.

Отец Кихот поставил на стол свою плошку. И сказал:

– Мы должны туда ехать, Санчо.

– Процессия еще не началась. Допейте сначала вино, – посоветовал сеньор Диего.

– Извините, сеньор Диего, но даже ваше лучшее вино потеряло для меня всякий вкус. Вы указали мне мой долг – «Поезжайте туда – увидите сами».

– А что вы можете сделать, монсеньор? Даже сам епископ поддерживает их.

Отец Кихот вспомнил, как он выразился про своего епископа, но удержался и не повторил, – зато его так и подмывало сказать словами своего предка: «У меня под плащом припасена для

короля такая фига...»

– Я очень вам благодарен за ваше щедрое гостеприимство, сеньор Диего, – сказал он, – но я должен ехать. Вы едете со мною, Санчо?

– Я б хотел еще попить вина сеньора Диего, отче, но не могу же я отпустить вас одного.

– В таком деле, пожалуй, лучше будет, если я поеду туда один, на «Росинанте». Я вернусь сюда за вами. Речь ведь идет о чести Церкви, так что вам нет оснований...

– Мы достаточно долго вместе колесили по дорогам, отче, нечего нам расставаться и сейчас.

А сеньор Диего сказал:

– Хосе, поставь два ящика лучшего вина им в машину. Я всегда буду помнить, как я принимал под этим фиговым деревом – хоть и накоротке – потомка великого Дон Кихота.

Они поняли, что подъезжают к городку, когда стали обгонять крестьян, шедших по дороге на праздник. Городок оказался совсем маленький, чуть больше деревушки, и они издали увидели церковь на холме. Они проехали мимо банка – «Банко Испано-Американо», который был закрыт – так же, как и все лавки.

– Какой большой банк для такого маленького местечка, – заметил мэр, после чего они миновали еще пять банков. – Мексиканские денежки, – добавил он.

– Бывают минуты, – сказал отец Кихот, – когда мне хочется назвать вас *compañero* [товарищ (исп.)], но дело до этого пока еще не дошло, не дошло.

– Что вы собираетесь делать, отче?

– Не знаю. Я боюсь, Санчо.

– Боитесь их?

– Нет, нет, боюсь себя.

– Почему вы останавливаетесь?

– Дайте сюда мой *resaca*. Он за вами, у заднего стекла. И мой воротничок тоже.

Отец Кихот вылез из машины и на глазах у небольшой группы ротозеев принялся одеваться. Он чувствовал себя как актер, одевающийся в своей уборной на глазах у друзей.

– Мы идем на битву, Санчо. Мне нужны мои доспехи. Даже если они столь же нелепы, как Мамбринов шлем. – Он снова сел за руль «Росинанта» и произнес: – Теперь я чувствую себя более готовым к битве.

Перед церковью собралось человек, должно быть, сто. Большинство из них составляли бедняки, и они смущенно расступились, пропуская отца Кихота и Санчо на лучшие места, ближе ко входу, где стояли мужчины и женщины, хорошо одетые, – наверное, торговцы или банковские служащие. Проходя мимо расступившихся бедняков, отец Кихот спросил одного из них:

– Что у вас тут происходит?

– Да торги уже кончились, монсеньор. Сейчас Пресвятую Деву вынесут из церкви.

А другой сказал:

– Нынче они прошли лучше, чем в прошлом году. Видали бы вы, сколько денег собрали.

– Начали-то торги с тысячи песет.

– А последний выложил сорок тысяч.

– Нет, нет, тридцать.

– То был предпоследний. В жизни б не подумал, что во всей Галисии найдется такая куча денег.

– Ну а тот, который всех обскакал? – спросил отец Кихот. – Что же он получает?

Один из присутствующих расхохотался и сплюнул.

– Отпущение грехов. В общем-то, недорого ему это обошлось.

– Не слушайте его, монсеньор. Он все святое высмеивает. Тот, который всех обскакал – и это справедливо, – он получит самое лучшее место, когда понесут Пресвятую Деву. Знаете, какое у нас тут состязание за эту привилегию.

– И какое же место самое лучшее?

– Впереди, справа.

– В прошлом году, – доложил шутник, – у нас было только четверо носильщиков. А в этом году священник сделал паланкин побольше, так что его понесут уже шестеро.

– И последние двое заплатили всего по пятнадцать тысяч.

– Так у них грехов поменьше. На будущий год, вот увидишь, будет уже восемь носильщиков.

Отец Кихот протиснулся ближе ко входу в церковь.

Какой-то человек дернул его за рукав. В руке он держал две монеты по пятьдесят песет.

– Монсеньор, не дадите мне сто песет бумажкой?

– Зачем она тебе?

– Да хочу пожертвовать Пресвятой Деве.

В церкви запели гимн, и отец Кихот почувствовал, как напряглась в ожидании толпа. Он спросил:

– А разве монеты Пресвятая Дева не принимает?

Над толпой появилась, раскачиваясь, голова в короне, и отец Кихот в едином порыве со всеми, кто стоял вокруг, перекрестился. Монеты выскользнули из пальцев его соседа, и он кинулся подбирать их с земли. Между головами отец Кихот на секунду увидел одного из носильщиков. Это был человек в полосатом галстуке. Тут толпа расступилась, давая дорогу, и перед отцом Кихотом на мгновение предстала вся статуя.

Он не мог поверить тому, что увидел. Покоробил его не привычный вид фигуры с гипсовым лицом и застывшими голубыми глазами, а то, что статуя была вся одета бумажками. Какой-то человек, оттолкнув отца Кихота, потянулся к ней, помахивая бумажкой в сотню песет.

Носильщики остановились, чтобы он мог приколоть банкнот к одежде статуи. А ее одежды даже и не видно было из-за бумажных купюр – банкноты в сто песет, в тысячу песет, пятисотфранковые и на сердце – стодолларовая бумажка. Между отцом Кихотом и статуей находился лишь священник да струя ладана из его кадила. Отец Кихот смотрел на увенчанную короной голову, видел остекленевшие, словно у женщины, умершей и забытой, глаза – никто даже не потрудился закрыть ей веки. Он подумал: «Неужели ради этого она смотрела на то, как в муках умирал ее сын? Чтобы потом собирать деньги? Чтобы на этом разбогател какой-то священник?»

Мэр – а отец Кихот совсем забыл, что позади него стоит мэр, – сказал:

– Пошли отсюда, отче.

– Нет, Санчо.

– Только не делайте глупостей.

– О, вы говорите со мной совсем как тот, другой, Санчо, и я отвечу вам так, как сказал мой предок, когда увидел великанов, а вы утверждали, что это были ветряные мельницы: «Если ты боишься, то отъезжай в сторону и помолись» [Сервантес, «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», ч.1, гл.8, пер. Н.Любимова].

Выступив на два шага вперед, он встал перед священником, раскачивавшим кадило, и сказал:

– Это же богохульство!

Священник повторил:

– Богохульство? – Потом, заметив, что на отце Кихоте воротничок и пурпурный рещера, добавил: –...монсеньор.

– Да. Богохульство. Если вам известно значение этого слова.

– О чем вы, монсеньор? У нас сегодня праздник. Наш престольный праздник. На то есть благословение епископа.

– Какого епископа? Да ни один епископ не разрешил бы...

Тут вмешался носильщик в ярком галстук.

– Этот человек мошенник, отче. Я сегодня уже видел его. На нем тогда не было ни рещера, ни воротничка, и он покупал вино у этого безбожника сеньора Диего.

– Вы высказали свое возмущение, отче, – сказал мэр. – Пошли отсюда.

– Позовите жандармов! – крикнул мексиканец толпе.

– Да вы же, вы... – начал было отец Кихот, но от гнева никак не мог найти нужного слова. – Опустите Пресвятую Деву! Да как вы смеете, – сказал он, обращаясь к священнику, – одевать ее деньгами? Уж лучше бы несли ее по улице голой.

– Сбегайте же за жандармами! – повторил мексиканец, но все разворачивалось настолько интересно, что никто в толпе не шелохнулся.

Вольнодумец выкрикнул:

– Спросите его, на что пойдут эти деньги!

– Ради бога, пошли отсюда, отче.

– Шествие продолжается! – скомандовал священник.

– Через мой труп, – заявил отец Кихот.

– Да кто вы такой? Какое право вы имеете прерывать наш праздник? Как вас зовут?

Отец Кихот помедлил. Ему не хотелось использовать свой сан, на который, по его мнению, он не имел настоящего права. Но любовь к женщине, чья статуя колыхалась над ним, восторжествовала над его сдержанностью.

– Я монсеньор Кихот из Эль-Тобосо, – твердо объявил он.

– Это вранье, – сказал мексиканец.

– Вранье или не вранье, но вы не имеете никаких прав в этой епархии.

– Я имею право, как любой католик, бороться с богохульством.

– Спросите все-таки его, на что пойдут эти деньги, – снова послышался голос из толпы, показавшийся отцу Кихоту слишком уж нахальным, но человек не всегда может выбирать себе союзников. И отец Кихот шагнул вперед.

– Правильно! Вдарь ему! Он же только священник. У нас теперь республика.

– Позовите жандармов! Этот человек – коммунист! – Это произнес мексиканец.

Священник взмахнул кадилом между статуей и отцом Кихотом, видимо, в надежде, что дым заставит его отступить, и кадило ударило отца Кихота по голове. Струйка крови загогулиной окружила его правый глаз.

– Пойдемте же, отче, – упрашивал его мэр.

Отец Кихот оттолкнул в сторону священника. И сдернул с одежды статуи стодолларовую бумажку, порвав при этом и платье, и бумажку. С другой стороны был приколот пятисотфранковый банкнот. Он легко оторвался, и отец Кихот отшвырнул его прочь. Несколько стопесетовых бумажек разорвались на кусочки у него в руках. Он скомкал их в шарик и бросил в толпу. Вольнодумец приветствовал это криком «Ура!» – его поддержали три или четыре голоса. Мексиканец опустил на землю свой конец паланкина, и все сооружение накренилось так, что корона у Пресвятой Девы съехала, как у пьяной, на левый глаз. Вся тяжесть переместилась на другого мексиканца – тот не выдержал и тоже опустил свой конец паланкина: Пресвятая Дева с треском рухнула на землю. Это уже походило на конец оргии. Вольнодумец во главе небольшой группы ринулся спасти банкноты – началась потасовка с носильщиками.

Схватив отца Кихота за плечо, мэр вытолкнул его из толпы. Один только мексиканец в ярком галстуке заметил это и заорал, перекрывая шум драки:

– Вор! Богохульник! Мошенник! – Перевел дух и добавил: – Коммунист!

– На сегодня хватит, – сказал мэр.

– Куда вы меня тащите? Извините. Я что-то ничего не соображаю... – Отец Кихот приложил руку к голове и увидел, что она в крови. – Меня что, кто-то ударил?

– Без кровопролития революции не бывает.

– Я, право же, не собирался... – Совершенно сбитый с толку, отец Кихот позволил мэру отвести себя к тому месту, где их ждал «Росинант». – У меня немного кружится голова, – сказал он. – Не знаю, отчего.

Мэр оглянулся. Он увидел, что мексиканец, выбравшись из драки, говорит что-то священнику, размахивая руками.

– Залезайте быстрее, – сказал мэр, – нам надо отчаливать.

– Только не сюда. Я же должен вести «Росинанта».

– Вы не можете вести машину. Вы пострадавший.

– Но он не любит чужой руки.

– Мои руки для него уже не чужие. Разве не я вел «Росинанта» всю дорогу до Эль-Тобосо к вам на выручку?

– Только, пожалуйста, не переутомите его. Он ведь старенький.

– Ничего, еще достаточно молоденький, чтобы делать по сто километров в час.

Отец Кихот уступил и не стал больше спорить. Он откинулся на сиденье, насколько позволял «Росинант». После вспышки гнева он всегда чувствовал себя опустошенным – особенно от мыслей, которые лезли в голову.

– О, господи, о, господи, – произнес он. – Что-то скажет епископ, если до него это дойдет?

– Безусловно дойдет, но меня больше волнует, что скажут жандармы... или что сделают.

Стрелка спидометра подходила к ста километрам!

– Вы же вызвали бунт. Это самое серьезное из ваших преступлений. Надо нам искать убежище. – И мэр добавил: – Я бы предпочел Португалию, но Осерский монастырь – все-таки лучше, чем ничего.

Они проехали молча еще с полчаса, прежде чем мэр снова раскрыл рот.

– Вы не спите?

– Нет.

– Что-то это не похоже на вас – чтобы вы так долго молчали.

– Меня мучает одно безусловное проявление закона природы. Просто необходимо облегчиться.

– А вы не можете потерпеть еще полчаса? Мы как раз приедем в монастырь.

– Боюсь, что не могу.

Мэр нехотя остановил «Росинанта» возле поля, на котором было что-то, похожее на древний кельтский крест. Пока отец Кихот облегчался, мэр разбирал почти стершуюся надпись на кресте.

– Вот так-то оно лучше. Теперь я снова могу разговаривать, – сообщил ему, вернувшись, отец Кихот.

– Очень странно, – сказал мэр. – Вы заметили в поле этот старый крест?

– Да.

– Оказывается, он не такой уж и старый. На нем значится – тысяча девятьсот двадцать восьмой год, и поставлен он в этом поле в память о школьном инспекторе. Но почему тут? И почему в память о школьном инспекторе?

– Возможно, он погиб на этом месте. В автомобильной аварии?

– А может быть, от рук жандармов, – произнес мэр и взглянул в свое зеркальце, но дорога позади них была пуста.

ГЛАВА IV

О том, как монсеньор Кихот воссоединился со своим предком

Огромное серое здание Осерского монастыря стоит почти в полном одиночестве во впадине Галисийских холмов. Все селение Осера состоит из лавчонки и бара у самого входа в монастырские угодья. Резные каменные стены шестнадцатого века скрывают строения двенадцатого века: внушительная лестница метров двадцати в ширину, по которой мог бы подняться – плечом к плечу – целый взвод, ведет к длинным коридорам вокруг главного двора, где над аркадами расположены комнаты для гостей. Днем тут можно услышать лишь стук молотков полдюжины каменотесов, залечивавших раны, нанесенные зданию за семь веков. Время от времени промелькнет фигура в белых одеждах, спешащая, видимо, по какому-то серьезному делу, да из темных углов глянут на вас деревянные статуи пап и рыцарей, чей орден основал здесь монастырь. С наступлением темноты они словно оживают, как это обычно бывает с печальными воспоминаниями. У посетителя возникает впечатление, что он попал на заброшенный остров, где лишь недавно высадилась небольшая группа искателей приключений, которые и принялись обживать развалины отошедшей в прошлое цивилизации.

Двери церкви, ведущие на небольшую площадь перед монастырем, открываются лишь в часы, отведенные для посетителей, а также во время воскресной мессы, монахи же пользуются своей лестницей, что ведет из коридора, соединяющего комнаты для гостей, вниз, в высокий, как в соборе, неф. Только в часы, выделенные для посетителей, или когда приезжают гости, среди древних камней звучат человеческие голоса – словно причалило экскурсионное судно и высадило на берег несколько туристов.

Отец Леопольдо прекрасно понимал, что приготовил для гостя очень плохой обед. Он не питал иллюзий насчет своих кулинарных способностей, но его братья-трапписты привыкли и к худшему, да, собственно, жаловаться у них не было оснований – ведь каждому, в свою очередь, приходилось этим заниматься, и у кого получалось лучше, а у кого и хуже. Тем не менее большинство гостей привыкло, наверное, к лучшей кухне, и отец Леопольдо чувствовал себя глубоко несчастным, вспоминая о том, какой обед он подал в тот день, тем более что он действительно высоко ставил единственного находившегося у них в тот момент гостя – профессора испанистики из американского университета Нотр-Дам. Профессор Пилбим – судя по тарелкам – съел не более одной-двух ложек супа и почти не притронулся к

рыбе. Мирской брат [член общества при монастыре; устав общества близок к орденскому, но позволяет братьям иметь семью], помогавший отцу Леопольдо на кухне, многозначительно поднял брови, когда от профессора принесли тарелки, и подмигнул отцу Леопольдо. Когда дан обет молчания, подмигивание вполне может заменить слово, а никто в этом монастыре не давал обета исключить все формы общения друг с другом – не разрешалось только пользоваться голосом.

Отец Леопольдо был рад, когда наконец мог уйти из кухни и отправиться в библиотеку. Он надеялся найти там профессора, чтобы извиниться перед ним за обед. С гостем разрешалось разговаривать, и отец Леопольдо был уверен: профессор Пилбим поймет, что он по рассеянности переложил соли. Думал он в тот момент – как это очень часто с ним бывало – о Декарте. Присутствие профессора Пилбима, который уже вторично приезжал в Осеру, лишило отца Леопольдо спокойствия духа и, вырвав из однообразия его жизни, ввергло в более смутный мир, мир возвышенных раздумий. Профессор Пилбим был, пожалуй, величайшим среди живых авторитетом по Игнатию Лойоле и его трудам, а любая интеллектуальная дискуссия, даже на такую столь мало привлекательную тему, как святой иезуит, была для отца Леопольдо подобна куску хлеба для голодного. Тут и таилась опасность. В монастыре нередко гостили молодые люди великой набожности, вообразившие, что они призваны вести жизнь траппистов, и они неизменно раздражали отца Леопольдо своим невежеством и чрезмерным уважением к обету молчания, который, по их мнению, был великой жертвой с его стороны. Их одолевала романтическая жажда принести в жертву и свою жизнь. Он же, придя сюда, обрел лишь весьма шаткий покой души.

Профессора в библиотеке не оказалось: отец Леопольдо сел и снова стал думать о Декарте. Это Декарт из скептика превратил его в служителя Церкви – точно так же, как он привел в лоно Церкви шведскую королеву. Декарт, безусловно, не пересолил бы супа и не пережарил бы рыбы. Декарт был человеком практического склада: это он изобрел очки, стремясь облегчить жизнь теряющим зрение, и кресло на колесиках, чтобы помочь калекам. В молодости отец Леопольдо и не помышлял стать священником. Он привязался к Декарту, не думая о том, куда это может его завести. Следуя Декарту, он в поисках абсолютной истины все ставил под сомнение и под конец, как и Декарт, принял то, что казалось ему ближе всего к истине. Тогда-то он и совершил великий прыжок – куда больший, чем Декарт, – прыжок в мир тишины Осеры. Он не страдал здесь – если не считать истории с супом и с рыбой, – тем не менее радовался возможности поговорить с умным человеком, пусть даже о святом Игнатии, а не о Декарте.

Поскольку профессор Пилбим все не появлялся, отец Леопольдо прошел по коридору вдоль комнат для гостей и спустился в большую церковь, которая в этот час, когда двери с улицы в нее закрыты, должна была быть пустой. В часы, когда в церковь не пускали туристов, там бывало мало народу – даже по воскресеньям, так что отец Леопольдо, входя в нее, как бы входил в родной дом, где нет посторонних. Он мог молиться там, как хотел, и он часто читал там молитвы по Декарту, а иногда даже молился Декарту. Церковь была плохо освещена, и когда отец Леопольдо вошел туда со стороны монастыря, он сначала не узнал мужчину, который стоял, разглядывая довольно нелепую фреску, изображавшую голого человека, застрявшего в терновнике. Когда же стоявший заговорил с американским акцентом, отец Леопольдо понял, что это профессор Пилбим.

– Я знаю, что вы не очень любите святого Игнатия, – сказал он, – но ведь он был хорошим солдатом, хороший же солдат не стал бы бросаться в терновник, а нашел бы способ причинить себе страдания более целесообразным путем.

Отец Леопольдо оставил мысль об уединенной молитве, к тому же редкая возможность побеседовать была куда важнее. Он сказал:

– Я не уверен, что святого Игнатия так уж занимала проблема целесообразности. Солдат

ведь может быть и большим романтиком. Потому, мне кажется, он и стал национальным героем. Все испанцы – романтики, поэтому мы иногда и принимает ветряные мельницы за великанов.

– Ветряные мельницы?

– Вы же знаете, что один из наших великих современных философов сравнил святого Игнатия с Дон Кихотом. У них было много общего.

– Я с детства не перечитывал Сервантеса. Мне он представляется слишком уж большим выдумщиком. А времени заниматься вымыслами у меня нет. Я предпочитаю факты. Если бы мне удалось откопать хоть один дотоле неизвестный документ о святом Игнатии, я умер бы счастливым человеком.

– Факты и вымысел – между ними не всегда легко провести грань. Вы ведь католик...

– Боюсь, довольно номинальный, отче. Просто я не потрудился изменить этикетку, с которой появился на свет. Ну и, конечно, то, что я католик, помогает мне в моих изысканиях – это открывает передо мною двери. А вот вы, отец Леопольдо, изучаете Декарта. Как мне представляется, это едва ли открывает вам много дверей. Что привело вас сюда?

– Видимо, Декарт привел меня к тому, к чему пришел и сам – к вере. Факты или вымысел – в конечном счете провести между ними грань невозможно... приходится выбирать.

– Да, но чтобы стать траппистом?

– Я думаю, вы знаете, профессор, что, когда прыгаешь, гораздо безопаснее прыгать в глубокую воду.

– И вы не сожалеете?..

– Всегда найдется многое, о чем можно сожалеть, профессор. Сожаление – часть жизни. Нельзя избежать сожалений, даже находясь в монастыре двенадцатого века. Вот вы можете в своем университете их избежать?

– Нет, но я уже давно решил, что я не из тех, кто совершает прыжки.

Фраза эта прозвучала совсем не ко времени, ибо как раз в этот момент профессор так и подпрыгнул от звука взрыва, раздавшегося за стенами; через несколько секунд за ним последовали еще два, а затем треск.

– У кого-то лопнула шина! – воскликнул профессор Пилбим. – Боюсь, произошла авария.

– Это не шина, – сказал отец Леопольдо. – Это были выстрелы. – Он кинулся к лестнице, крикнув через плечо: – Двери в церковь заперты. Следуйте за мной. – Он побежал по коридору вдоль комнат для гостей со всею скоростью, какую позволяло ему длинное одеяние, и, с трудом переводя дух, выскочил на площадку наверху большой парадной лестницы. Профессор не отставал от него. – Пойдите разыщите отца Энрике. Скажите, чтобы он открыл двери в церковь. Если кто-то пострадал, нам не втащить его по этой лестнице.

Отец Франсиско, ведавший лавочкой у входа, выскочил из нее, бросив свои открытки, четки и бутылочки с ликером на произвол судьбы. Вид у него был испуганный, и, чтобы не нарушать обета молчания, он взмахнул рукою, указывая на дверь.

Маленький «сеат» стоял у церкви, врезавшись в нее. Двое жандармов, выскочившие из джипа, осторожно направлялись к машине с револьверами на прицеле. Какой-то человек с залитым кровью лицом пытался открыть дверцу «сеата». Он гневно бросил жандармам:

– Да подойдите же, помогите открыть эту дверцу, убийцы. Мы не вооружены.

Отец Леопольдо спросил:

– Вы ранены?

– Конечно, ранен. Но это ерунда. По-моему, они убили моего друга.

Жандармы спрятали револьверы. Один из них сказал:

– Мы же стреляли в шины.

Другой пояснил:

– Нам было приказано. Этих людей разыскивают за устройство бунта.

Отец Леопольдо заглянул внутрь сквозь разбитое ветровое стекло. Увидев пассажира, он воскликнул:

– Но это же священник! – И через мгновение: – Монсеньор!

– Да, – возмущенно подтвердил незнакомец, – монсеньор... и если бы монсеньер не остановился по нужде, мы бы уже находились в безопасности у вас в монастыре.

Жандармам наконец удалось открыть дверцу со стороны пассажира.

– Он живой, – сказал один из них.

– Нет – по вашей милости.

– Вы оба арестованы. Садитесь в джип, а мы сейчас вытащим вашего дружка.

Тут двери церкви распахнулись, и к ним вышел профессор Пилбим.

Отец Леопольдо сказал:

– Они оба ранены. Вы не можете в таком виде их забрать.

– Их разыскивают за устройство бунта и кражу денег.

– Какая ерунда! Этот человек в машине – монсеньор. А монсеньоры не крадут денег. Как зовут вашего друга? – спросил отец Леопольдо у незнакомца.

– Монсеньор Кихот.

– Кихот?! Такого не может быть, – заметил профессор Пилбим.

– Монсеньор Кихот из Эль-Тобосо. Отпрыск самого великого Дон Кихота.

– У Дон Кихота не было отпрысков. Откуда им взяться? Это же вымышленная фигура.

– Вот опять, профессор, факты и вымысел. Видите, как трудно их разграничить, – заметил отец Леопольдо.

Жандармам тем временем удалось вытащить отца Кихота из разбитой машины, и они положили его на землю. Он пытался что-то сказать. Незнакомец нагнулся к нему.

– Если он умрет, – сказал он жандармам, – ей-богу, уж я заставлю вас за это заплатить.

Один из жандармов смутился, а другой резко спросил:

– Ваша фамилия?

– Санкас, Энрике, но монсеньор, – и он так прокатил "р", точно выбивал дробь на барабанах, – предпочитает звать меня Санчо.

– Профессия?

– Я бывший мэр Эль-Тобосо.

– Ваши документы.

– Можете их посмотреть, если найдете среди обломков.

– Сеньор Санкас, – обратился к нему отец Леопольдо, – вы не можете разобраться, что пытается сказать монсеньор?

– Он спрашивает, не пострадал ли «Росинант».

– «Росинант»? – воскликнул профессор Пилбим. – Но ведь так звали лошадь!

– А он имеет в виду машину. Я не смею сказать ему правду. Это может оказаться для него слишком тяжелым ударом.

– Профессор, не позвоните ли вы в Оренсе и не попросите ли прислать врача? Отец Франсиско знает номер.

Угрюмый жандарм сказал:

– Насчет доктора мы сами позаботимся. Мы их везем в Оренсе.

– В таком состоянии вы их не повезете. Я это запрещаю.

– Мы придем за ним «скорую помощь».

– Можете, если угодно, присылать вашу «скорую помощь», но ей придется долго ждать: эти двое останутся здесь, в монастыре, до тех пор, пока врач не разрешит им уехать. Я поговорю с епископом в Оренсе, и, уверен, он кое-что скажет вашему командиру. И не смейте наставлять на меня вашу пушку.

– Мы поедем и обо всем доложим, – заявил другой жандарм.

Тут вернулся профессор Пилбим с каким-то монахом. Они несли матрас. Профессор сказал:

– Отец Франсиско сейчас звонит. А это мы принесли вместо носилок.

Отца Кихота с трудом переложили на матрас, и они вчетвером внесли его в церковь и пошли с ним по нефу. Он что-то бормотал – возможно, молитвы, а возможно, и проклятья. Когда они свернули перед алтарем к лестнице, он попытался перекреститься, но так и не сумел завершить крестное знамение. Он снова лишился чувств. Лестница оказалась для носильщиков серьезным испытанием, и наверху они вынуждены были остановиться, чтобы передохнуть.

Профессор Пилбим сказал:

– Кихот – это не испанская фамилия. Сам Сервантес сказал, что подлинное имя его героя скорее всего было Кехана и что жил он не в Эль-Тобосо.

Мэр сказал:

– Так и монсеньор Кихот родился не там.

– А где же он родился?

Мэр процитировал:

– «В некоем селе Ламанчском, которого название у меня нет охоты припоминать» [Сервантес, «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», ч.1, гл.1, пер. Н.Любимова].

– Но вся эта история нелепа. А Росинант...

Отец Леопольдо сказал:

– Давайте сначала осторожно положим его на кровать в третьей комнате для гостей, а потом будем обсуждать сложное различие между фактом и вымыслом.

Тут отец Кихот открыл глаза.

– Где я? – спросил он. – Мне казалось... мне казалось... я был в церкви.

– Вы и были там, монсеньор. В Осерской церкви. А сейчас мы несем вас в комнату для гостей, где вы сможете поспать на удобной кровати, пока не придет доктор.

– Опять доктор! О, господи, господи, неужели у меня так плохо со здоровьем?..

– Немножко отдохнете – и снова станете прежним.

– Я подумал... в церкви... а потом была лестница... я подумал, если бы мне только отслужить мессу...

– Возможно... завтра... когда вы отдохнете.

– Слишком давно я не служил мессы. Болел... странствовал...

– Не волнуйтесь, монсеньор. Может быть, завтра.

Они благополучно донесли его до отведенной ему комнаты, а вскоре приехал доктор из Оренсе и сказал им, что, по его мнению, у отца Кихота нет ничего серьезного – Шок и небольшая рана на голове от разбившегося ветрового стекла. Конечно, в его возрасте... Завтра, сказал доктор, он обследует его более тщательно. Возможно, потребуется рентген. А пока больному необходим покой. Куда больших забот требовал мэр – больших во многих отношениях, ибо когда доктор покончил с ним (а ему было наложено более полудюжины швов), из Оренсе позвонил начальник жандармов. Жандармы позвонили в Ламанчу и навели справки об отце Кихоте – тамошний епископ сказал им, что это действительно монсеньор (произведенный в сан Святым Отцом по какому-то недоразумению), но он психически не вполне здоров и не отвечает за свои поступки. Что же до его спутника – тут дело обстоит иначе. Он действительно был мэром Эль-Тобосо, но на последних выборах потерпел поражение, к тому же он – отъявленный коммунист.

По счастью, у телефона оказался отец Леопольдо. Он сказал:

– Нас в Осере не интересуют политические взгляды. Он пробудет здесь до тех пор, пока не выздоровеет и не сможет двинуться в путь.

Доктор дал отцу Кихоту успокаивающее. Он заснул глубоким сном и проснулся только в час ночи. А проснувшись, никак не мог понять, где находится. Он позвал: «Тереса!» – но ответа не последовало. Откуда-то доносились голоса – мужские голоса, и ему пришла в голову мысль, что это отец Эррера и епископ беседуют о нем в гостиной. Он вылез из постели, но ноги не держали его; тогда он снова опустился на кровать и на этот раз уже более настойчиво позвал Тересу.

Вошел мэр и следом за ним – отец Леопольдо. Профессор Пилбим остался стоять в дверях.

– У вас что-нибудь болит, монсеньор? – осведомился отец Леопольдо.

– Пожалуйста, не зовите меня монсеньером, доктор Гальван. Я ведь не имею теперь права даже служить мессу. Епископ запретил. Он бы с удовольствием даже сжег мои книги.

– Какие книги?

– Мои любимые. Святого Франциска Сальского, святого Августина, сеньориту Мартен из Лизье. Боюсь, он не оставит мне даже апостола Иоанна. – Он поднес руку к забинтованной голове. – Я рад, что вернулся в Эль-Тобосо. Но, может быть, как раз в эту минуту на улице отец Эррера сжигает мои книги.

– Не волнуйтесь. Через день-другой... отче... вы снова почувствуете себя самим собою. А сейчас вам нужен покой.

– Это трудно – лежать в покое, доктор. Столько всего в моей голове просится наружу. Вы во всем белом... вы не собираетесь меня резать?

– Конечно, нет, – заверил его отец Леопольдо, – только дадим вам еще одну таблетку, чтобы вы спали.

– Как, Санчо, это вы? Рад вас видеть. Вы, значит, сумели добраться домой. А как «Росинант»?

– Очень устал. Отдыхает сейчас в гараже.

– Какие мы с ним оба старые. Я вот тоже устал.

Он без возражений проглотил таблетку и почти тотчас заснул.

– Я посижу в нем, – сказал Санчо.

– А я побуду с вами. Я не смогу заснуть после всех этих волнений, – сказал отец Леопольдо.

– А я ненадолго прилягу, – сказал профессор Пилбим. – Вы знаете мою комнату. Разбудите меня, если я вам понадобится.

Часов около трех утра отец Кихот что-то произнес и вывел их обоих из неглубокого сна. Он сказал:

– Ваше преосвященство, агнец, возможно, и способен усмирить слона, но я очень вас прошу, помяните коз в ваших молитвах.

– Он видит сон или бредит? – поинтересовался отец Леопольдо.

Санчо сказал:

– Я что-то припоминаю...

– Вы не имеете права жечь мои книги, ваше преосвященство. Умоляю вас, пусть я погибну от меча, но не от булавочных уколов. – Последовала короткая пауза. Затем: – Пернуть, – сказал отец Кихот, – можно и мелодично.

– Боюсь, – прошептал отец Леопольдо, – что он в куда худшем состоянии, чем сказал нам доктор.

– Мамбрино, – слышалось из постели. – Мамбринов шлем. Дайте мне его.

– Что такое Мамбринов шлем?

Санчо сказал:

– Так назывался тазик цирюльника, который надел себе на голову Дон Кихот. Его предок, как он считает.

– Профессору, по-моему, это представляется абсурдом.

– Как и епископу, так что я склонен думать, что это правда.

– Каюсь и прошу, прощения за полбутылку. Я согрешил перед Святым Духом.

– Что он хочет этим сказать?

– Слишком долго объяснять сейчас.

– Человек многому научился от животных: от аиста перенял идею клизмы, от слонов – целомудрие, от лошади – верность.

– Будто читает святого Франциска Сальского, – прошептал отец Леопольдо.

– Нет. По-моему, это из Сервантеса, – поправил их профессор Пилбим, входя в комнату.

На какое-то время воцарилась тишина.

– Он снова заснул, – прошептал отец Леопольдо. – Может быть, когда проснется, он будет чувствовать себя поспокойнее.

– Молчание у него – не признак спокойствия, – сказал Санчо. – Иной раз оно означает смятение духа.

Однако голос, раздавшийся из постели, звучал громко и твердо.

– Я не предлагаю тебе быть губернатором, Санчо. Я предлагаю тебе царство.

– Скажите ему что-нибудь, – попросил отец Леопольдо.

– Царство? – переспросил Санчо.

– Пойдем со мной, и ты обретешь царство.

– Я никогда не расстанусь с вами, отче. Мы для этого слишком долго с вами странствуем.

– Вот такие подскоки, значит, и есть любовь.

Отец Кихот сел в постели и отбросил простыню.

– Вы осудили меня, ваше преосвященство, запретили служить мессу даже приватно. Это позор. А я ведь ничем перед вами не провинился. И я повторю вам в лицо те слова, которые

сказал доктору Гальвану: «Пошел он к такой-то матери, этот епископ». – Отец Кихот опустил ноги на пол, пошатнулся, затем обрел равновесие. – Такие подскоки, – повторил он, – значит, и есть любовь.

Он подошел к двери и повозился с ручкой. Затем повернулся и посмотрел сквозь находившихся в комнате так, точно они все трое были стеклянные.

– Нет воздушных шариков, – заметил он с глубокой грустью, – нет воздушных шариков.

– Идите за ним, – сказал отец Леопольдо мэру.

– А не стоит его разбудить?

– Нет. Это может быть опасно. Пусть до конца проживет свой сон.

Отец Кихот медленно и осторожно вышел в коридор и направился к большой лестнице, но, возможно, воспоминание о том, как его несли из церкви, заставило его остановиться. Он повернулся к одной из деревянных раскрашенных фигур – папе или рыцарю? – и совершенно здраво спросил:

– Это путь в вашу церковь?

Казалось, он получил ответ, так как повернулся и, молча пройдя мимо Санчо, на сей раз направился напрямик к внутренней лестнице. И все трое осторожно, чтобы его не потревожить, пошли за ним.

– А что если он свалится с лестницы? – прошептал мэр.

– Разбудить его еще опаснее.

Отец Кихот привел их в большую темную церковь, освещенную лишь месяцем, глядевшим в восточное окно. Он твердым шагом прошел к алтарю и стал читать старинную латинскую мессу, но в каком-то странно усеченном виде. Начал он с возгласа:

– «Et introibo ad altare Dei, qui laetificat juventutem meam» ["Подхожу к алтарю божию, который был мне радостью в моей юности" (лат.)].

– Сознает ли он, что делает? – шепотом спросил профессор Пилбим.

– Это одному богу известно, – ответил отец Леопольдо.

А отец Кихот продолжал быстро читать мессу – опустил послания апостолов, опустил Евангелие, словно стремился быстрее добраться до освящения Даров. «Потому что боится, как бы епископ не прервал его? – подумал про себя мэр. – Или жандармы? Он даже длинный перечень святых от Петра до Дамиана – и тот опустил».

– Когда он обнаружит, что нет ни дискоса, ни чаши, то наверняка проснется, – заметил отец Леопольдо.

Мэр сделал несколько шагов к алтарю. Он боялся, что в момент пробуждения отец Кихот может упасть, и ему хотелось быть рядом, чтобы подхватить его.

– «Кто накануне того дня, когда Он принял страдания, разломил хлеб...» – Казалось, отец Кихот не замечал, что на алтаре не было ни гостии, ни дискоса. Он воздел к небу пустые руки. – «Hoc est enim corpus meum» [сие есть тело мое (лат.)]. – И твердо, без единой запинки дочитал мессу до освящения несуществующего вина в несуществующей чаше.

Когда раздались слова, сопутствующие освящению, отец Леопольдо и профессор по

привычке опустились на колени; мэр же продолжал стоять. Он хотел быть наготове на случай, если отец Кихот пошатнется.

– «Nis est enim calix sanguinis mei» [Сие есть чаша крови моей (лат.)]. – Пустые руки округлились в воздухе, как бы охватывая несуществующую чашу.

– Что это – сон? Бред? Безумие? – шепотом спросил профессор Пилбим.

Мэр еще на несколько шагов приблизился к алтарю. Он боялся отвлечь отца Кихота. Пока он произносит латинские слова, он, по крайней мере, счастлив в своем сне.

За годы, прошедшие с юности, когда мэр учился в Саламанке, он почти забыл мессу. В его голове остались только какие-то ключевые моменты, которые в те далекие времена воздействовали на его чувства. Отец Кихот, видимо, страдал такими же пробелами в памяти – произносил все эти годы почти автоматически, наизусть, слова мессы, он помнил только эти фразы, которые, подобно ночникам в детстве, озаряли темную комнату его привычки.

Так он вспомнил «Отче наш»; оттуда память его перескочила на «Agnus Dei» ["Агнец божий" (лат.)].

– «Agnus Dei qui tollis peccata mundi...» [Агнец божий, что приемлет на себя грехи мира... (лат.)] – Он помолчал и потряс головой. На секунду мэру показалось, что отец Кихот выходит из своего сна. А он прошептал совсем тихо, так что только мэр услышал: – Агнец божий, но ведь козы-то, козы... – И затем перешел к молитве римского центуриона: – «Господь, я недостойн, чтобы ты вошел под кров мой... скажи слово, и выздоровеет слуга твой».

Приближался момент причащения. Профессор сказал:

– Когда он обнаружит, что причащаться нечем, то, безусловно, проснется.

– Не уверен, – откликнулся отец Леопольдо. И добавил: – Я не уверен, проснется ли он вообще.

Несколько секунд отец Кихот молчал. Он стоял, слегка раскачиваясь, перед алтарем. Мэр сделал еще шаг вперед, готовый подхватить его, но тут отец Кихот снова произнес:

– «Corpus Domini nostri» [Тело господи нашего (лат.)], – и, без колебаний взял с невидимого диска невидимую гостию, положил это ничто себе на язык. Затем он поднял невидимую чашу и как бы глотнул из нее. Мэр видел движение его горла при глотке.

Только тут отец Кихот, казалось, осознал, что он не один в церкви. Он озадаченно посмотрел вокруг. Возможно, он искал причащающихся. Заметив мэра, стоявшего в нескольких шагах от него, он взял двумя пальцами несуществующую гостию; нахмурился, словно что-то озадачивало его, и затем улыбнулся.

– Сопрапего, – сказал он, – стань на колени, сопрапего. – Вытянув два пальца, он сделал три шага вперед, и мэр опустился на колени.

«Что угодно, лишь бы он был спокоен, – подумал Санчо, – все, что угодно». Пальцы приблизились почти к самому его лицу. Мэр раскрыл рот и почувствовал на своем языке вместо облатки – пальцы.

– Такие вот подскоки, – произнес отец Кихот, – такие подскоки... – и тут ноги его подкосились.

Мэр едва успел подхватить его и опустить на землю.

– Соррапего, – в свою очередь, повторил мэра, – это я, Санчо, – снова и снова тщетно пытаюсь уловить биение сердца отца Кихота.

Монах, занимающийся гостями, – очень древний старец по имени отец Фелипе, – сказал мэру, что, как ему кажется, он сможет найти отца Леопольдо в библиотеке. Это был час, отведенный для посещений, и отец Фелипе вел то и дело разбредавших туристов по тем помещениям монастыря, которые были открыты для публики. Тут были пожилые дамы, с глубочайшим уважением вслушивавшиеся в каждое слово; несколько мужей, всем своим видом показывавших, что они пришли сюда, только чтобы убогатить жен, и трое молодых ребят, которым то и дело приходилось напоминать, чтобы они не курили, а они были явно расстроены тем, что две хорошенькие девушки в группе не обращали на них ни малейшего внимания. Их мужские чары, казалось, не действовали на девушек, а вот дух безбрачия и тишина, царившие в старом здании, возбуждали девчонок, как острый запах духов, и они, точно замороженные уставились на табличку «Claustura» [“Закрито”; здесь – вход запрещен (лат.)], которая в какой-то момент, словно знак, регулирующий уличное движение, преградила им путь, – смотрели так, будто там, за этой дверью, были тайны, куда более интересные и порочные, чем все, что могли им предложить молодые ребята.

Один из них подергал за ручку и обнаружил, что дверь заперта. Желая привлечь к себе внимание, он громко спросил:

– Эй, отче, а там что?

– Там один из наших гостей – заснул и никак не проснется, – ответил отец Фелипе.

«Надолго-долго заснул и долго-долго не проснется», – подумал мэра. Это была комната, где лежало тело отца Кихота. Мэра постоял, глядя вслед туристам, пока они шли по длинному коридору мимо комнат для гостей, затем повернулся и отправился в библиотеку. Там он обнаружил профессора и отца Леопольдо, которые беседовали, меряя шагами помещение.

– Снова – факт и вымысел, – говорил отец Леопольдо, – провести между ними грань со всею очевидностью нельзя.

Мэра сказал:

– Я пришел, отче, проститься с вами.

– Вы вполне можете побыть здесь еще немного.

– Я полагаю, тело отца Кихота заберут сегодня в Эль-Тобосо. А мне, думается, лучше двинуть в Португалию, где у меня есть друзья. Вы не разрешите мне воспользоваться телефоном, чтобы вызвать такси: я хочу доехать до Оренсе, чтобы взять там напрокат машину?

Профессор сказал:

– Я отвезу вас. Мне самому надо в Оренсе.

– Вы не хотите быть на похоронах отца Кихота? – спросил отец Леопольдо мэра.

– То, что делают с телом, не так уж и важно, верно?

– Вполне христианская мысль, – заметил отец Леопольдо.

– К тому же, – добавил мэра, – мое присутствие, я думаю, приведет в смущение епископа,

который, несомненно, там будет, если похороны состоятся в Эль-Тобосо.

– Ах, да, епископ... Он уже звонил сегодня утром. Он хотел, чтобы я передал настоятелю, что отцу Кихоту ни в коем случае не разрешено служить мессу, даже для себя. Я сообщил ему о печальных обстоятельствах, которые не позволяют сомневаться, что его распоряжение будет выполнено – отныне и навеки.

– И что он сказал?

– Ничего, но, мне кажется, я услышал вздох облегчения.

– Почему вы сказали «отныне и навеки»? То, что мы вчера ночью слышали, едва ли можно назвать мессой, – заметил профессор.

– Вы в этом уверены? – спросил отец Леопольдо.

– Конечно. Ведь не было же освящения вина.

– Я повторяю – вы в этом уверены?

– Конечно, уверен. Не было же ни вина, ни гостии.

– Декарт, думается, выразился бы осторожнее: он сказал бы, что _не видел_ ни хлеба, ни вина.

– Но вы же знаете, как и я, что действительно ни хлеба, ни вина _не было_.

– Я знаю столько же, сколько и вы, или так же мало, – да, согласен. Но монсеньор Кихот явно верил, что у него были и хлеб, и вино. Так кто же из нас прав?

– Мы.

– Логически это очень трудно доказать, профессор. В самом деле, очень трудно.

– Вы хотите сказать, – спросил мэр, – что я действительно причастился?

– Конечно, причастились – в

его представлении. А это имеет для вас значение?

– Для меня – нет. Но, боюсь, в глазах вашей Церкви я никак не достоин причастия. Я же коммунист. Человек, который не был на исповеди лет тридцать, а то и больше. А чего я только не натворил за эти тридцать лет... ну, едва ли вам будут интересны детали.

– Возможно, монсеньор Кихот знал состояние вашего духа лучше, чем вы сами. Вы же были друзья. Вы вместе странствовали. Он хотел, чтобы вы причастились. Тут он действовал без колебаний. Я отчетливо слышал, как он сказал: «Стань на колени, сопранего».

– Но гостии же не было, – крайне раздраженно настаивал на своем профессор, – что бы там Декарт ни говорил. Вы спорите просто, чтобы спорить. Вы неправильно ссылаетесь на Декарта.

– Вы считаете, труднее превратить воздух в вино, чем вино в кровь? Можем ли мы при ограниченности наших чувств разрешить эту дилемму? Перед нами – бесконечная тайна.

Мэр сказал:

– Мне все-таки хотелось бы думать, что никакой гостии не было.

– Почему?

– Потому что в молодости я какое-то время в известной мере верил в бога и кое-что от этого еще осталось. Я боюсь мистики, и я слишком стар, чтобы менять свои пятна. Я предпочитаю мистике – Маркса, отче.

– Вы были хорошим другом и вы хороший человек. Вы не нуждаетесь в моем благословении, но придется вам его тем не менее принять. Не смущайтесь. Такая у нас привычка – все равно, как посылать открытки на рождество.

Пока профессор собирался, мэр купил у отца Фелипе бутылочку ликера и две открытки с видами, так как монахи отказались взять у него деньги за постой и даже за телефонный звонок. Ему не хотелось чувствовать себя им обязанным: ведь благодарность – это все равно как наручники, которые может снять с тебя лишь твой тюремщик. Мэру же хотелось быть свободным от каких-либо обязательств, но у него было ощущение, что где-то по дороге из Эль-Тобосо он свою свободу потерял. «Людям свойственно сомневаться», – сказал ему отец Кихот, но сомневаться, подумал Санчо, – значит утратить свободу действий. Когда сомневаешься, начинаешь колебаться между одним и другим. Ведь не в сомнениях же Ньютон открыл закон тяготения или Маркс – будущее капитализма.

Мэр пошел взглянуть на искореженный каркас «Росинанта». Он порадовался, что отец Кихот не видел своего коня в таком состоянии – автомобиль стоял, прижатый к стене церкви, ветровое стекло разлетелось на кусочки, одна дверца болталась на петлях, другая была вдавлена, шины спущены, прорешеченные пулями жандармов, – «Росинанту», как и отцу Кихоту, пришел конец. Они умерли друг за другом – покореженный металл, лопнувший мозг. Мэр с каким-то лютым упорством подбирал сравнения, ища схожесть, стремясь доказать самому себе, что человек – это та же машина. Но ведь отец Кихот любил эту машину.

Раздался гудок, и мэр, отвернувшись от «Росинанта», направился к профессору Пилбиму. Когда он сел рядом с профессором, тот сказал:

– У отца Леопольдо какие-то нелепые представления о Декарте. В этом молчании, которое они здесь вынуждены поддерживать, видимо, рождаются странные идеи – как грибы в темном погребе.

– Да. Возможно.

Мэр не раскрывал рта до самого Оренсе – в его мозгу зародилась странная мысль. Почему ненависть к человеку – даже к такому человеку, как Франко, – умирает вместе с его смертью, а любовь, любовь, которую он начал испытывать к отцу Кихоту, казалось, продолжала жить и разрасталась, хотя они простились навеки и между ними навеки воцарилось молчание... «Сколько же времени, – не без страха подумал он, – может такая любовь длиться? И к чему она меня приведет?»